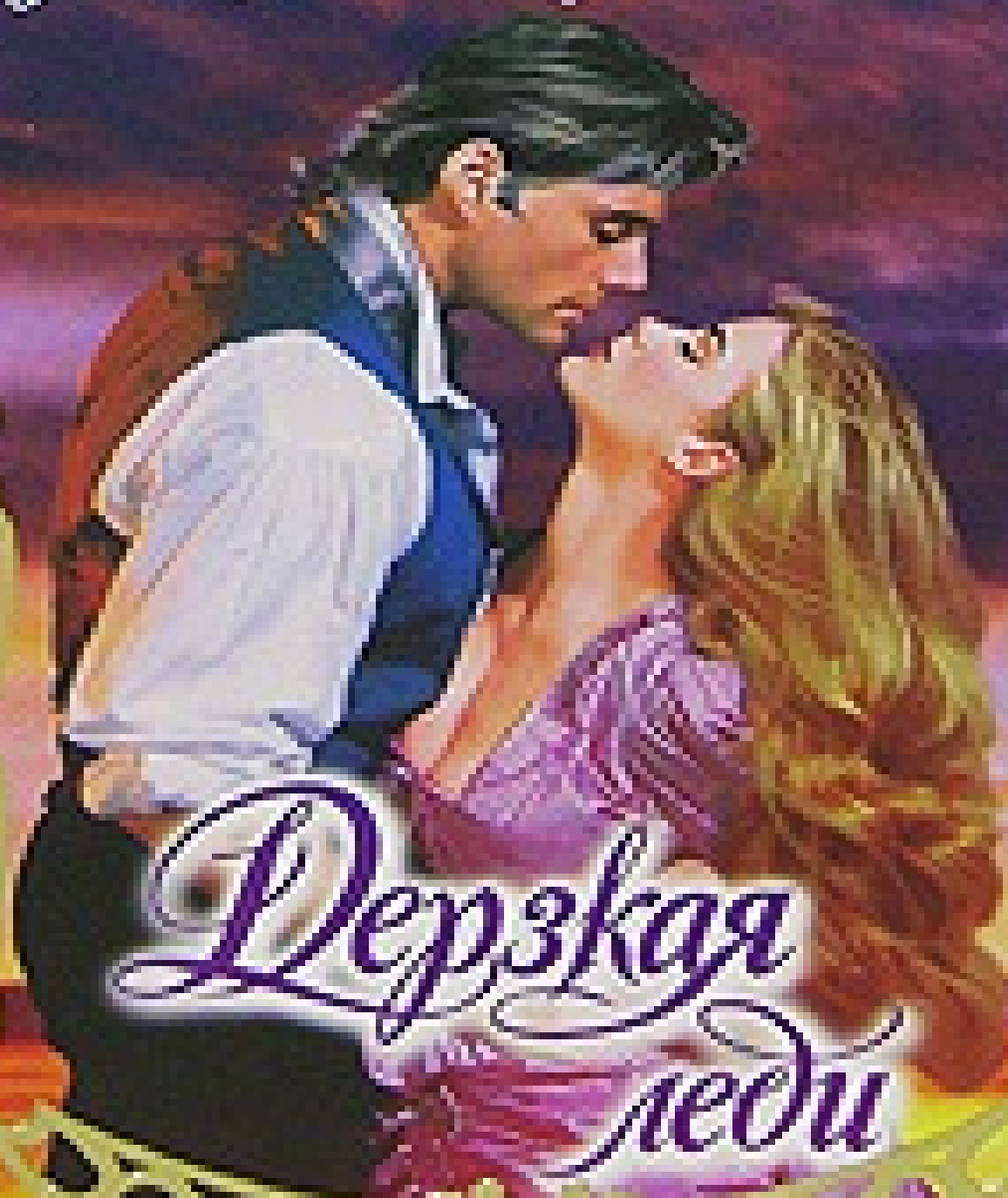

РЭЙЧЕЛ
МОРГАН

Дерзкая
любовь

Джесс Джастис, один из лучших детективов сыскного агентства, с большой неохотой взялся за расследование преступления, случившегося много лет назад.

Мог ли отважный сыщик предположить, что именно это запутанное дело подарит ему встречу с прелестной Онести — девушкой, ставшей для него болью и счастьем, наслаждением и мукой? Девушкой, ради которой Джесс не задумываясь готов отдать жизнь — и отца которой он должен отправить за решетку?..

Рэйчел Морган

Дерзкая леди

Ласт-Хоуп, штат Колорадо 1886 год

Она смотрела и не могла определить, кто хуже выглядел: всадник или лошадь, на которой он сидел. Плотный слой дорожной пыли, покрывавший обоих, говорил о многих милях, проделанных по трудной дороге...

Онести Магуайр выбрала удобное место у окна своей комнаты, расположенной прямо над пивным баром гостиницы. Отсюда можно было без помех наблюдать за одиноким всадником, приближавшимся к воротам. За ним тянулся плотный шлейф пыли, ибо по этой дороге вот уже две недели никто не проезжал.

К сожалению, поля старой шляпы, надвинутой чуть ли не на самые брови незнакомца, бросали тень на верхнюю часть его лица, а пышные усы и густые бакенбарды скрывали все остальные черты. Одежду от воротника до шпор трудно было разглядеть под слоем пыли. Грязные растрепанные волосы падали на плечи. Выглядел же всадник костлявым, сухопарым и до невозможности истощенным. Казалось, что у него целую вечность не было во рту ни крошки хлеба.

Все это никак не соответствовало вкусам Онести. Правда, она знала, что недостаток мускулатуры в мужчине порой компенсируется быстротой движений.

Итак, ее надежды увидеть сказочного рыцаря, блещущего доспехами на солнце, не сбылись. Но все же приближавшийся всадник, несомненно, обладал рядом достоинств, отличавших его от многих других мужчин. Начать хотя бы с того, что он был молод. Бесспорно — трезв. И полон жизни.

Что ж, как знать? Его неопрятный вид мог как раз оказаться полезным, предоставив Онести возможность посетить места, куда она никогда бы не осмелилась отправиться одна. К тому же если Онести и поняла что-то за свои двадцать лет жизни, так это старую истину: никогда не следует упускать возможностей, в какой бы форме они ни представлялись!

Оставался лишь один вопрос. С тех пор как золотиносные прииски иссякли, Ласт-Хоуп стали посещать только две категории людей — разыскивающие кого-то или же, наоборот, от кого-то скрывающиеся. К какой из них принадлежал этот человек? К охотникам или, быть может, к их жертвам?..

Вино, еда, постель... Джесс Джастис так сильно жаждал первого, второго и третьего, что без колебаний отдал бы за все это свои четырехдолларовые сапоги.

Объехав очередную колдобину, он пустил лошадь шагом и, подъехав к полусгнившей деревянной коновязи, соскочил с седла. Резкий свист вырвался из его легких, когда каблуки коснулись земли. Мучительная боль пронзила все тело от пяток до самого сердца. Ноги в коленях произвольно согнулись.

Джесс вытер запотевший лоб о бахрому седла и раз десять сквозь стиснутые зубы проклял воскресенье — день, в который он мог по меньшей мере дважды погибнуть от пули. Его продолжало мучить полученное ранение.

Если бы он послушался совета врача и потратил еще пару недель на то, чтобы подлечить раненое плечо, боль не разрывала бы сейчас всю грудь. Но Джесс всегда игнорировал чьи бы то ни было советы...

Когда боль несколько утихла и стала терпимой, он обошел вокруг лошади и осмотрел ее. По передней ноге животного струилась свежая кровь.

— Черт побери, Джемини! — пробурчал Джесс. — Что ты на этот раз с собой сделал?

Джемини, словно поняв ворчание хозяина, грустно покачал головой. Низко наклонившись, Джесс привычными движениями помассировал ногу коня от копыта до черного чулка, над которым кровоточила рана. Очевидно, Джемини получил травму, пробираясь через колючий кустарник, обильно покрывавший склоны гор. Никаких признаков опухоли на ноге животного Джесс не заметил, и это обнадеживало, хотя отнюдь не означало, что лошадь не растянула сухожилия или не получила какую-нибудь более серьезную травму.

Джесс вытер ладонью пот с запыленного лица и снова выругался. Рана вряд ли успеет зажить так быстро, чтобы уже сегодня к вечеру он смог добраться до Кэнон-Сити. Это было тем более досадно, что сейчас ему меньше всего нужна была еще одна задержка в пути. Но заставить Джемини скакать и дальше значило бы загнать раненое животное. Этого Джесс допустить не мог. Мустанга подарил ему самый известный конокрад из всех, кого он когда-либо знал. Тогда Джесс смеялся над Энни Корриган, пророчившей, что он никогда не найдет себе лучшего коня и более надежного друга. Но теперь понимал, насколько та была права. За последние восемь лет Джесс потерял счет тому, сколько раз Джемини доказал правоту ее слов.

Джесс поднялся на ноги, отряхнул колени и, прищурившись, обвел взглядом городок. Конечно, если можно было так назвать далеко не длинный ряд одно — и двухэтажных строений, зачастую с бутафорскими колоннадами, выстроившимися вдоль одной стороны дороги. Городишко как две капли воды походило на дюжину других поселений, которые он уже проехал.

Если окна домов не были покрашены или забиты фанерой, то увидеть через них что-либо происходящее на улице было невозможно. Стекла жилищ просто поросли толстым слоем грязи и пыли. Краска слезла с проржавевших железных вывесок. Сорняки пучками торчали из щелей между бревнами стен. Дорожки сплошь заросли травой. В воздухе стоял неприятный запах запустения.

— Ну и мерзкое же место мы выбрали для ночлега, Джемини! — мрачно буркнул Джесс.

Разочарованно вздохнув, он еще раз посмотрел на убогий ландшафт. Его взгляд задержался на единственном открытом заведении, над входом в которое огромными буквами на белом фоне было начертано: «Игорный дом, бар и меблированные комнаты Скарлет Роуз».

Для строения, стоявшего особняком и выделявшегося среди заброшенных хижин подобно цветку, случайно оказавшемуся между рядами перекасти-поля, более подходящее название найти было бы трудно. Ибо слова «Скарлет Роуз», помимо имени и фамилии хозяйки, означали еще «алая роза».

Как напоминание о том, что даже на самых роскошных розах есть шипы, волоски на оголенных руках Джесса вдруг встали дыбом. Под кожей шеи напряглись и четко обозначились жилы. По спине поползли мурашки. Левая рука потянулась к висевшей на боку кобуре, а глаза напряженно устремились вперед.

Однако, как и пять минут назад, улица оставалась безлюдной. Нигде не было видно ни души. Но скорее всего именно поэтому Джесса не покидало ощущение, что кто-то его внимательно рассматривает, оставаясь при этом невидимым. Шестое чувство слишком часто вырвало его в прошлом, чтобы не доверять ему сейчас.

Засада? Натренированный палец правой руки автоматически снял спусковой крючок с предохранителя. Если предчувствие окажется верным, то не станет для Джесса неожиданностью. Потому как сколько бы раз он ни изменял внешность, его всегда кто-нибудь непременно узнавал.

Убедившись, что на улице пока ничего опасного нет, Джесс вновь посмотрел на дом Скарлет Роуз. Его взгляд скользнул по парадной двери, вывеске, окнам второго этажа и задержался на балконе. Ему показалось, что портьера за стеклянной дверью чуть дрогнула. Джесс выхватил свой никелированный «кольт», крепко сжал рукоятку и замер в ожидании.

Прошло несколько секунд. Ничего не произошло, и он, вновь поставив пистолет на предохранитель, засунул его в кобуру.

Привязав Джемини к бревну коновязи, Джесс ногой распахнул дверь в дом и остановился на пороге. Его тело сжалось подобно стальной пружине.

Пока он обшаривал взглядом большую комнату с баром и игорными столами, старинное поверье о том, что бык свирепеет при виде красной тряпки, обрело для него буквальный смысл. Бесстыдный цвет доминировал здесь во всем: обоях и плинтусах, расцветках оконных штор и портьер, балюстрада, тянувшейся с обеих сторон вдоль ведущей на второй этаж лестницы и окружавшей ее верхнюю площадку. Даже полдюжины осиротевших карточных столов и те были накрыты бордовым сукном.

Дрогнувшая занавеска за баром, закрывавшая проход в подсобную комнату, заставила Джесса непроизвольно согнуть правую руку и потянуться к кобуре. Между тем занавеска приподнялась и из-за нее появилась довольно молодая женщина. Испуганно взглянув на пришельца, она нервно вздохнула и прижала руку к груди. На вид ей было лет двадцать пять. Завитые локоны зачесанных кверху волос падали вдоль висков, обрамляя овальное лицо, чуть поддурманенное косметикой.

— Ради всех святых, вы что, решили меня до смерти напугать? — пронзительно закричала она.

По столь бурной и естественной реакции Джесс заключил, что если кто здесь и шпионит за ним, то только не эта женщина. Он облегченно вздохнул и, оставив в покое кобуру, дотронулся двумя пальцами до полей своей измятой шляпы:

— Извините, мадам или мадемуазель!

При этом вытянул вперед обе руки ладонями вверх, показывая хозяйке, что его не следует бояться.

— Вы и есть Скарлет Роуз?

— Именно я, и никто больше! А вы сами-то кто? «Так, все еще боится! Осторожная дамочка! Надо ее успокоить».

— Кем бы я ни был, никакого вреда вам причинять не собираюсь, — усмехнулся Джесс.

И еще раз, но уже более внимательно, окинул взглядом игорный зал. Убедившись, что по углам никто не прячется, Джесс сделал шаг к стойке бара, тянувшейся вдоль всей стены, покрытой опять же красным лаком. На полках теснились бутылки разных форм, размеров и цветов. Чуть пониже висело довольно большое овальное зеркало, в котором отражались все расставленные по залу столики. Несомненно, игроки в портер нередко пользовались им, дабы незаметно заглядывать в чужие карты.

Скарлет Роуз, оправившись от испуга, вытерла руки о повязанный чуть выше живота фирменный фартук и заняла свое обычное место за стойкой бара.

— Ну а теперь, когда мое сердце уже не стремится выпрыгнуть из груди от страха, сэ,

чего бы вы пожелали?

Все еще раздраженный кровавым цветом окружающей обстановки, Джесс опустился на круглое сиденье, вытянул левую ногу и, упершись каблуком со шпорой в медную подставку, небрежно бросил:

— Виски, если есть.

— Ха! Это, пожалуй, единственное, что мы теперь можем предложить! — хмыкнула Скарлет Роуз. — Пять центов за порцию.

Она пошарила правой рукой по полке на внутренней стороне стойки, извлекла оттуда бутылку с желтым напитком и налила в точно отмеренный на один глоток стаканчик. Джесс выгреб из кармана несколько пятицентовых монет и бросил одну на стойку. После чего поднял стакан и, запрокинув голову, залпом выпил. Огненная жидкость обожгла его губы, промыла от многодневных наслоений пыли горло и наполнила приятным теплом желудок.

— С тех пор как прииски закрылись, к нам стали редко заглядывать посетители, — вздохнула Роуз.

От Джесса не укрылись ни пылливый блеск в ее глазах, ни скрытый вопрос, явно заключавшийся в сказанной фразе.

«Хочет выудить побольше, не задавая прямых вопросов».

Ему понравилось поведение хозяйки. К тому же он очень хорошо разбирался в подобных играх. Ибо и сам уже много лет был им далеко не чужд...

— Моя лошадь захромала, — без всякого перехода сказал он, опустив пустой стакан на стойку. — Вы не могли бы порекомендовать мне приличного ветеринара или хотя бы опытного конюха?

— Это в Ласт-Хоупе? Ха! Здесь вы скорее отыщете золотую жилу!

Она взяла бутылку и налила Джессу еще.

— Те, кто здесь живет, в свое время приехали с надеждой найти второй Клондайк. В первое время казалось, что так оно и будет. Дела вроде бы пошли неплохо.

Но уже через год золотоносный пласт начал быстро худеть, а прииски закрываться один за другим. В конце концов люди потеряли всякую надежду и бросились кто куда. А в основном туда, где, как им казалось, можно быстро и легко разбогатеть.

— Но не все же! — фыркнул Джесс. — Ведь вы-то остались! Интересно почему?

Скарлет пожала левым плечом:

— Наверное, из упрямства. Тут неподалеку, в горах, пока еще живет пара-другая семей, которые клянутся, что не уедут отсюда до тех пор, пока Ласт-Хоуп — Последняя Надежда — перестанет быть таковой. — Тут губы Скарлет насмешливо скривились. — Наверное, и я не сдамся раньше!

— Настойчивость и упрямство — очень даже ценные качества, — в свою очередь усмехнулся Джесс, поднимая очередную стопку виски. — Тем более — в женщине! Вряд ли найдется мужчина, способный ей противостоять.

Щеки Скарлет зарделись ярким румянцем, и Джесс понял, что комплимент пришелся ей по вкусу. В руках хозяйки появилась тряпка, которой она принялась усердно надраивать и без того блестящую стойку бара.

— Вы когда-нибудь бывали в Лидвилле? — спросил он. Рука с тряпкой застыла. Роуз выдержала короткую паузу и со вздохом, ответила:

— Только один раз. И никогда не хотела бы повторить этот опыт! Думаю, что нет человека, который бы не испытал чего-нибудь подобного!

Джесс утвердительно кивнул, поскольку все это было ему хорошо знакомо. Хозяйка же бросила на гостя пытливый взгляд.

— Вижу, вы привыкли путешествовать. Так?

Джесс отпил глоток и снова кивнул:

— Я только что приехал из тех мест. Хотел повидаться с приятелем, но он почему-то так и не появился. Наверное, проехал несколькими неделями раньше. Такой высокий рыжеволосый парень. Говорит с сильным шотландским акцентом... Кстати, как и вы.

— Эх, голубчик! Единственное, что напоминает мне здесь о когда-то родной Шотландии, так это бутылка из-под виски. Я ее случайно нашла, убираясь в кладовке.

Джесс с трудом удержался, чтобы не спросить, уверена ли Скарлет в том, что упомянутая бутылка — единственное имеющееся здесь напоминание о бывшей родине. И не потому, что не поверил хозяйке, а в силу известной ему привычки простолюдинов не замечать мелочей, которые могли бы пробудить в них какие-то воспоминания.

Веселый и добродушный юмор Скарлет Роуз был результатом постоянных наблюдений женщины, успевшей за свою жизнь многое увидеть и сумевшей ничего не забыть. А потому легче всего расшевелить ее можно было бы, засыпав вопросами. За последние двенадцать лет работы по поимке преступников Джесс научился избегать даже самых мелких ошибок и поэтому сразу сообразил, какой тактики придерживаться в разговоре с Роуз. Чтобы развязать хозяйке язык, он добродушно улыбнулся:

— Понятно. Ну, это уже что-то!..

И постарался заглушить некоторое разочарование кажущейся неразговорчивостью хозяйки очередным глотком напитка, который Скарлет выдавала за «Дункан Макквейер» — сорт виски, пользующийся широкой популярностью в больших городах. Джесс тоже частенько отдавал ему должное. Это было приятно и не очень сказывалось на кошельке. Но то, что предлагала Роуз, имело мало общего со знакомым напитком...

Скарлет скрестила на груди руки и, опершись локтями о стойку, тоже улыбнулась:

— Вот что, голубчик. У меня на задворках есть конюшня, в которой я держу своего мула. Если ваша лошадь не будет возражать против его привычки орать, подобно мартовскому коту, то можно ее поставить в соседнее стойло. Это обойдется вам в двадцать пять центов за ночь.

Плата оказалась несколько выше, чем Джесс мог ожидать. Но возражать не стал. В конце концов, можно ли было осуждать эту женщину за естественное желание заработать?

— Буду очень признателен! — согласился он. — Кстати, мне и самому нужна комната. Если у вас есть свободная, то я бы ею охотно воспользовался.

— На втором этаже — с полдюжины свободных комнат. Пятьдесят центов в день, включая питание.

Джесс чуть не поперхнулся очередным глотком виски. Но Скарлет поспешила его успокоить:

— Вы платите за комнату столько же, независимо от того, питаетесь или нет. Но имейте в виду, что я обычно не сдаю комнат без ванн.

— Полагаю, вам известно, где поблизости можно помыться? — усмехнулся он, понимая, что за ванну придется платить дополнительно и, вероятно, немало.

— Ну, если вы не согласны, я прикажу поставить вам в комнату старую медную ванну, которую все равно решила сдавать. Будет стоить доллар за холодную воду и полтора — за горячую.

— Да ведь это же грабеж! — возмутился Джесс.

На лице Роуз засветилась озорная улыбка, сделавшая ее похожей скорее на девочку-подростка, нежели на взрослую, умудренную опытом женщину. — Тогда совсем рядом — речка.

Джесс бросил на хозяйку взгляд, полный отчаяния. То, что он час назад проезжал, скорее можно было бы назвать сточной канавой.

— Да, Скарлет, стремясь заработать всеми возможными и даже невозможными способами, вы взвалили на себя тяжелейшую ношу! — горько усмехнулся мужчина.

— Мне все об этом говорят. Что ж, я действительно стараюсь не только заработать, но и с пользой потратить каждый цент.

По ее озабоченному тону нетрудно было догадаться, что в этот момент она думает не только о стоимости комнат, питания и горячей ванны.

— Сколько вам приходится тратить на личные расходы? — спросил Джесс.

— Все зависит от того, какие расходы считать личными.

— Ну, уборку, починку одежды и все такое прочее.

— Что ж, обычно на это уходит дополнительно несколько десятков центов. Кстати, какую-то часть этих расходов я, как правило, включаю в счет за комнату, которую сдаю постояльцу. Но вас это не коснется. Ну, так у вас есть еще вопросы? Или будем считать, что договорились, а возможные мелочи решим по ходу дела?

Впервые за этот месяц по губам Джесса пробежала искренняя улыбка.

Женская напористость не была для него чем-то новым. Сколько их кидалось на его шею еще тогда, когда бритва только начинала касаться его зараставших легким пушком щек и подбородка!

Причем сам он никогда не понимал, что они в нем находили. Довольно обычные взгляды? Или же вступающий с таковыми в противоречие интеллект? А может быть, умение разглядеть правду сквозь искусно сотканную ткань лжи? Впрочем, так или иначе, но при необходимости Джесс не упускал возможности воспользоваться одним из своих преимуществ, а порой и всеми сразу.

Но если он выглядел вдвое хуже, чем был на самом деле, то приходилось просто удивляться любой женщине, которая, увидев его всего лишь раз, искала новой встречи. При этом Джесс отлично понимал, что особы, подобные Скарлет Роуз, позволяли себе флиртовать с ним только ради пополнения ящичков туалетных столиков, где они, как правило, хранили деньги.

Джесс хотел спросить у Скарлет, получит ли он сегодня обещанную медную ванну с горячей водой, но ненароком взглянул через плечо Роуз. За спиной хозяйки он увидел...

— А, вот и Онести! — воскликнула Скарлет, обернувшись и бросив взгляд на свою служанку, стоявшую на ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж. — У нас сегодня новый гость, милая!

Онести тут же приняла позу, как бы олицетворявшую закутанное в дорогие шелка Искушение. Одной рукой она держалась за перила, другая, изящно согнутая в локте, упиралась в бок.

Тяжелые золотистые локоны стекали по вискам, обрамляя лицо с удивительно правильными чертами. Такого же цвета поток густых волос свободно ниспадал на шею и спину. Тонкие дуги темных бровей оттеняли большие голубые глаза, полуприкрытые пушистыми длинными ресницами. Нос прямой и небольшой. А губы...

Джесс посмотрел на них и невольно сглотнул. Боже! Такие пухлые и чувственные, они могли обречь любого мужчину на вечные муки и страдания, одновременно заставляя благодарить за это Всевышнего...

Одета Онести была вызывающе. Джесс мог поклясться, что усыпанное блестками бордовое (опять же!) платье шилось на заказ в каком-нибудь шикарном ателье. Причем с таким расчетом, чтобы скрываемая им от плеч до колен идеальная фигура сводила с ума представителей сильного пола, заставляя умирать от желания...

Но, видимо, его создателям и этого показалось недостаточно. Строгий вырез на груди украшали кружева из черного бархата. Такой же пояс охватывал талию...

— Онести, а почему бы тебе не показать мистеру...

— Джессу, — тут же подсказал гость, — Джессу Джонсу!

Первая пришедшая на ум Джессу фамилия слетела с его языка удивительно легко.

— Да, мистеру Джессу Джонсу... его комнату? А я тем временем занялась бы организацией ужина.

— Конечно, Роуз! — ответила девушка завораживающим голосом, сразу же проникшим, как показалось Джессу, в самые сокровенные тайники его души. — Пойдемте, уважаемый ковбой!

«Веди меня куда хочешь!» — неожиданно для самого себя подумал Джесс, провожая взглядом Онести и оценивая с головы до ног: грациозная спина, точеная талия, упругие бедра, угадывающиеся под бордовым шелком платья, перехваченного кружевным бархатным поясом, — все это пробудило в нем уже почти забытую лихорадочную дрожь и заставило бурлить в жилах кровь.

Онести была всего на несколько сантиметров ниже Джесса. И он, поднимаясь за ней по лестнице и продолжая любоваться фигурой и плавной походкой девушки, сразу же решил, что они очень бы подошли друг другу в постели. Эта мысль еще больше распалила его. Мысленно он уже обнимал ее, скользил ладонями по стройной талии, бедрам, пикантным ягодицам, чуть выдававшимся под платьем, и еще ниже... Там, где стройные ноги обтягивали черные чулки...

Онести задержалась на верхней ступеньке, оглянулась и бросила на Джесса любопытный взгляд. Он перехватил его и прочел в глазах девушки пренебрежение. Это его задело.

— Ну, вы идете? — нетерпеливо бросила она через плечо.

Джессу, может быть, и не очень-то хотелось отходить от стойки бара да еще подниматься по крутой лестнице на второй этаж. Но он все же пошел, так как не мог побороть в себе желание еще и еще раз полюбоваться на столь совершенное создание природы, неожиданно возникшее перед ним в баре.

Джесс был рад, что недельная щетина скрывает появившийся предательский румянец. Никогда еще в свои тридцать лет он не испытывал столь мгновенной и непреодолимой реакции на женскую внешность. И уж совсем не ожидал испытать нечто подобное в захолустной придорожной пивной к прислуживающей здесь девице, к тому же смотревшей на него своими чувственными глазами с очевидным пренебрежением. Причем как раз в тот самый момент, когда ему особенно нужна была трезвая и ясная голова!..

Джесс вдруг почувствовал во рту едкий соленый привкус.

— Я сейчас вернусь, — сказал он. — Только посмотрю, что с лошастью...

Он быстрым шагом вышел на улицу. Про себя Джесс решил держаться от этой местной

феи на расстоянии. Во всяком случае, пока полностью не возьмет себя в руки.

Когда мужчина исчез за дверью, Онести подошла к окну на лестничной площадке и продолжала следить за гостем, пока тот не скрылся за углом. Ее рот непроизвольно приоткрылся, сердце бешено колотилось, отбивая чуть ли не барабанную дробь. Еще никогда ни один мужчина не смотрел на нее так, как этот ковбой! Казалось, что он всю жизнь ждал этой встречи и наконец дождался. Онести стало почему-то стыдно. Но одновременно ее охватило чувство удивления и... тревоги. Оголенные руки неожиданно покрылись гусиной кожей...

— Ты собираешься мне помогать или будешь весь день стоять перед окошком разиней? — раздался снизу раздраженный голос Скарлет.

Онести повернулась. Увидев, что Роуз смотрит на нее, она густо покраснела, сама не понимая почему. Будь Онести чуть поопытнее, то давно бы догадалась, что волнение, охватившее ее при виде нового постояльца, было не чем иным, как проявлением естественного сексуального желания. Но такое ей казалось совершенно невозможным. Невероятным! Поскольку доселе любой мужчина вызывал в ней лишь отвращение.

— Никакая я не разиня! — обиженно буркнула она, направляясь вслед за Роуз в кухню.

— Тем не менее только что ты вела себя именно так! Что это за манера — подолгу стоять у окна и бессмысленно пялиться на что-то?

Онести невольно снова взглянула в окно, но уже — в кухонное. Из него хорошо просматривался весь двор. Девушка увидела все того же нового постояльца, который вел под уздцы красивого сильного жеребца. Она поймала себя на мысли, что этот Джесс Джонс, если его хорошенько вымыть, высушить и причесать, мог бы стать неплохой находкой. Что же касается нынешнего вида незнакомца, то Онести несколько бы не удивилась, увидев портрет этого человека на каждом заборе под предостерегающей надписью: «Разыскивается!»... Заросшее щетиной лицо, длинные, растрепанные и, уж конечно, грязные волосы... Кстати, она где-то слышала, что длинные волосы порой прикрывают обрезанные сверху уши, которыми метят попавшихся конокрадов. Может быть, это как раз тот самый случай?..

...И все же, несмотря на его крайне неряшливый вид, Онести не могла отрицать, что в мистере Джонсе было нечто такое, от чего ее сердце учащенно забилося. Может быть, твердая походка, широкие сильные плечи, гордо поднятая голова, как бы подчеркивавшая независимость ее обладателя от всего остального мира? Или же распространявшаяся вокруг него аура сдерживаемой силы и загадочности?

Но кто же он в конце концов? И что делает в Ласт-Хоупе?

— Онести, достань из буфета чайник, — вновь вернул девушку к действительности голос Скарлет Роуз.

Онести принесла огромный медный чайник и два полных ведра для ванны. Благодаря Джо — дядюшке Роуз — теперь не приходилось подогревать воду на плите. Дядюшка сконструировал несложную систему, позволявшую подвешивать бак прямо над камином. Это значительно ускоряло весь процесс, а потому постояльцам вроде Джесса, желающим поскорее помыться, не надо было долго дожидаться, когда вода станет теплой.

Наполнив бак, Онести вынесла пустые ведра и вернулась в кухню, где Скарлет резала мясо для свиной отбивной.

— Интересно, что он любит? — спросила она, надеясь при этом, что в ответ не услышит нравочений за излишнее любопытство.

Вообще-то Онести очень хотелось подслушать разговор, произошедший между Роуз и новым постояльцем. Она неожиданно появилась на лестнице, но не расслышала ни одного слова, поскольку они беседовали очень тихо.

— Что он любит? — переспросила Скарлет и пожала плечами. — Наверное, как и всякий мужчина, предпочитает виски и теплую ванну. А затем — мягкую постель, которую можно было бы разделить со страстной женщиной.

Онести подумала, что могла бы и сама об этом догадаться. Действительно, почему Джесс Джонс непременно должен отличаться от других мужчин? И все же...

— Не думаю, чтобы он только для этого проделал длинный путь чуть ли не от самой Мексики, — задумчиво сказала Онести.

— Конечно, не для этого! — фыркнула Скарлет.

— А для чего же?

— Откуда мне знать? У нас же остановился только потому, что захромала лошадь. Так по крайней мере он мне сказал.

— И вы ему поверили?

— А почему бы и нет? С некоторых пор у нас без надобности никто не останавливается.

В какой-то степени это действительно так и было. Даже сама Онести никогда бы не оказалась здесь, если бы судьба не нанесла ей страшный удар. Тогда этот почти опустевший городишко у самого подножия Скалистых гор стал самым надежным убежищем для девушки, которая попала в окружение ловких проходимцев и преступников. Здесь ее никто не стал бы искать.

— Наверное, вода уже согрелась, Онести! — раздраженно напомнила Скарлет, в очередной раз вернув девушку к реальности. — Сходи-ка за гостем и скажи, что поможешь ему вымыться. А я наконец-то займусь ужином.

При одной мысли о том, что сейчас ей придется помогать незнакомому мужчине мыться, Онести охватило чувство, близкое к панике.

— А может быть, лучше мне приготовить ужин, а вы тем временем поможете гостю? — с дрожью в голосе спросила она хозяйку.

От удивления брови Роуз округлились и полезли на лоб:

— Да ты никак его боишься?!

— Вовсе нет!

Онести действительно никогда не боялась мужчин. Хотя и соблюдала осторожность в обращении с ними. Впрочем, а как же иначе? Ее собственный отец был известным мошенником. И на протяжении трех месяцев после его смерти она подвергалась жесточайшим преследованиям за каждую полученную родителем нечестным путем купюру. Могла ли Онести после всего этого чувствовать себя в безопасности?!

— Но меня одолевают самые страшные подозрения! — воскликнула она. — Что, если этот человек не просто так здесь появился и не столь безобиден, как пытается себя представить?

— Возможно, что и так. Но какое нам-то до этого дело? Джесс Джонс (если его действительно так зовут!) — первый клиент, вошедший в двери нашего заведения за последние недели. И пока у него в кармане звенят монеты, мы будем исполнять каждое его желание или каприз.

Онести была ошарашена. Значит, этот неизвестный постоялец будет вправе потребовать все, чего только пожелает! В том числе и от нее! А о том, чего он конкретно от нее захочет,

нетрудно было догадаться по похотливому взгляду, который Джесс уже успел бросить на Онести! И она не сомневалась, что при первом же удобном случае он захочет получить от нее все...

— Видишь ли, Онести, — вновь заговорила Скарлет, — начнем с того, что ты нанялась сюда отнюдь не в качестве декорации. Мы обе это отлично понимаем, не так ли? А кроме того, для меня не секрет, что совсем недавно, в тяжелые для себя времена, ты исправно выполняла подобную работу. Другого выхода у тебя просто не было. Так что перестань кривляться и иди за ним. Если же гость захочет еще чего-нибудь помимо отдраивания своей заросшей грязью спины, то пошли его ко мне.

При этих словах Роуз многозначительно подмигнула Онести, и та поняла, что хозяйка отнюдь не считает все предстоящее ужасной жертвой. А потому рисковать из-за этого местом, где ей жилось достаточно спокойно и комфортно, было бы неразумно. К сожалению, обстоятельства складывались так, что расстаться с Ласт-Хоупом Онести сможет, только накопив изрядную сумму денег. А для этого придется выполнять и работу, ради которой, говоря откровенно, Скарлет ее и нанимала, — ублажать клиентов во всех смыслах этого слова.

Но ведь возможно и другое. Не преждевременной ли была ее резкая реакция на приказ Роуз? Разве не может случиться так, что мистер Джонс даст ей возможность раскрыть тайну, оставленную Дьюсом, в которую тот упорно не желал посвящать Онести на протяжении всех последних лет?

С трудом изобразив на лице беззаботную улыбку, что вовсе не соответствовало ее подлинному настроению, Онести фамильярно хлопнула ладонью по руке хозяйки:

— Не беспокойтесь за меня, Роуз! Право же, я сумею за себя постоять!

За последние три месяца ей уже не раз удавалось благополучно выпутываться из опасных и пикантных ситуаций.

Онести повернулась и стала не спеша подниматься по лестнице. «Он ведь всего лишь мужчина, — твердила она себе, — которому, как и всем остальным особям этого пола, свойственны не только сильные, но и слабые черты. И если Джесс захочет получить не только хорошо отмытую спину, но и еще кое-что, то... Боже!» На Диком Западе ей уже не раз доводилось иметь дело с плутоватыми и сексуально озабоченными мужчинами, после чего она каждый раз ощущала приятное позвякивание монет у себя в кармане...

Назвать ветхий, полуразрушенный сарай конюшней не поворачивался язык. Между бревнами стен зияли щели, в которые легко можно было просунуть кулак. Железная крыша насквозь проржавела и во многих местах совсем прохудилась. Помимо времени немалый вклад в дело разрушения сарая внесли и термиты.

Однако держать раненую лошадь под открытым небом было бы еще хуже. А потому Джесс, поскрипев зубами, решил оставить при себе претензии к хозяйке и ввел Джемину в тесный грязный загон, отгороженный невысоким заборчиком от соседнего, где стоял мул. От животного исходил такой дурной запах, что Джесс поспешно зажал ладонью нос.

— Какое же здесь стоит божественное благовоние! — хмыкнул он, обращаясь к мулу.

Впрочем, Джесс тут же поймал себя на мысли, что запах пота и грязи, исходивший от его собственного тела после многих дней верховой езды и ночевок на голой земле, был ненамного приятнее. Поэтому неудивительно, что хозяйка столь поспешно предложила ему свою старую ванну. Хорошо еще, что тут же не выставила за дверь!

Джесс на некоторое время задержался возле Джемینی. Он вычистил его щеткой, перевязал рану на ноге, задал овса и попросил извинения за то, что оставляет ночевать в столь неприглядном месте. Но даже если животное и не требовало к себе столь внимательного отношения, Джесс все рано не спешил бы возвращаться в дом Скарлет Роуз. Ему требовалось какое-то время, чтобы успокоиться и взять себя в руки.

А потом, что ожидало его в этом доме? Встреча с красивой и пикантной служанкой хозяйки? Но разве она была первой привлекательной женщиной, с которой его сводила судьба во время бесчисленных путешествий и переездов из штата в штат? В том, что Онести станет также и не последней, Джесс не сомневался...

Однако сейчас он меньше всего хотел, чтобы эта белокурая соблазнительница выбивала его из колеи, отвлекая от куда более важных проблем.

Джесс еще раз внимательно осмотрел ногу лошади. Рана начинала заживать. Но для полного излечения потребуется еще какое-то время. Возможно, придется задержаться здесь на несколько дней.

— Сколько хлопот ты доставил мне на этот раз! — вздохнул Джесс, дружелюбно похлопав коня по спине.

Джемину виновато посмотрел на хозяина и, отвернувшись, опустил голову в ясли с овсом.

Собрав остатки бинтов, нарванных из старой рубашки, Джесс засунул их в сумку и, еще раз ласково потрепав Джемину по гриве, вернулся в дом. Не задерживаясь на первом этаже, он поднялся в отведенную ему комнату.

Похвастаться комфортом и обстановкой его временное жилище могло вряд ли. Грубо побеленные, а потому скучные в своем однообразии стены, железная кровать, большой стол у окна и маленький круглый подле двери, два стула и старый платяной шкаф, внутри которого почему-то пахло кедром... За обтянутой ситцем ширмой скрывались скорее всего комод и рукомойник.

Джесс окинул беглым взглядом комнату и решил, что частенько ночевал в куда менее приятных апартаментах. Все зависело от штата, через который приходилось проезжать.

Он бросил сумку с рюкзаком на стул и сел на кровать. Пружины жалобно застонали,

протестуя против непривычно тяжелого клиента, вес одних костей которого превышал шестьдесят килограммов... Ширина и длина кровати могли бы быть и побольше, про себя заметил он, оглядывая постель.

Джесс снял плащ, отстегнул кобуру и, положив то и другое на стул, прикрыл сверху шляпой. Поднеся ко рту фляжку, он отпил несколько глотков и сразу же почувствовал себя гораздо лучше.

В центре комнаты, как и обещала хозяйка, стояла в ожидании воды медная ванна. Джесс, предвкушая почти райское блаженство, представил себе, как опустится в нее и наконец-то смоет недельную грязь и пот. Потом можно будет хорошенько выспаться не на голой земле или деревянном полу, а в постели. Пусть даже не очень мягкой! Ну а поскольку нога Джемани уже начала заживать, то очень скоро он вновь отправится на поиски Дьюса Магуайра!..

Джесс снял сапоги и, пройдя в носках по скрипучим половицам, выглянул в окно. Улица по-прежнему была пустынна.

Он задумчиво посмотрел вдаль. Его продолжало удивлять, что уголовное дело, возбужденное шестнадцать лет назад, все еще не было закрыто. Самое странное заключалось в том, что в расследовании принимали участие очень опытные специалисты. Казалось, что именно это должно было обеспечить скорый успех...

Но нет же, черт побери!

Джесс уже в сотый раз задавал себе вопрос: что заставило его согласиться на участие в этом расследовании? Делами о похищении людей он никогда не занимался. Целых двенадцать лет он участвовал в разбирательстве мелких преступлений вроде угона скота, ограбления поездов, дорожных карет или конокрадства и был ими сыт по горло! Джесс никогда не согласился бы участвовать в новом уголовном разбирательстве. Никогда!.. Если бы... Если бы не Билл Макпарланд...

Макпарланд считал Джесса наиболее опытным специалистом по самым важным и требующим особой конспирации делам. К тому же случилось так, что именно Билл спас жизнь Джесса, а потому отказать шефу в просьбе он просто не мог...

Джесс почесал раненое плечо. Он продолжал стоять у окна, рассматривая сверху тихие улочки городка, освещаемые красноватыми лучами заходящего солнца.

Черт побери! Да, он согласился принимать участие в расследовании этого дела. Но ведь ему необходима куда более подробная информация, чем та, которой он располагал. Полиция разыскивала некоего Дункана Магуайра, больше известного под кличкой Дьюс, подозреваемого в похищении дочерей торгового магната Антона Джервиса из Сан-Франциско.

«Как очень часто случается в подобных делах, — сказал Билл в разговоре с Джессом, — этот Дьюс сбежал с деньгами, полученными в качестве выкупа, а самих девочек так и не вернул».

После этих слов Макпарланд, в подчинении у которого и находился Джесс, дал ему для ознакомления тощую папку имевшихся по делу документов. Тот подробно ознакомился с ними. Но в папке была лишь небольшая подборка скупых сообщений полицейских агентов, карандашный набросок портрета Дьюса вместе с двумя крохотными девчушками с льняными волосиками и ангельскими личиками.

— Что с ними стало? — спросил Джесс.

Билл помолчал несколько секунд и сказал, глядя в окно:

— Обе утонули в заливе Сан-Франциско...

Вопреки попытке Джесса продемонстрировать хладнокровие, присущее Нату Пинкертону, сердце его учащенно забилося.

— Совершил ли это преступление сам Магуайр, еще не доказано, — сказал Билл. — То, что он искусный жулик и мошенник, всегда стремившийся к быстрейшему и легкому обогащению, не вызывает сомнения. Но в мокрых делах он пока замечен не был.

Макпарланд отбил пальцами дробь по папке с документами и задумчиво добавил:

— С другой стороны, его дядя был совершенно отчаянным человеком. Судя по полученным сведениям, Филипп Джервис на протяжении многих лет испытывал нешуточные финансовые трудности. Подозреваю, что он очень бы не хотел вновь столкнуться с подобными проблемами. Чтобы избежать этого, он, насколько я понимаю, возлагал надежды не столько на сам выкуп, сколько на проценты от размещения этих денег в каком-нибудь надежном банке. Тем самым он обеспечил бы своему сыну солидное наследство.

— И все это выяснилось только спустя шестнадцать лет после совершения преступления?

— Сначала расследованием этого дела занимались местные власти. Однако оно не сдвинулось ни на йоту. Филипп Джервис сумел хорошо запутать следы. В прошлом году он умер, оставив после себя кое-какие свидетельства о причастности к преступлению. В том числе — записку, написанную собственной рукой, с указанием точного места, куда отец девочек должен был принести выкуп. Предназначалась она Дьюсу Магуайру, нанятому Джервисом. По ней удалось установить важное звено, проливающее свет на связи Филиппа с его сообщниками. Записку нашел Антон Джервис и тотчас же связался с нами.

— Понятно. Что теперь должен делать я?

— Найти Дьюса Магуайра. Добиться от него признания. Доставить в Сан-Франциско для предания суду.

Тогда это задание показалось Джессу не очень сложным. Однако теперь он был уже не так в этом уверен. Два месяца поисков не принесли никаких результатов. Магуайр был просто неуловим. Где-то его видели за два дня до приезда Джесса, где-то — чуть ли не накануне. Черт побери, порой казалось, что легче найти иголку в стоге сена!

Наконец в Дуранго Джессу почти повезло. Он набрел на след Магуайра, ведущий на север, куда преступник сбежал после того, как застрелил мужчину. Как показали свидетели, жертвой Дьюса стал молодой человек, проявивший на танцплощадке повышенный интерес к некой девице, на которую Магуайр вроде бы имел определенные виды. Последний подстерег неудачливого кавалера в темной аллее, выстрелом из пистолета уложил его на месте и вместе с возлюбленной скрылся. Джессу удалось установить, что преступника видели в Силвертоне — небольшом городке к северу от Дуранго. Однако там след Магуайра потерялся. На всем протяжении пути от Дуранго до Лидвилла Джесс обследовал буквально каждый уголок, заглянул в каждую щель, но не нашел ни самого преступника, ни его подружку.

Ничего! Он отыщет этого Магуайра, где бы тот ни прятался! Достанет хоть из-под земли! Нужно только время. Ведь недаром же за Джессом укрепилась репутация одного из лучших сыщиков! И как только он выбьет признание из этого мерзавца, немедленно доставит его в Сан-Франциско, как приказал Билл. А потом уже навсегда прекратит все дела с сыскным агентством «Пинкертон». Конечно, в будущем Билл обещал ему самую

интересную и выгодную работу. Но перспектива вновь распутывать грязные криминальные клубки уже не так привлекала Джесса, как это бывало в дни молодости. Слишком много пуль просвистело у его виска за эти годы, слишком часто его избивали и бросали умирать на каком-нибудь забытом пустыре, чтобы продолжать вести подобную жизнь и дальше!

Усилим воли Джесс заставил себя прекратить пережевывать в памяти мрачные страницы прошлого. Да, чем быстрее он найдет Магуайра и передаст его в руки властей, тем скорее сможет порвать со службой в уголовном розыске. А потом — решить, как жить дальше!

К сожалению, стремление как можно быстрее покончить со старой жизнью и начать новую съедало то время, которое он мог приятно провести в Ласт-Хоупе...

«Если бы я был шотландцем, то где бы сейчас оказался?» — спрашивал себя Джесс.

Негромкий стук прервал его размышления. Джесс оторвался от окна, быстро прошел через комнату и открыл дверь. На пороге стояла молодая служанка хозяйки. В одной руке она держала завернутое в полотенце мыло, в другой — ведро с горячей водой. Еще одно ведро, уже с холодной, висело у нее на шее, привязанное бельевой веревкой.

Как и часом раньше, само появление местной феи парализовало Джесса, лишив дара речи и даже способности двигаться. И это уже не говоря о том, что он дал себе слово держаться от нее на расстоянии.

— Вы хотите, чтобы я весь день простояла у двери, или же все-таки позвольте войти? — презрительным тоном сказала Онести.

Джесс сделал шаг в сторону и пропустил девушку. Лицо его выражало досаду. Как получилось, что один вид этой девицы спутывал все его мысли, превращая в идиота? Ничего подобного с ним не случалось после той ночи, когда Кристина Флауэрс гордо и властно опутала его своим юным очарованием и затащила на отцовский сеновал. Тогда ему только-только исполнилось тринадцать лет...

Онести подняла ведро с горячей водой над ванной. Джесс подумал, что неплохо было бы ей и помочь, но не смог даже пошевелить рукой. Он просто стоял с дурацким видом и тупо смотрел на девушку.

Тем временем Онести наполнила ванну горячей водой и разложила на кровати полотенце с мылом. Джесс же оперся спиной об оконную раму, скрестил руки на груди и совершенно неожиданно для себя сказал:

— Онести... Необычное имя!

— Мой отец вообще был необычным человеком.

Она убрала со лба сбившийся локон и вытерла ладонью пот, выступивший от поднявшегося над ванной пара.

— Вы собираетесь мыться, не раздеваясь? — усмехнулась девушка.

«Господи! — подумал Джесс. — До чего же знакомая и избитая до зубной боли тактика!»

Он отошел от окна и расстегнул манжету рукава. Потом — вторую... И спросил ехидным тоном:

— Скажите, как вас, такую милую и хорошенькую девушку, угораздило попасть в эту забытую Богом дыру?

— Эту «дыру», как вы изволили выразиться, не зря назвали «Последней Надеждой».

Джесс бросил на Онести пронизывающий и одновременно насмешливый взгляд. Он непременно прицепился бы к ее ремарке, не смени она тему разговора:

— Не желаете попробовать воду перед тем, как начать мыться?

Опустив ладонь в ванну и найдя температуру воды вполне приемлемой, Джесс расстегнул пуговицы на рубашке, снял ее и бросил на стул.

— Боже, что это у вас?! — испуганно воскликнула Онести, увидев шрам на теле Джесса чуть пониже сердца.

— Это? След пули, выпущенной из «винчестера», — как ни в чем не бывало ответил он, расстегивая брюки.

Онести тут же стыдливо отвернулась к стене. Заметив это, Джесс удивленно выгнул бровь. Черт возьми, она ведет себя так, будто бы никогда не видела раздетого мужчину!

— Болит? — спросила Онести, не поворачивая головы.

— Только когда дышу.

— Легко отделались! На вершок выше, и вас бы не было!

— Именно так и задумывалось.

Джесс разделся и с наслаждением опустил в теплую воду.

— Теперь можете повернуться, — усмехнулся он. Ванна оказалась тесноватой. Джессу пришлось согнуть ноги и почти прижать колени к груди.

Онести повернула голову и обвела взглядом комнату, словно желая убедиться, что ей ничто не угрожает. Только после этого она нагнулась над сидевшим в ванне Джессом. Он слышал, как девушка мыла руки каким-то снадобьем, запах которого, смешиваясь с паром, приятно щекотал ноздри. Когда же мягкие ладони коснулись его спины, он почувствовал, что начинает таять...

— Вы проделали длинный путь от Техаса, дорогой ковбой! — ухмыльнулась Онести.

— Разве это заметно? — пожал плечами Джесс, хотя отлично понимал, что не заметить было бы просто невозможно. И не только по грязному телу и запыленной одежде.

Джесс уже несколько лет не был в этом штате, но успел заметить, что тexasский акцент во многих уголках Америки помогает находить общий язык с людьми. Причем очень немногие интересовались, действительно ли имеют дело с тexasцем. Чтобы убедиться в этом, достаточно было взглянуть на одежду и шпоры, столь характерные для тexasских ковбоев, или услышать несколько произнесенных фраз.

— Узнала по акценту, — подтвердила Онести догадку Джесса. Она намывлила мочалкой его спину. — А что привело вас в Ласт-Хоуп?

— Просто ваш городок оказался у меня на пути.

— Насколько я понимаю, это с вами частенько случается. Вы золотоискатель?

— Не совсем.

— Скрываетесь от закона?

— Нет.

— Игрок?

Вопрос вызвал у него улыбку:

— Только если игра входит в мои планы.

Он старался понять, куда клонит Онести, ибо знал, что фривольные девицы в большинстве своем интересуются лишь звоном монет в мужском кармане.

— Вы всегда так любопытны? — спросил Джесс.

— Только если это входит в мои планы.

Онести искоса посмотрела на Джесса. Ее взгляд показался ему до того чистым и невинным, что невольно вызвал удивление. Он давно усвоил, что романтика отнюдь не

отличает девиц легкого поведения, к которым, как ему казалось, принадлежала и Онести.

— Закройте глаза, пока я буду мыть вашу голову, — приказала она.

Джесс покорно подчинился. Теплые струи воды, пролившиеся на голову, и мягкие ладони Онести, намыливавшие его густые волосы, были настолько приятны, что от наслаждения он даже застонал. «Черт побери, как же это прекрасно!» — чуть было вслух не воскликнул Джесс.

Он слегка откинулся на спину и блаженно наблюдал за грациозными движениями изящных рук Онести, которые проникали в его волосы, скользили по шее, плечам и груди, осторожно касаясь шрама под сердцем.

«О, пусть катится ко всем чертям ужин! — млея, думал Джесс. — Разве еда может доставить даже сотую часть подобного наслаждения?!»

Джесс открыл глаза. Его взгляд приковала полуобнаженная грудь девушки, готовая вот-вот вырваться из плена одежды. Сильная... Полная... Крепкая... Она казалась совершенной.

«Да, определенно я попал на небеса!» — снова подумал он и улыбнулся.

В этот момент Джесс вдруг увидел какой-то желтый предмет, спускавшийся с шеи Онести в ложбинку между полушариями груди. Он протянул руку и вытащил его за золотую цепочку из пикантного тайника. Предмет оказался роскошным рубином в золотой оправе.

— Что это?

— Подарок.

Намыленные руки Онести осторожно отобрали драгоценность у Джесса и водворили на место.

— Надо было очень постараться, чтобы его заслужить!

— Это от отца.

Джессу хотелось прореагировать на это уточнение, и он уже открыл было рот. Но тут в руке девушки блеснуло стальное лезвие. Джесс резко отклонился и с испугом посмотрел на нее.

— Ну, чего вы испугались? — фыркнула она. — Или вы так дорожите грязной щетиной, закрывшей уже почти все лицо?

Она взяла его за подбородок и поднесла бритву:

— Терпеть не могу бакенбарды!

Только сейчас Джесс заметил, какими темными были ее карие глаза. Почти шоколадного цвета. Но в этот момент они заблестели такой решимостью, что его нервы напряглись до предела.

Онести прикусила нижнюю губу, наклонив голову сначала направо, затем — налево.

— Вам когда-нибудь приходилось брить мужчину? — спросил Джесс.

Брови Онести удивленно выгнулись дугой:

— Разве я похожа на женщину, которая никогда этого не делала?

Действительно, уже в следующие минуты стало очевидно, что бритье входит в длинный список процедур, в которых Онести явно преуспела. Во всяком случае, оголившиеся щеки Джесса сразу же стали очень даже чувствительными к теплой воде, и это показалось ему не менее приятным, чем присутствие рядом очаровательной молодой особы.

В комнате воцарилась тишина. Слышалось лишь поскребывание бритвы по колючей щетине Джесса.

Обычно он избегал спать со служанками или горничными. Джесс знал немало мужчин, предпочитавших ложиться вечером и вставать утром в строгом одиночестве. При этом они

не испытывали никакого желания изменять подобному правилу. А потому даже сама мысль о возможности уложить Онести с собой в кровать показалась Джессу просто дикой.

Закрыв глаза и расслабившись, он постарался думать о другом...

О матери... Мысли о ней отвлекут его... Затем он вызовет в памяти образ Ровены Рандолф в тот момент, когда она стояла на железнодорожной платформе в Шайенне. Потом вспомнит улицы Вайоминга в день, когда суфражистки города вышли на улицы с требованием запретить публичные дома.

Джесс хотел припомнить и другое, но...

Его щеки коснулось, что-то мягкое и теплое. Он открыл глаза и увидел Онести с салфеткой в руках. Она смотрела на него с восхищением:

— Боже, какой же вы красивый!

Брови Джесса полезли вверх.

— Красивый? — переспросил он, удивленно уставившись на Онести.

На щеках девушки играл пунцовый румянец.

— Не разыгрывайте удивления, дорогой! — усмехнулась она. — Можно подумать, что вам об этом не говорят.

— Не говорят, если хотят жить! — ответил он с сарказмом.

Слово «красивый» казалось Джессу рафинированно-женским и всегда раздражало. Тем более что с самого детства он чуть ли не ежеминутно слышал: «ангельское личико», «прелестный мальчик», «лютик» и все такое прочее.

Конечно, с возрастом он все меньше прислушивался к подобным эпитетам в свой адрес, предпочитая по возможности использовать привлекательную внешность для достижения вполне земных целей. Женщины им восхищались, а мужчины не придавали этому особого значения до тех пор, пока не становилось уже поздно...

Как ни странно, но комплимент Онести наполнил душу Джесса теплотой и радостью. Он неожиданно почувствовал прилив сил...

Когда пальцы девушки начали смывать грязь с его бедер, он решил, что эта женщина гораздо лучше большинства тех, с кем его сталкивала жизнь. И почесывание бедра скорее всего было невинным движением моющей руки, а никакой не попыткой пробудить в нем желание. Тем не менее он почувствовал, как кровь начинает приливать к низу живота.

Джесс поймал под водой ее ладонь и крепко сжал.

— Вы всем постояльцам так старательно помогаете? — спросил он.

Онести несколько раз моргнула и с усмешкой ответила:

— Роуз приказала исполнять любой ваш каприз.

Любой каприз? Ха! Черт побери, а почему бы и нет?! Ведь мужчина, попавший в руки очаровательной, полной желания женщины, не должен жаловаться на судьбу! Он должен пасть на колени и возблагодарить Господа!

Джесс спросил себя, сколько времени его тело нежится в тепле и неге. За два с лишним месяца скитаний среди грязи и лишений он, несомненно, заслужил подобную награду. Почему бы не позволить себе расслабиться и погрузиться в мир наслаждений хотя бы на одну ночь? Причем с этой очаровательной феей, каким-то чудом возникшей у забытого Богом подножия Скалистых гор?

— Онести!

— Что?

— Вы говорите, что обязаны исполнить любой мой каприз?

— Гм-м...

— Вот первый и главный.

— Какой же?

Джесс крепко сжал ладонь Онести и накрыл ею свой окрепший от возбуждения член. Глаза девушки расширились, она глубоко вздохнула, и Джесс почувствовал, как напряглось все ее тело...

В первое мгновение он несказанно удивился тому, насколько опытной оказалась Онести в искусстве услаждения мужской плоти. Ее пальцы крепко сжали член и принялись ласкать его, двигаясь вверх и вниз.

— Боже мой! — простонал Джесс, ухватившись обеими руками за стенки ванны и выгибаясь всем телом навстречу ее рукам.

— Вот оно, ваше самое грозное оружие! — прошептала Онести, еще сильнее сжимая член Джесса и продолжая играть им с удвоенной энергией. — И вы его скрываете!

Джессу показалось, что у него из глаз брызнули искры, а кровь в жилах забурлила. Ему вдруг стало душно. Он заскрежетал зубами, пытаясь взять себя в руки.

— Если вы будете продолжать мучить меня подобным образом, я взорвусь раньше времени!

Онести облизнула высохшие губы. Джесс со стоном прижал девушку к себе и закрыл ей рот долгим, страстным поцелуем. Конечно, это был не первый поцелуй Онести с мужчиной — за последние месяцы она потеряла им счет. Но ни один из них не был похож на этот...

Пока Джесс со вкусом пережевывал ее губы, Онести старалась припомнить все методы самозащиты при подобных ситуациях, которым ее учил Дьюс. Однако ничего не приходило на память. Впрочем, если бы она что-то и вспомнила, то все равно не нашла бы в себе сил применить. Ее сердце громко стучало, руки дрожали. Доселе незнакомая буря разыгралась внизу живота. И бороться со всем этим Онести не могла...

Издав стон, она сама прильнула к губам Джесса. Онести никогда не думала, что поцелуй может приносить такое... наслаждение. Его язык проник между ее зубами, прошелся по деснам с внутренней стороны. И это показалось ей чем-то почти божественным!

Джесс опустился на самое дно ванны. Только теперь Онести заметила, что так и не убрала свою руку с его члена. Это было чем-то совершенно новым. Никогда раньше она не касалась интимных частей мужского тела! Онести просто играла с мужчинами, стараясь не заходить слишком далеко.

Она вновь пробежалась кончиками пальцев по его члену. Джесс застонал и утопил свою ладонь в ее густых волосах. Онести почувствовала мягкое, полное нежности прикосновение. Осторожно отпустив напряженную мужскую плоть, она провела ладонью по его бедрам, животу, мощной мускулистой груди. Почему он показался ей костлявым и тощим? Джесс был просто подтянутым! А эти мягкие, добрые руки... Язык, испугавший было своей агрессивностью, теперь нежно скользил по ее деснам, заставляя таять от наслаждения... В этот момент Джесс тихо рассмеялся:

— А вы, оказывается, очень сладкая!

Онести подумала, что сам он напоминает неожиданно налетевшую летнюю грозу.

— А кожа — необыкновенно мягкая! — прошептал Джесс.

Его же кожа была... горячей! Обжигающей... Воспламеняющей...

Во всяком случае, Онести чувствовала, как от его прикосновения во всем ее теле

разгорается пожар. Сейчас ей меньше всего хотелось чтобы этот жгучий огонь погас. Онести даже подумала, что тогда она тут же умрет...

А коварное пламя разгоралось все сильнее. Оно уже пробежало вдоль спины, проникло в грудь, заставив загореться и окаменеть коралловые соски. Ее руки сжали плечи Джесса, левая нога переступила через борт ванны, туфля соскользнула на дно, а полы юбки оказались в воде.

— Довольно! — донесся до нее сквозь облако пара хриплый голос мужчины. — Я хочу почувствовать себя в вас!

О Боже! Что она делает?!

Онести на какое-то мгновение вспомнила, как все начиналось. Если бы какой-нибудь другой мужлан соизволил вести себя так вольно, то после подобных слов она непременно проломила бы ему голову стоявшим рядом стулом. Но Джесс пробудил в ней женщину, заставив учащенно биться сердце.

И все же Онести нашла в себе силы вырваться из его объятий и выскочить из ванны.

— Вы что, с ума сошли? — злобно прошептала она. — Неужели нельзя заниматься этим вне ванны?

Джесс крепко схватил ее за руку:

— В чем дело, дорогая? Вы боитесь немного промокнуть?

У Онести перехватило дыхание. Она просто не знала, как реагировать на столь непристойную шутку — рассмеяться или надавать Джессу пощечин. Но тут же поняла, что не сможет сделать ни того ни другого. Боже, зачем он оказался таким красивым?!

Всего несколько минут назад Джесс, с намыленными волосами и остатками пены на висках после бритья, казался Онести не столь привлекательным партнером. Но все изменилось. Густые длинные волосы, ниспадавшие на плечи, приняли прежний соломенный цвет. Посветлевшие брови чуть нависли над искрящимися молодыми глазами, от уголков которых тянулись тонкие морщины. Можно было подумать, что Джесс большую часть жизни либо смеялся, либо загорал на солнце. Нос — прямой, узкий, с горбинкой — прекрасно сочетался с губами. Причем нижняя была чуть толще верхней.

Онести многозначительно посмотрела на Джесса:

— Мне кажется, что ванна слишком мала для нас двоих.

Она попыталась высвободить руку и не встретила сопротивления, хотя Джесс продолжал смотреть на нее жадными глазами.

Онести повернулась и сделала несколько шагов к окошку. Она почти физически ощущала его взгляд на своей спине. Ее попытки заставить себя вспомнить роль, которую предстояло сыграть, и усилия придать походке спокойную уверенность были тщетными. Она чувствовала, как дрожат колени. Остановившись около туалетного столика, Онести незаметно расстегнула на груди сорочку, мешавшую, как ей показалось, свободно дышать.

Как же случилось, что все планы хозяйки разом рухнули? Ведь Роуз предполагала, что ее очаровательная служанка непременно соблазнит нового постояльца. Ничего другого Скарлет просто не могла себе представить! В конце концов, Онести поступила к ней в заведение, чтобы зарабатывать себе на жизнь, в том числе и таким вот способом!

Что ж, видимо, настало время положить конец всей этой примитивной игре!

Пока Джесс, наклонившись над ванной, намыливал голову, Онести воровато сунула руку в карман своей юбки и вытащила оттуда пачку пакетиков со снотворным, которое про себя именовала «секретом величайшего наслаждения для мужчины». Это средство всегда было

при ней и уже не раз спасало от неприятностей.

— Не желаете ли немного виски? — спросила она.

— Я уже достаточно выпил!

— Но ведь не можете же вы допустить, чтобы женщина пила виски одна!

Онести решительно открыла шкаф, где она неизменно хранила вино и посуду, вынула бутылку виски и налила два полных стакана. Когда она открыла первый пакет со снотворным, то неожиданно пришла к мысли, что с удовольствием бы выбросила его содержимое за окошко, а не высыпала в стакан. Да, она желала бы без оглядки отдаться страсти, предлагаемой Джессом. Впервые в жизни мужское внимание воспринималось ею не как смертоносная пуля, от которой необходимо увернуться, а как приглашение к неизведанным приключениям, через которые так интересно было бы пройти. Онести с удивлением открыла, что ей вовсе не так уж безразлично, если ковбой уедет наутро и она больше никогда его не увидит.

В этот момент перед ней возникло лицо Дьюса — его смеющиеся шотландские глаза, твердые отцовские губы и что-то таинственное, так и оставшееся нераскрытым. В это мгновение Онести поняла, что не смеет позволить себе забыть о главном даже на одну ночь...

Она сжала губы и решительно высыпала порошок в стакан Джесса.

Он стоял у окна, освещенный лучами заходящего солнца. Онести смотрела на него и чувствовала, что воздух в комнате становится густым и тягучим. На лице Джесса появилась дьявольская усмешка, а в глазах — нечто очень грязное и пошрое. Онести знала, что такого рода мужчины, впадая во грех, становятся очень опасными...

Она протянула Джессу его стакан и, высоко подняв свой, провозгласила тост:

— Итак, за незабываемую ночь!

В душе Онести надеялась, что ковбой никогда не узнает, как мучительно она переживала то, что собиралась сделать...

Джесс, обнаженный, как в день своего рождения, сидел на постели, упершись локтями в колени и опустив голову на ладони. В комнате стоял неестественный запах пота и сирени.

Он посмотрел на женщину, лежавшую рядом, на ее светлые волосы, разбросанные по подушке, очень смутно вспоминая о том, как гладил их пальцами.

Не открывая глаз, Онести перевернулась на другой бок. Тень от густых ресниц упала на безупречные черты лица. Нос уткнулся в простыню, а в уголках губ появился намек на улыбку. Неожиданно она глубоко вздохнула, нахмурилась и быстро поднялась с постели. Джесс успел увидеть лишь обнаженную спину и правую половинку белых ягодиц. Схватив с постели одеяло, Онести прикрыла им наготу и посмотрела на Джесса широко раскрытыми глазами, в которых, подобно разыгравшемуся на море шторму, бушевала самая настоящая ярость.

— Очнитесь же наконец!

— Вы ждете кого-то еще?

— О Боже мой! — прошептала Онести. — Черт побери!

Затуманенными глазами Джесс смотрел, как Онести натягивает через голову сорочку и влезает в черные трусики. Взгляд его упал на валявшийся рядом с кроватью красный корсет. Он никак не мог вспомнить, сняла ли его Онести сама или все же с его помощью.

Наверное, все-таки это сделал он... Впрочем, уверенности у Джесса не было. Так... Надо припомнить все по порядку...

Итак, он очень хорошо помнил нежные и одновременно горячие поцелуи, которыми они обменялись. Потом его громкий смех сменился страстным стоном. Это Онести выплеснула ему на грудь стакан виски...

Затем все смешалось. Он помнил лишь лихорадочное дыхание партнерши и свое непреодолимое желание обладать ею. Последнее, что запало в память, — это то, как он взбирался на Онести, стараясь успеть проникнуть в ее тело до оргазма.

А дальше... Дальше был полный провал...

— Что?.. — прошептал Джесс.

Он не смог продолжить, ибо пересохшие губы отказывались повиноваться. Взяв стоявший на столе недопитый стакан виски, Джесс залпом осушил его и только тогда почувствовал, что снова в состоянии говорить.

— Что произошло ночью?

Онести, разгладив на себе сорочку, с удивлением посмотрела на него:

— Ночью?

— Да... Ну, мы... кончили?

— Что именно?

— Не надо притворяться. Вы же отлично понимаете, что я хочу сказать!

— О чем речь? Конечно, да! — Онести подобрала валяющуюся на полу одежду и повернулась к Джессу: — Конечно, кончили! По крайней мере дважды! Могли бы сделать это и в третий раз, но вы довели меня до полного изнеможения... Честное слово, если бы я могла предположить, что в вас скрыты такие способности, то, наверное, лучше бы подготовилась к этой ночи! Вы не видели, куда подевались мои туфли?

Джесс пропустил вопрос мимо ушей. Он судорожно пытался восстановить в памяти всю

прошедшую ночь. Сколько он выпил? Всего пару стаканов виски! Неужели этого оказалось достаточно, чтобы совсем потерять память? Господи, давно ли он мог перепить даже ирландца!

— Черт побери, никак не могу поверить в то, что заснул в постели с женщиной! — проворчал он. — Да еще и вам позволил заснуть! Такое со мной произошло впервые в жизни!

Джесс не лукавил. Действительно, ни разу за всю жизнь ни он сам, ни его партнерши, которые делили с ним ложе, страстно отдаваясь любовным порывам, ни на секунду не смыкали глаз. И это составляло предмет особой гордости Джесса.

— Кстати, не забудьте, что вы должны мне три доллара, — услышал он насмешливый голос Онести.

— Что?! — воскликнул Джесс, как будто ему на голову вылили ведро холодной воды. — Какие три доллара?!

— Или вы надеялись переспать со мной бесплатно?

Наверное, за такую цену Джесс имел бы все основания надолго запомнить проведенную ночь. Но он все проспал! Ему казалось, что ни о каких деньгах он с Онести не договаривался... Или забыл о разговоре? Как бы то ни было, теперь уже ничего не докажешь.

— Черт побери! — снова выругался Джесс и, подняв с пола брюки, полез в правый карман.

Вытащив пригоршню мелких монет, Джесс тупо уставился на деньги и часто-часто замигал. Потом его глаза превратились в две узкие щелочки. Неужели это все, что у него осталось?

Из лежавших на ладони Джесса желтых кружочков Онести выбрала три доллара, встала и направилась к двери. Но у порога обернулась и с иронией сказала:

— Спасибо, ковбой! Вы были великолепны!

Дверь закрылась. Джесс нехотя встал с кровати, оделся и пошел вниз, надеясь, что чашка крепкого кофе поможет ему вновь обрести ясность мыслей.

Хозяйка сидела за одним из столов и изучала амбарные книги. По мрачному выражению ее лица было очевидно, что дела обстояли неважно.

— Доброе утро, Скарлет! — буркнул постоялец. Роуз подняла голову, посмотрела на мужчину и перевернула страницу.

— Доброе утро, мистер Джонс! — через силу улыбнулась она. — Как спалось?

Джесс машинально провел ладонью по голому подбородку, где еще накануне была густая борода, и мрачно ответил:

— У меня такое чувство, что я всю ночь куда-то бешено скакал.

Скарлет удивленно посмотрела на него и жестом указала на свободный стул.

— Садитесь, мистер Джонс. И не скромничайте. По вашему виду можно заключить, что эту ночь вы, наоборот, провели очень даже приятно.

— Мне об этом уже сказали... в постели.

Заметив недоумение на лице хозяйки, Джесс признался:

— Сейчас у меня в мозгах сплошной туман. Ничего не могу толком припомнить.

— И все же, судя по адскому скрипу пружин старой кровати, вы остались довольны своей партнершей.

Джесс от удивления онемел. Так... Значит, даже Скарлет Роуз все слышала и отлично поняла, чем они занимались всю ночь. Почему же он ничего не помнит?

Джесс откинулся на спинку стула и сказал вполне будничным тоном:

— На Онести должен быть большой спрос.

Скарлет в очередной раз окинула постояльца испытующим взглядом:

— Насколько я заметила, она всегда производит впечатление на мужчин.

— Давно Онести у вас работает?

— Не очень. Всего несколько недель. Ее привело сюда несчастье. Онести потеряла всю свою семью. Дифтерия... Так по крайней мере она сказала.

Джесс не стал задавать вопросов. Ему уже доводилось слышать подобные истории. Условия работы и жизни на золотых приисках так или иначе способствовали возникновению самых опасных болезней. Возможно, что жертвой одной из них и стало семейство Онести.

Но все же у Джесса осталось чувство, что женщина чего-то недоговаривает. Он внимательно посмотрел на Роуз:

— А почему она просто не вышла замуж? При ее внешности найти себе приличного супруга, право, не так уж сложно!

Скарлет недовольно хмыкнула и сложила руки на животе.

— Вы думаете, я не убеждала ее это сделать? С первого же дня, когда Онести появилась на пороге моего дома, я посоветовала ей найти себе достойного мужчину, осесть с ним где-нибудь, завести пару ребятишек, ну и все такое прочее...

— И что же?

— А то, что она посмотрела на меня так, будто бы я предложила ей выпить яд. Она предпочитала работать. Вот я и оставила ее у себя, решив, что здесь ей будет куда лучше, нежели на любом другом прииске.

Джессу оставалось признать, что Роуз была права. Онести — взрослая женщина и может сама принимать решения. И если она выбрала это место, то, очевидно, вполне продуманно. Видимо, решила, что здесь будет чувствовать себя спокойнее, нежели где-либо еще, среди отчаявшихся золотоискателей.

И все же Джессу было непонятно, почему эта женщина, чья жизнь зависит в конечном счете от мужчин, предпочитает работать в умирающем городишке...

— Что-то вы слишком интересуетесь девушкой, с которой провели всего одну ночь, мистер Джонс, — хмыкнула Скарлет Роуз. — Уж не собираетесь ли украсть ее у меня?

— Черт возьми, да нет же! — воскликнул Джесс, резко подняв голову и выпрямившись на стуле. — Меня просто удивляет, что такая хорошенькая девушки выбирает для себя столь будничную и нелегкую жизнь. Вот и все!

— Большинство мужчин, останавливавшихся в моем доме, это совсем не интересовало. Они только хотели знать, как скоро получают удовольствие и сколько за него придется заплатить...

Очевидно, Скарлет была в этом уверена. Джесс же подумал, что доселе никогда не задавался вопросом, почему женщина начинает заниматься проституцией. А сейчас вдруг задумался об этом совершенно серьезно. Что случилось? И еще Джесс никак не мог отделаться от вопроса: почему он напрочь забыл события минувшей ночи? Впрочем, хорошо, что все закончилось потерей памяти! Могло быть и хуже! А сейчас...

Сейчас надо выбросить эту чушь из головы и заняться главным — поимкой Дьюса Магуайра.

В этот момент рядом заскрипел стул. Джесс повернул голову и увидел, что Скарлет встала и выжидающе смотрит на него.

— Как насчет бисквитов, мистер Джонс? — спросила она. — Наверное, напряженная ночная работа пробудила в вас аппетит.

— Спасибо, мисс Скарлет. Кстати, зовите меня просто Джесс. Но до завтрака я бы хотел посмотреть, как чувствует себя моя лошадь. Я собираюсь сегодня покинуть вас.

— Так скоро?

— Я и так пробыл здесь дольше, чем рассчитывал.

Он встал, вынул из кармана несколько монет и бросил их на стол. Это было вдвое больше, чем требовалось, но Джесс решил, что Скарлет найдет деньгам лучшее применение, нежели он сам.

— Если мы больше не увидимся, то прошу вас побереечь себя и не очень перетруждаться.

— Надеюсь, Джесс, что вы будете вести себя точно так же. Желаю вам встретиться со своим другом.

— Непременно!

Двенадцать долларов... Онести с отчаянием смотрела на горсть золотых монет и несколько банкнот, разбросанных по кровати. Это было все, что она успела заработать за три месяца тяжелой работы. Если так пойдет и дальше, то ей не удастся скопить достаточно денег, чтобы добраться до Галвестона. Хотя бы хватило уехать из Колорадо!

Онести пробежалась кончиками пальцев по золотой нитке на шее. На какое-то мгновение ей вдруг почудилось прикосновение пальцев Джесса. Она закрыла глаза и сразу же погрузилась в воспоминания о том, что произошло накануне. Ванна... золотые лучи заходящего солнца, проникавшие в комнату через открытое окно... Бронзовое мускулистое тело...

Она почувствовала, как внизу живота снова начинает разгораться пожар...

О Боже! Онести все еще не могла поверить, что спала в его постели. О чем она тогда думала?! Самое ужасное заключалось в том, что ни о чем... Она просто обо всем забыла! В том числе и о самой себе... Горячая грудь Джесса прижималась к ее твердым полушариям. И это явилось для нее доселе неведомым наслаждением! Его пальцы ласкали ее волосы. Онести казалось, что если он уберет их, то ее сердце, бившееся с сумасшедшей скоростью, тут же разорвется на части...

Она тряхнула головой, пытаясь отогнать от себя эти глупые мысли, и вновь сосредоточилась на своих скромных сбережениях и географической карте, лежавшей рядом. Через всю карту тянулась цепь маленьких звездочек, нанесенных карандашом. Она отражала маршруты путешествий, совершенных Онести за последние двенадцать лет. Линия наискось пересекала территорию страны от Колорадо до Нью-Мексико и обрывалась на берегу Мексиканского залива.

«Правда таится в плывущих камнях...»

Это были напутственные слова ее отца, сказанные перед смертью. Ни тогда, ни сейчас Онести не понимала их смысла. Какую правду он имел в виду? И где эти плывущие камни? В реке? В каньоне? В золотоносной шахте? Предполагать можно все, что угодно!

Так или иначе, но для того, чтобы разгадать загадку, надо было отыскать эти странные плывущие камни!

«Вернись путем, которым пришла...»

Такова была вторая часть отцовского напутствия. После долгих раздумий над смыслом этих слов Онести решила, что для начала должна точно вспомнить, в каких местах между Денвером и Галвестоном они с Дьюсом успели побывать.

«Конечно, — думала Онести, — на двенадцать долларов далеко не уедешь. Но все же хоть куда-нибудь! В конце концов, можно продать рубин, хранившийся в маленькой коробочке, и купить билет на поезд до какой-нибудь остановки в южном направлении...»

Нет, она продаст рубин только в случае крайней необходимости! Этот камень был единственным напоминанием о Дьюсе. Как и оставленные им загадки, которые она пока не могла разгадать...

Итак, перед предстоящим путешествием ей необходимо найти сопровождающего. Конечно, после вчерашней ночи обращаться к Джессу она не может. Не исключено, что путешествие будет продолжаться очень долго, возможно, не один месяц. И наверняка на всем его протяжении Джесс непременно будет требовать от нее удовлетворения своих плотских желаний. А потому весь вояж превратится для нее в сплошное мучение.

Но кто еще мог бы стать ее попутчиком? Онести перебирала все возможные варианты и, к своему ужасу, не могла остановиться ни на одном. Значит, придется путешествовать в одиночку? Что ж, другого выхода, видимо, не остается...

Бродяжническая жизнь Дьюса убедила Онести в том, что одинокая женщина подвергается бесчисленным опасностям в мире, управляемом мужчинами. А после смерти отца она уже на собственном опыте испытала, насколько глупо путешествовать без надежного сопровождения. Но что же делать?!

Нет, защитник ей необходим! Им должен стать настоящий мужчина. Сильный, чтобы охранять от опасностей, но которого можно было бы держать под контролем. В том, что Джесс достаточно силен, она не сомневалась. Но вот сможет ли она руководить им...

Онести с сомнением покачала головой.

Или она ошибается?

Если бы только Онести получше знала этого человека! Откуда он родом? Кто его друзья? Что же она знала о Джессе Джонсе в настоящий момент? Только то, что у него лицо ангела, очарование дьявола и тело, зовущее к грехопадению...

А может быть, он и впрямь бродяга, каким себя старался представить? Во всяком случае, это подтверждал его неряшливый вид. И все-таки в Джонсе было нечто, не поддающееся определению...

Боже, как легко было бы решить эту задачу, если бы Джесс не был окутан непроницаемым покровом таинственности!

И не выглядел бы воплощением греха и искушения!..

Вспомнив, что должна помочь Роуз на кухне, Онести быстро свернула карту, собрала деньги и, положив все это в тайничок внутри платяного шкафа, вышла в коридор.

Проходя мимо комнаты Джесса, Онести остановилась. Дверь была открыта.

Постель аккуратно застлана. Рюкзак с вещами исчез. В шкафу болтались пустые вешалки. Значит, он уже уехал.

Нахмурившись, Онести спустилась вниз и нашла Роуз в игорном зале. Хозяйка одиноко сидела за столом. В руках у нее был карандаш, который она сосредоточенно точила.

— А где наш гость? — спросила Онести.

— Ты опоздала. Он уехал десять минут назад.

— Куда?

— Уверял, что хочет проверить лошадь после раны.

— Но он вернется?

— Не знаю. Об этом он ничего не сказал, а я не стала спрашивать.

Онести неожиданно почувствовала себя страшно одинокой. Казалось, она должна бы радоваться исчезновению Джесса. Ведь ей было так неприятно просыпаться, лежа с ним в одной постели, и рассказывать глупые сказки о страстно проведенной ночи.

— Судя по усталому виду, он отменно поработал с тобой этой ночью! — усмехнулась Роуз.

Онести бросила на женщину чуть ли не панический взгляд:

— Он ничего не сказал перед отъездом?

— Ничего. Только подробно расспрашивал о тебе.

Роуз саркастически скривила губы и посмотрела на служанку пронизывающим взглядом:

— Не знаю, что ты проделывала с Джессом в постели, но впечатление на него, несомненно, произвела.

Онести отвела взгляд. Она боялась представить, что сделает Роуз, если узнает, каким образом ее подопечная «обработала» гостя. Но вообще-то говоря...

Онести чувствовала за собой некоторую вину. Раньше, завлекая клиента, а затем обманывая его, она никогда не беспокоилась на этот счет. Что же случилось теперь? Ведь она уже давно научилась играть на человеческих слабостях. Более того, когда единственный раз в жизни она поддалась этому чувству, ей пришлось дорого заплатить — жизнью своего отца.

Недавнее горе всплыло в памяти Онести. Но она тут же постаралась отогнать от себя воспоминания и медленно опустилась на стул напротив Роуз. Густые волосы, выскользнув из заколок, упали ей на плечи. Она смотрела на хозяйку и думала, ложится ли та когда-нибудь спать? А если ложится, то как рано встает?

— Что вы делаете, Скарлет? — спросила Онести.

— Пытаюсь свести концы с концами, — буркнула в ответ Роуз, что-то старательно стирая ластиком в одной из амбарных книг. — Видимо, этот чертов Эли Джонсон решил свести меня в могилу. Сама посудите: сначала он крадет моих девочек. Потом — постоянных клиентов. А теперь вообще собирается лишить меня средств к существованию.

Онести почувствовала угрызения совести. В последнее время она настолько увязла в собственных проблемах, что перестала замечать, какого труда стоит Скарлет поддерживать существование игорного дома и гостиницы. Эли Джонсон владел публичным домом под названием «Черная подвязка», расположенным в нескольких километрах к востоку от Ласт-Хоупа. Когда-то он питал нежные чувства к Роуз. Но после того как та отказала ему во взаимности, поклялся жестоко отомстить, пригрозив, что Скарлет горько пожалеет о своем решении. Видимо, теперь он намерен осуществить свою угрозу.

— Неужели дела обстоят так скверно? — спросила Онести.

— Видишь ли, если в ближайшее время мне не удастся найти способ оживить свой бизнес, то заведение придется закрыть.

Онести вспомнила отцовские слова. Он не раз говорил, что никогда не следует долго засиживаться на одном месте. Он считал, что надо постоянно изыскивать новые, более надежные и выгодные. Иначе можно совсем захиреть и разориться.

— Роуз, а разве нельзя придумать что-нибудь получше? — спросила она.

Рука Скарлет застыла в воздухе:

— Получше чего?

— Вот этого места. Получше, чем жизнь здесь. И дело не только в том, что дела вашего

заведения пошши хуже. Неужели, Роуз, вы просто никогда не мечтали о чем-нибудь более солидном?

— Что ты имеешь в виду?

Онести пожала плечами:

— Я еще и сама не знаю. Но иногда начинаю мечтать о каком-нибудь другом месте. Утопающем в зелени... Под голубым небом... И таком прекрасном, чтобы захватывало дух...

Невольно перед мысленным взором Онести возник образ Джесса. Его глаза, принимающие порой цвет зеленого луга и уже в следующий момент превращающиеся в бурное, грозное море. Спокойные и тут же загорающиеся дьявольским желанием...

— То, чего ты хочешь, скорее похоже на рай, — усмехнулась Скарлет.

Онести поняла, какую глупость только что сказала. Она чуть подалась вперед и сцепила пальцы рук.

— Ведь я никогда не была там, — попыталась оправдаться она. — Это действительно лишь мечты! Но иногда мне кажется, что чей-то голос произносит мое имя и зовет куда-то...

— Не значит ли это, что тебя и впрямь стало тянуть в прошлое, которое ты лишь смутно помнишь и считаешь сновидением?

Онести утвердительно кивнула:

— Время от времени мне действительно снится нечто подобное... Как бы пришедшее из старых сказок. Очаровательный принц... Замки с уходящими высоко в небо островерхими башнями... Люди, бросающие цветы к моим ногам...

— Да. Такие молоденькие и красивые девушки, как ты, очень часто верят в сновидения. В отличие, скажем, от меня.

— Вы далеко не старая, Роуз!

— Как-никак мне уже двадцать пять лет. Я успела многое сделать, многое испытать и многому научиться.

— А как в отношении любви, Роуз? Ведь за эти годы вы, конечно, кого-то любили!

Хозяйка сникла, ее лицо стало мрачным:

— Конечно, любила! И даже больше, чем следовало, моя милая!

Онести с симпатией посмотрела на Скарлет. Как-то раз Роуз призналась ей, что стала заниматься бизнесом после жаркого романа с человеком, пользовавшимся сомнительной репутацией. Когда он ее бросил, у Скарлет остался один-единственный выход зарабатывать себе на жизнь — работать у Эли Джонсона в «Черной подвязке». После того как у близлежащих холмов были открыты серебряные прииски, Роуз стала откладывать каждый заработанный пенс, чтобы купить там участок земли. Так возникла гостиница с игорным домом, и некоторое время ее дело процветало.

— Может быть, существуют причины, мешающие вашему делу снова сделаться прибыльным? — спросила Онести. — Или же появился шанс осуществить некую давнюю мечту, для чего потребуется отказаться от «Скарлет Роуз»?

— О нет! Я построила «Скарлет Роуз» вот этими руками. Кроме того, я никогда не соглашусь вновь попасть в зависимость к мужчине! Буду себя глубоко презирать, если позволю какому-нибудь ничтожеству вроде того же Эли Джонсона без борьбы заграбастать мое заведение.

Онести предпочла не спорить о том, что успех Скарлет, хочет она того или нет, в конце концов зависит от мужчин. Ибо без них и их желаний существование заведений, подобных «Скарлет Роуз», теряло всякий смысл.

— Могу ли я чем-нибудь помочь вам, Скарлет? — спросила она.

— Начни молиться о ниспослании нам чуда, — рассмеялась Роуз. — Или же мы обе пойдем ко дну.

Не успела Скарлет закрыть рот, как дверь распахнулась и на пороге появился Джесс.

— Уважаемые дамы! — торжественно объявил он. — Похоже, вам не удастся так быстро от меня отделаться!..

— Это каким же ветром вас снова принесло, мистер Джонс? Я-то была уверена, что час назад мы виделись здесь в последний раз!

— Я тоже так думал!

— Значит, ваша лошадь все еще хромает?

— К сожалению. Я решил не испытывать судьбу.

— Что ж, вы оба можете оставаться здесь сколько потребуется. Я даже приказала Онести застелить вашу постель чистым бельем.

Взгляд Джесса скользнул по Онести. Перешагнув порог, он вошел в игорный зал и еще раз посмотрел на очаровательную служанку. Та некоторое время не обращала на него никакого внимания. Она сидела, не поднимая головы, опустив на колени руки со сцепленными пальцами, и о чем-то думала. О чем? Выражение ее лица несколько озадачило Джесса. Рада ли Онести его возвращению или же, наоборот, молится о том, чтобы он поскорее убрался отсюда?

— Онести, положи, пожалуйста, на тарелку несколько бисквитов для мистера Джонса, — сказала Скарлет. — Я уверена, что он не прочь подкрепиться после упорных ночных трудов.

Онести, покраснев, сорвалась со стула и бросилась в кухню, как будто только и ждала предлога, чтобы убежать из игорного зала.

— Итак, как долго вы намерены пробыть у нас? — спросила Роуз, указывая Джессу на стул, где только что сидела Онести.

— Трудно сказать. Во всяком случае, мне надо срочно послать телеграмму с просьбой прислать денег, ибо мой карман опустел. Мне даже нечем будет расплатиться, если я останусь у вас хотя бы еще на один день.

— Послать телеграмму? Боюсь, это будет не так легко сделать. Отделение телеграфа вместе с главной гостиницей закрылось полгода назад, а почтовое сгорело дотла в прошлом, когда его владелец Скитер Мэлоун вздумал самолично проверить качество пороха, купленного им для своего ружья.

Джесс прикусил нижнюю губу. Ничего себе ситуация! Лошадь захромала... В кармане — не больше двух долларов... Послать телеграмму с просьбой выслать еще — невозможно! А при установленных Роуз ценах его наличности хватит лишь на оплату двух дней пребывания в ее гостинице. После чего у Джесса не останется вообще ни цента. Конечно, если Скарлет согласится, он мог бы жить здесь в долг. Но гордость никогда бы не позволила ему пользоваться милостью...

— Тогда мне просто придется найти временную работу, — сказал он. — У меня есть опыт обращения с лошадьми и другими домашними животными. Думаю, эти руки чего-то да стоят!

— Не сомневаюсь, — ухмыльнулась Роуз. — Однако здесь трудно найти место даже с вашими способностями и опытом.

— А в вашем хозяйстве? Может быть, я буду вам полезен?

— Сожалею, дорогой! На меня уже работает больше рабочих рук, чем имеется мест. Трудную работу помогают делать дядюшки, когда спускаются с гор. С ежедневной же рутинной вполне успешно справляется Онести.

Плечи Джесса тяжело опустились. Что оставалось делать? Устроиться на ночлег прямо у входной двери? Подобный опыт у него уже был. Но сейчас погода портилась. К тому же мягкая, уютная постель наверху так и звала к себе. О служанке Джесс пока заставлял себя не думать. В конце концов, он ведь остался в этом доме отнюдь не из-за нее.

И тем не менее. Онести напомнила о себе, появившись в дверях. Подойдя к столу, она поставила перед Джессом чашку кофе и тарелку с бутербродами. При взгляде на все это он вдруг почувствовал, что по-настоящему голоден. Он не мог вспомнить, когда в последний раз ел.

— Я буду наверху, Роуз, — сказала Онести хозяйке. — Позовите, если понадобится!

Прежде чем Джесс успел что-либо сообразить, девушка исчезла на втором этаже.

— Просто не представляю, чем вам помочь, — сказала Скарлет с некоторым состраданием. — В принципе все, что можно было сделать в доме, уже сделано.

Она неуверенно огляделась по сторонам.

— Разве что... Разве что вон то пианино...

Джесс проследил за взглядом хозяйки и увидел в дальнем углу зала покрытый толстым слоем пыли музыкальный инструмент. Через проломленную внизу доску проглядывали дека и струны.

— Вы хотите, чтобы я его куда-нибудь передвинул? — осведомился Джесс.

— Нет. Скажите, а вы не играете на рояле?

— На рояле?

— Да. Видите ли, в залах игорных домов обычно играет музыка. Вот я и хотела бы найти сносного тапера. Умей вы прилично играть, могли бы занять это место.

В памяти Джесса возникли картины далекой молодости. Тогда он действительно немало времени проводил за роялем. И даже играл сонаты Моцарта. Однако это было так давно!

— Я умел играть, — неуверенно ответил он. — Но прошло уже пятнадцать лет, если не больше, с тех пор как в последний раз сидел за инструмент.

— Но все же не забыли, как нажимать на клавиши?

— Наверное, еще не забыл.

Джесс положил вилку на стол. У него почему-то сразу пропал аппетит.

— Но ведь это действительно было так давно! — почти со страхом сказал он.

— Давайте попробуем, в состоянии ли вы выжать хоть что-нибудь путное из этой старой развалины. Если да, то можно будет договориться о вашей работе тапером.

— Пусть будет так...

Добежав до своей комнаты, Онести закрыла за собой дверь и, прижавшись к ней спиной, долго не могла отдышаться. Ее сердце бешено колотилось. Руки дрожали. О Боже! Когда Роуз предложила ей молиться о чуде, она, конечно, не имела в виду Джесса! Почему все-таки он вернулся? Было очевидно, что он не хотел задерживаться в Ласт-Хоупе. А если все же — да?..

Онести принялась ходить по комнате. Право же, она не думала, что когда-нибудь снова увидит этого человека! А может, он ожидал от нее новых наслаждений?.. Если хотел...

Черт побери! Одна мысль о нем заставляла Онести краснеть! Хорошо, пусть этой ночью ей удалось перехитрить Джесса. Но повторить подобный опыт вряд ли возможно... А если он задержится здесь еще какое-то время? Что делать тогда?

Он может раскрыть ее обман. Понять, что напрасно заплатил три доллара. Как быть?

Как Джесс поведет себя? Мужчины терпеть не могут, когда их дурачат! Некоторые расценивают подобные шутки как самое большое оскорбление. И порой так распекаются, что могут пойти даже на убийство...

Взвинтив себя этими мыслями, Онести решительно подошла к стоявшему в углу небольшому шкафчику и извлекла оттуда дорожный саквояж, повидавший за свою жизнь, наверное, куда больше, нежели Гулливер. Она слишком надолго задержалась в Ласт-Хоупе. Пора отправляться дальше — искать «плывущие камни». Пусть ей не удалось найти помощника и защитника. Что ж, придется управляться одной...

Онести бросила саквояж на кровать, вытряхнула из него свои вещи и принялась их перебирать, думая при этом, как объяснит свой неожиданный и поспешный отъезд. Как-никак она покидала приютившую ее женщину в очень трудный для той момент. И поэтому чувствовала себя виноватой перед Скарлет Роуз.

Но как иначе могла она поступить? Почти три недели, проведенные в Ласт-Хоупе, ни на шаг не приблизили ее к достижению заветной цели — разгадке тайны, завещанной отцом на смертном одре. Прятаться здесь вечно она не может!..

Онести пошарила в шкафчике, проверяя, не забыла ли чего. Неожиданно ее рука нащупала что-то мягкое и аккуратно свернутое. Это оказался тот самый красный костюм, в котором она была накануне. Ей показалось, что он пахнет мылом и... мужским телом. Запах, который мог принадлежать только одному человеку. Онести вновь ощутила тепло его рук, заключавших ее в объятия, и прикосновение мужской плоти...

К горлу подкатил комок. Ей вдруг безумно захотелось снова очутиться в постели вместе с Джессом...

Что же делать? Да просто отдаться первому встречному мужчине! И сразу станет легче! Разве не здравая мысль?!

Ну нет уж! Пока она сумела выстоять! И если бы когда-нибудь все же отдалась мужчине — именно «если бы», а не на самом деле, — то исключительно тому, кто наденет ей на палец обручальное кольцо, а не просто положит пару монет на ладонь!

Онести чуть было не рассмеялась. И впрямь сложилась весьма пикантная ситуация. Ведь, по сути дела, она разыгрывала перед хозяйкой роль опытной шлюхи и при этом беспокоилась о том, как бы не потерять девственность до свадьбы! Хотя это отнюдь не означало, что ей не терпелось поскорее выйти замуж только для того, чтобы называться замужней дамой.

В принципе Онести могла бы принадлежать мужчине и до свадьбы. Но только в том случае, если он будет благородным, честным, смелым и верным другом. Человеком, которому она могла бы всецело доверять, зная, что он никогда не причинит ей боли и не использует в каких-то своих интересах. Человеком, который сможет заставить ее сердце прыгать от радости, а душу — петь!

Именно таким был отец Онести...

Она уложила в сумку оставшуюся одежду и уже собиралась завязать тесемки, когда неожиданно услышала нежные звуки музыки, доносившиеся с первого этажа.

Что это? Кто-то играет на пианино? Черт побери, кто бы это мог быть?

В недоумении сдвинув брови, Онести выскользнула из комнаты и сбежала по ступенькам в холл.

За роялем сидел широкоплечий блондин с золотыми, как у ангела, волосами.

Джесс? Не может быть!

Онести в изумлении застыла посреди зала и широко раскрытыми глазами смотрела на пальцы Джесса, которые бегали по клавишам. А когда она вслушалась в мелодию, то невольно воскликнула про себя: «Да это же «Лорена»! Одна из любимейших песенок Дьюса!»

Онести невольно закрыла глаза. Перед ней ожили картины недалекого прошлого. Вот они с отцом несутся на красивых сильных конях по бесконечным прериям... Вот на склоне горы разводят мангал, чтобы жарить каштаны... А вот она лежит в постели. За окном холодный дождливый ноябрь. Но в доме тепло. Напевая ласковую колыбельную песню, над ней склонился отец... Ту самую, которую сейчас играет Джесс:

Сто месяцев прошло с тех пор, Лорена!
С тех пор как я держал твою ладонь в своей.
И чувствовал твой частый пульс, Лорена!
Хотя биенье моего и было во сто крат сильнее!

Онести не обратила внимания на замедление темпа песенки. Но заметила, что Джесс время от времени искоса поглядывает на нее...

Наконец их глаза встретились. Это произошло в тот момент, когда Онести непроизвольно стала напевать эту песенку. Слезливую песенку о влюбленном, принесшем свою любовь в жертву долгу.

Онести несколько секунд смотрела в глаза Джесса. Неожиданно ей показалось, что в них мелькнуло гаденькое и похотливое выражение... Как будто он намеревался снова начать ее соблазнять...

Последняя нота уже давно отзвучала, а Онести и Джесс продолжали смотреть друг на друга.

— Боже мой, я никогда не слышала ничего подобного! — прервала их тишину Скарлет. По ее щекам текли слезы. — Онести, почему ты скрывала, что умеешь так божественно петь?!

Роуз вытерла глаза, помолчала несколько секунд и сказала уже совсем другим тоном:

— Вот оно что! Решение всех проблем само плывет мне в руки!

«Каких проблем? — спросила себя Онести. — И какое решение?»

— Вы сказали, что намерены задержаться здесь? Вопрос адресовался Джессу.

— Да.

— Надолго?

— Еще не знаю. Все зависит от того, как скоро заживет нога у лошади. Возможно — на пару дней. Может быть — на неделю. А что?

— Ничего. Просто у нас остается очень мало времени.

— Для чего? — включилась в разговор Онести.

— Для репетиций, конечно!

Джесс с удивлением посмотрел на Скарлет:

— Для репетиций? Что вы имеете в виду?

— Я хотела бы, чтобы в эту субботу вы выступили перед пассажирами дилижанса Дуранго — Денвер.

В помещении воцарилось молчание. Онести некоторое время попеременно смотрела то на Роуз, то на Джесса.

— Это несерьезно, Скарлет! — наконец выдавила она из себя.

— Напротив. Это так же серьезно, как снежный буран в зимнюю пору, — возразила Роуз. — Услышав твое пение и игру Джесса, пассажиры дилижанса выстроятся вдоль всей улицы, умоляя нас взять у них деньги!

У Онести глаза полезли на лоб. Как?! Ей выступать вместе с Джессом?! Да еще перед публикой?!

— Господь с вами, Скарлет! — воскликнул мужчина. — Одно дело — играть и петь для вас. А другое — перед сборищем совершенно незнакомых людей!

— Извините, Джесс! Ведь вы сказали мне, что нуждаетесь в заработке. Вот я вам и предлагаю вполне реальный вариант.

— Но я не имел в виду ничего подобного!

— Возможно. Но вы же говорите, что не сможете уехать отсюда, пока лошадь не выздоровеет. Ведь так?

— Так.

— Тогда в чем дело? Вы же ничего не теряете!

— А Онести? Разве она когда-нибудь пела перед толпой? Выступая на улице в такой холод, можно легко лишиться голоса!

Онести слушала этот разговор и не знала, смеяться ей или плакать — как относиться к попыткам Джесса помочь ей. Ведь он и понятия не имел о том, сколько раз ей приходилось петь на званых ужинах у Дьюса... Но после той страшной ночи, которая перевернула ее жизнь, она замолкла и, как ей казалось, навсегда...

— Это Онести-то не сможет петь перед толпой?! — возмутилась Скарлет. — Да она просто рождена для сцены!

Роуз вплотную подошла к девушке и заключила ее ладони в свои.

— Онести, ты ведь знаешь, в каком я сейчас трудном положении, не правда ли? И если мне не удастся каким-нибудь способом привлечь внимание к своему заведению и получить финансовую поддержку, то «Скарлет Роуз» грозит неминуемое банкротство! Я не прошу у тебя невозможного. Всего лишь один вечер! Обещаю вам обоим десять процентов от выручки.

Онести смотрела в умоляющие глаза хозяйки и чувствовала, что не сможет ей отказать. Она подумала также об упакованной сумке, ожидавшей ее наверху, о жалких двенадцати долларах в кошельке и протертой чуть ли не до дыр карте, в которой, возможно, заключалась разгадка к завещанному отцом секрету. И все-таки больше всего в тот момент она думала о Роуз. О женщине, которая в ночной час открыла ей дверь, не спросив, кто она и откуда пришла...

— Хорошо, — сдалась Онести и тяжело вздохнула. — Я попробую.

Роуз сжала ее руки и улыбнулась благодарной улыбкой. После чего с надеждой посмотрела на Джесса:

— Ну а вы?

Джесс ответил не сразу. Скарлет продолжала смотреть на него умоляющим взглядом. И мужское сердце не выдержало.

— Но если я буду весь вечер только нажимать на клавиши, то кто станет следить за тем, чтобы ваши клиенты не напились и не стали хулиганить? — шутливым тоном спросил он.

— Ничего! Мы с Онести сумеем их утихомирить. Ваше дело — обеспечить нас музыкой! Джесс повернулся к Онести и некоторое время молча смотрел на нее. Она не могла

понять, о чем он думал, но по сумрачному лицу догадалась — его мысли витали где-то далеко.

Выдержав долгую паузу, Джесс тяжело вздохнул:

— Я согласен. Не сомневаюсь, что посетители этого заведения останутся довольны...

Джесс выскочил на крыльцо с такой быстротой, словно хотел спрятаться от налетавшего смерча. За последние двадцать четыре часа две женщины напрочь разрушили его детально продуманные планы.

Черт побери, какими неприятностями теперь обернется для него столь запутанное дело? А главное, как сейчас выпутаться из этой ситуации? Ведь болтаться без цели всю следующую неделю в забытом Богом городке у него просто нет времени!

Прислонившись спиной к стойке крыльца, Джесс с циничной брезгливостью окинул взглядом городок, утопавший в надвигавшихся сумерках. Над ним громоздились горы, вершины которых озаряли лучи заходящего солнца. По склонам, поглощая на пути остроконечные выступы скал и заросшие деревьями подножия, ползли длинные тени. Откуда-то издали донесся гудок паровоза.

Итак, ему предложено начать жить заново! Черт возьми, Скарлет вознамерилась сделать невозможное...

Сотворить чудо... А впрочем, в недалеком прошлом Ласт-Хоуп было как раз самое подходящее для этого место. Тогда городишко не знал ни минуты покоя. На улицах не умолкали смех и песни, а большой танцевальный зал не мог вместить всех желающих. На каждом углу шла оживленная торговля. Через открытые двери блиставших белизной новеньких зданий можно было наблюдать, как солидные и не очень солидные джентльмены, сидя за столиками и держа в руках стаканы с виски или кружки пива, вели деловые переговоры. Тут же местные банкиры обсуждали биржевые новости. По бульвару фланировали модно одетые дамы, попутно заглядывавшие в небольшие магазинчики, где торговали шляпками, платочками, туфельками и недорогими украшениями. Зазывали к себе покупателей торговцы мебелью, одеждой, детскими игрушками. По центральной дороге, ведущей к центру городка, вели мулов, нагруженных самородками, подлинные хозяева Ласт-Хоупа — золотоискатели.

Да, в свое время жизнь в этом городке, возможно, и впрямь была ключом! А теперь...

Теперь все дышало усталостью, дряхлостью, неумолимо наползавшей бедностью.

Джесс подумал, что почти то же самое произошло и с ним самим...

Когда же все началось? Он не мог точно вспомнить. Но постоянно чувствовал приближение чего-то неотвратимого и ужасного. Об этом же твердила его последняя работа...

Если бы тогда кто-нибудь сказал Джессу, что его ждет работа сыскного полицейского агента, он рассмеялся бы в лицо этому человеку. Двенадцать лет назад, переполненный благородными намерениями и злостью на творившуюся кругом несправедливость, Джесс упаковал вещевой мешок, взял под уздцы любимую лошадь и вышел из ворот аристократического дома в Чикаго. Он был молод и полон сил. Ни одно дело не казалось ему трудным или слишком опасным. Ничто не пугало. Он использовал любую возможность, чтобы пересечь страну из конца в конец. При этом в любом городе или селении вступался за бедных и никогда не уклонялся от стычек.

Настал день, когда его одержимость сменилась страстью к женщине. Эта встреча стоила Джессу шести месяцев невероятных страданий.

«Вот тогда-то все и началось!» — думал он сейчас. То, что он чувствовал в то время,

было не просто усталостью. Джесс и сам не мог толком объяснить свое состояние. Но ощущал, что какая-то неведомая сила высасывает из него все соки, иссушая не только тело, но и душу. За время своих путешествий он повсеместно сталкивался с миром обмана и интриг. Сохраняя при этом инкогнито, Джесс старался выявлять и разоблачать преступников. Наступило время, когда он уже и сам не мог понять, кем является на самом деле. Наконец Джесс встретил Магуайра и вернулся вместе с ним в Денвер, где хотел...

Собственно, он и сам не знал, чего хотел. Единственное, в чем был уверен, так это в полной невозможности вернуться к прежнему занятию — тратить свой природный талант на выступления перед пьяными компаниями в питейных и игорных заведениях...

Джесс вздохнул и посмотрел на затянутое тучами небо. Черт бы побрал эту Скарлет со всеми ее проблемами! Почему он должен участвовать в их решении?!

К черту и Онести! Своим голосом она сумела затронуть в его душе какие-то давно отзвучавшие струны. Джесс вдруг почувствовал, что эта женщина стала душевно ближе к нему. Проклятие, неужели уроки жизни его так ничему и не научили?!

Выходит, именно так. В противном случае он не позволил бы вновь впутывать себя в решение женских проблем!

Ладно! Так уж и быть, он будет играть для Скарлет. Тем более что дал слово. В благодарность за это он по крайней мере получит кров над головой, мягкую постель и вполне приличную еду. К тому же, поскольку его карманы напоминали пустые глаза покойника, нужно было хоть что-то зарабатывать!

Но после этого он непременно уедет отсюда! А пока, насколько это будет возможно, постарается держаться подальше от Онести!

Как бы в насмешку над подобными мыслями Джесса, дверь неожиданно приоткрылась и на крыльцо выскользнула служанка. Сделав вид, что не заметила стоявшего совсем близко Джесса, она сбежала со ступенек и быстрыми шагами пошла по дорожке. Он непроизвольно устремился за ней, но тут же заставил себя остановиться. В конце концов, не все ли ему равно, куда и зачем она пошла? Это же ее личное дело! Джесс успел заметить, что Онести чем-то расстроена. Чем именно — догадаться было нетрудно. Он вспомнил, с каким выражением лица Онести слушала о намерении Скарлет устроить их выступление перед пассажирами дилижанса.

Джесс смотрел вслед Онести и думал о том, что так притягивало его к этой женщине. В какой-то степени виной тому, несомненно, была окружавшая девушку царственная аура. Также ее привычка повелевать и настаивать на своем. Причем порой без единого сказанного слова!

Но почему она с такой неохотой согласилась петь перед пассажирами? Этого Джесс пока понять не мог. Он всегда был твердо уверен в том, что любой талант нельзя держать в бутылке или зарывать в землю.

Однако сейчас в глазах Онести он прочел не только недовольство предложением Скарлет, но и какое-то смятение, граничащее с паникой. Чего же она боялась?..

Нет, конечно, они должны ее найти!

Мысли бешено кружились в голове Онести, пока она быстро шла вдоль дороги. Удаляясь от дома Скарлет, она старалась вспомнить, под каким предлогом ушла. Наверное, он прозвучал недостаточно убедительно. Ведь Роуз не сделала ни одного движения, чтобы удержать служанку. Конечно, Онести заметила стоявшего на крыльце Джесса. Но и он никак не прореагировал на ее неожиданное появление. Никто не выразил желания последовать за

Онести, чтобы хотя бы выяснить, куда она так целеустремленно направилась!.. Впрочем, это отнюдь не огорчило ее. Наоборот — девушка смогла наконец свободно вздохнуть.

Да, Роуз с головой погрузилась в свои планы организации концерта...

Ну а Джесс? Его отношение ко всему происходящему Онести понять не могла. Хотя это ее не особо и интересовало! Если бы Джесс не начал играть на старом пианино, она не оказалась бы втянутой в мероприятие, задуманное Роуз. Но слово было сказано, а потому данная клятва никогда после смерти отца не выступать перед публикой теперь отошла на второй план. И это сильно портило Онести настроение.

Боже, зачем она согласилась петь?! Куда подевался ее здравый смысл? Конечно, Онести ценила свои отношения с Роуз. Но петь на публике! Петь после трех месяцев молчания со дня убийства отца! Еще час назад это казалось ей невыносимым! Ведь при одном воспоминании о том ужасном дне Онести лишалась дара речи...

Они с отцом провели в Дуранго всего несколько дней, когда Дьюс неожиданно сделался завсегдатаем местного клуба «Майнерз делайт». Там каждый вечер устраивались танцульки, а главное — шла азартнейшая картежная игра.

Очень скоро Дьюс оказался на короткой ноге с владельцами этого заведения. И тут ему в голову пришла неожиданная идея. Он стал убеждать своих новых друзей, что доходы клуба возрастут в десятки раз, если его дочери позволят петь для посетителей. Те согласились. Естественно, никто из них не подозревал, что попался на удочку проходимца, который уже не раз пользовался талантом дочери в отнюдь не благовидных целях. Пока Онести зачаровывала слушателей ангельским голосом, Дьюс сидел за карточным столом и опустошал карманы расслабившихся партнеров, передергивая карты.

Однако довольно скоро его хитрость была разгадана. После одного из выступлений Онести нашла отца лежащим без сознания на карточном столе. Перенести в номер тяжелое тело Дьюса, где тот все-таки пришел в себя, Онести удалось с помощью Роберта Трита.

Сейчас она уже могла объективно оценить, что за человек был этот Трит. Но в тот момент была слишком ошарашена всем произошедшим, а потому просто не задумывалась об этом. Трит рисовался в ее воображении таким сказочным принцем, пришедшим на помощь. Но прошло всего несколько дней, и Онести убедилась, что принц-то оказался самым заурядным мерзавцем...

...Свернув с дороги в пустынный переулок и пробираясь через грязные задворки, Онести сумела все-таки на какое-то время выбросить из головы терзавшие душу воспоминания.

Снова выйдя на раскисшую после дождя дорогу, она остановилась у обочины, вытерла ладонью потное лицо и осмотрелась. И тут ее нагнали все те же мрачные картины недавнего прошлого...

...Тот вечер поначалу ничем не отличался от всех предыдущих. Онести стояла на сцене в весьма пикантном наряде, призванном привлечь максимальное внимание аудитории. В зале же собралось не меньше двухсот зрителей. В большинстве своем это были местные фермеры, ковбои и золотоискатели. Их головы тонули в облаках табачного дыма. Воздух наполняли пьяные голоса и свист, означавший высшую степень одобрения искусства певицы, а потому требовавший от Онести благодарных поклонов. Подобное внимание к своей персоне не доставляло ей особого удовольствия, но она успела к этому привыкнуть...

Во время исполнения очередной песни Онести заметила, что Роберт Трит подошел к столу, за которым сидел Дьюс. Несколько минут они о чем-то довольно мирно

разговаривали. Так по крайней мере казалось со стороны. Однако по желвакам, игравшим на скулах отца, Онести поняла, что впечатление было обманчивым.

— Чего он хочет от тебя? — спросила она у Дьюса, закончив песню и спустившись со сцены.

— Да ничего особенного, — с улыбкой ответил он. — Не беспокойся и не забивай себе голову ерундой. Возвращайся на сцену и продолжай программу. Смотри, как прекрасно тебя принимают!

То, что произошло во время ее дальнейшего выступления, Онести помнила очень смутно. Ей только показалось, что зал таверны как-то сжался, а каждый шаг по сцене вызывал у нее ощущение восхождения по ступеням эшафота... Что именно произошло за столом, Онести определить не могла. Однако Роберт был явно взволнован. Но поскольку он и Дьюс стали друзьями, Онести и подумать не могла о какой-то размолвке между ними. Скорее всего их раздражали невероятный шум и беспорядок, царившие в зале. Так или иначе, но девушка решила больше не думать обо всем этом, а довериться инстинктам, которые редко ее подводили...

Ситуация взорвалась во время исполнения последней песни. Осколки стекла и свечных канделябров разлетелись по всему залу. Кругом раздались крики, пронзительный женский визг, перекрывшие даже треск револьверных выстрелов. Дьюс, схватив Онести за руку, стал пробиваться сквозь охваченную паникой толпу, уклоняясь от свистевших пуль и осколков стекла.

Им удалось добраться до двери выскочить на улицу и пробежать несколько десятков метров по обсаженной развесистыми деревьями аллее. Здесь можно было отдышаться. Дьюс прижал дочь к груди и прошептал:

— Несмотря ни на что, помни, милая: я люблю тебя всем сердцем.

— О, папа! Что ты натворил? — в отчаянии воскликнула Онести.

— Сейчас я не могу ничего рассказать. Но очень скоро ты обо всем узнаешь. Как и все те, кто там, в таверне... Если нам суждено расстаться, то беги отсюда со всех ног! Той же дорогой, которой мы сюда пришли. Я тебя разыщу чуть позже. И никому не доверяйся! Поняла? Никому!

Онести хотела было потребовать от отца признания, что все-таки происходит, но тон Дьюса был столь категоричен, что она не сказала ни слова, а лишь утвердительно кивнула.

В этот момент в конце аллеи появился Роберт, преградив им путь к бегству.

— Ты рассчитывал сбежать, Магуайр, не уплатив проигрыша? — крикнул он. — Надеялся, что я забуду об этом?

Онести хорошо помнила, с каким удивлением посмотрела на отца. Очень немногие знали его настоящее имя, которое Дьюс скрывал в целях безопасности. Почему же он открылся Роберту?

— Я никуда не собирался ускользнуть. И сказал тебе об этом еще в зале. Просто у меня с собой не было столько денег. Я хотел пойти домой, чтобы добавить нужную сумму.

— Ты серьезно думал, что я поверю в эту сказку? В то, что ты и впрямь вернешься?

— Я же обещал тебе вернуться, разве не так?

— Твои обещания ничего не стоят, Магуайр! Если хочешь, чтобы я тебе поверил, отдай в залог Онести.

Это было сказано таким тоном, что по спине девушки поползли мурашки. Дьюс крепко сжал ее руку:

— Ты ее не получишь!

— Получу!

Роберт поднял руку, в которой блеснул ствол небольшого пистолета:

— Прикажи ей пойти со мной, если хочешь, чтобы все закончилось миром!

— Что все это значит, Роберт? — с дрожью выдавила из себя Онести.

— Спроси об этом своего отца!

— Отца?

— Именно! — прорычал Роберт. — Мы с ним заключили джентльменское соглашение, которое он сейчас пытается нарушить. А потому я требую от него залога, каковым будешь ты, Онести! Когда Дьюс полностью со мной расплатится, я тебя отпущу!

Быстрым движением Дьюс выхватил из кобуры свой пистолет:

— Ты получишь ее только через мой труп!

— Такой вариант тоже возможен, — сказал Роберт.

Все, что последовало вслед за этим, Онести помнила как в тумане. Треск выстрелов, свист пуль и безжизненное тело Роберта, оседающее на песчаную дорожку...

Дьюс еще крепче сжал руку дочери, и они оба бросились бежать по направлению к железнодорожной станции.

И успели как раз вовремя. Поезд уже тронулся, но Дьюс с дочерью вспрыгнули на площадку предпоследнего вагона. Только здесь она заметила кровь, сочившуюся через рубашку на животе отца, и сразу же поняла, насколько серьезной была рана.

— Папа, Боже мой! — вскрикнула она, прижимая к себе Дьюса.

— Онести, дорогая! — прошептал он задыхаясь. — Послушай меня внимательно. Я должен сказать тебе нечто очень важное!

— Молчи, папа! — со стоном прервала его Онести, пытаясь зажать кровавую рану ладонью. — Побереги силы. Мы должны срочно найти врача!

— Слушай меня, дорогая! — повторил слабеющим голосом Дьюс. — У нас осталось слишком мало времени. Я совершил чудовищную ошибку! И молю Всевышнего, чтобы он дал тебе силы простить своего грешного отца.

— Умоляю тебя, папа...

— Я обязательно должен сказать тебе это, дорогая! Правда заключается в...

— В чем? — переспросила Онести, не расслышавшая окончания фразы, произнесенной затухающим голосом.

— ...в плывущих камнях...

Это были последние слова Дьюса...

Онести вытерла ладонью полные слез глаза. Боже, как ей не хватало отца! Его хрипловатого, порой грубого голоса. Сильных рук и мягких огненных волос.

О, черт бы побрал Джесса, игравшего ту самую песню! Будь он трижды проклят за то, что приехал в Ласт-Хоуп!

С той трагической ночи Онести старалась держаться в тени. Она пробиралась на север, переезжала из города в город, с прииска на прииск, стараясь найти разгадку секрета, который Дьюс унес с собой в могилу. И с тех пор она не пела.

До этого утра...

Теперь Онести понимала, что согласилась снова выступать перед публикой именно потому, что Джесс воскресил дни, которые она старалась забыть...

Боже, ей надо было, проснувшись, не медлить ни минуты, а тотчас же уехать из этого

дома!

Но... Но она не нашла в себе силы расстаться с Роуз. И вот...

— Вы не должны путешествовать в одиночку!

Голос Джесса заставил Онести вздрогнуть. Она посмотрела на него. Он стоял у стены полуразвалившегося дома, скрестив на груди руки.

— Не понимаю, почему это должно вас тревожить? — спросила Онести холодным тоном. Странно, но она не была удивлена.

— Когда я вижу, что молодая красивая женщина намерена подвергнуть себя опасности, это не может меня не тревожить.

— Опасности? Это от кого же?

— От любого бандита, появившегося в городе!

— Пока что единственный бандит, которого я вижу перед собой, это вы!

— Серьезно? Странно! Не далее как сегодня утром вы называли меня самым потрясающим любовником из всех, кого когда-либо встречали.

Онести скорчила досадливую мину. Джесс манипулировал ее собственными словами. Ей надо было это предвидеть!

— А как еще вы могли бы назвать мужчину, пытающегося любым способом заполучить место в каких-то целях, которые мне, признаться, пока неизвестны?

— Право, к числу таких я не принадлежу!

— Тогда почему вы не отказались?

— Зачем же? Мне нужна работа. А Роуз ищет хорошего пианиста. Кроме того, я не заметил, чтобы и вы очень уж стремились отказаться от предложения Скарлет.

— Все не так просто... Роуз помогла мне в трудную минуту. Выступление перед пассажирами дилижанса — это самое малое, чем я могла бы ее отблагодарить.

— Независимо от того, хотите вы этого или нет?

От этих слов в глазах Онести неожиданно заблестели слезы. Джесс произнес их с таким участием... Как часто, будучи еще ребенком, она мечтала услышать подобную ласку от доброго и порядочного человека!

— Ваше участие ко мне очень трогательно, дорогой ковбой! — прошептала Онести. — Но совершенно неуместно! Я привыкла сама заботиться о себе. Советую и вам поступать точно так же!

Не желая и дальше проявлять перед мужчиной свои эмоции, Онести попыталась уйти. Но он удержал ее за руку. Девушка сердито посмотрела сначала на тонкие пальцы, охватившие ее запястье, а затем — в глаза Джесса, цвет которых одновременно напоминал морскую волну и свежую зелень весенней травы.

И он совершенно определенно ждал от нее еще какого-то ответа.

— Оставьте меня! — процедила Онести сквозь зубы.

— Не раньше чем вы скажете, почему дуетесь на меня. «Потому что вы здесь! Потому что очень красивы! Потому что меня против воли влечет к вам! А когда вы до меня дотрагиваетесь, я забываю обо всем на свете! Даже о самом для себя главном!»

Онести хотела все это высказать, но сдержалась, опасаясь, что Джесс может когда-нибудь вновь использовать ее слова против нее же. И вместо этого сказала:

— Потому что если бы вы не играли эту песню, я никогда не стала ее напевать!

— Послушайте, Онести! Мне, как и вам, не нравится ситуация, в которую мы попали. Но я дал слово Скарлет! А потому нам обоим следует лучше подготовиться к

выступлению.

— Пусть так. Но это отнюдь не означает, что я буду заниматься этим с удовольствием!

Чтобы Джесс не прочел правду в ее глазах, Онести быстро повернулась, вырвала руку и пошла к дому. На первой же ступеньке она обернулась:

— И вот что, мистер Джонс. Скорее всего мне придется терпеть ваше присутствие еще несколько дней. Но не ждите, что я вновь буду помогать вам мыться или исполнять еще какие-нибудь капризы, связанные с физической близостью. Если же вам нужна шлюха, то обратитесь к кому-нибудь другому!

Онести взбежала вверх по лестнице и исчезла в коридоре второго этажа. Джесс еще некоторое время смотрел ей вслед и никак не мог решить, рассмеяться ему или же, наоборот, разозлиться. Но раздражение возобладало. Никогда еще в своей жизни он не встречал столь непредсказуемой женщины!

Джесс пошарил в кармане куртки и нащупал сломанную сигарету, которую оставил про запас. Чиркнув спичкой, он закурил и в задумчивости прислонился к стене старого дома.

Какая же она на самом деле, эта Онести?..

После ночи, наполненной кошмарными сновидениями, капли дождя, мягко падавшие на горячую крышу, показались Онести успокоительными пилюлями. Она неподвижно лежала в своей постели и предавалась ностальгическим воспоминаниям. Перед ее мысленным взором возникали картины сельской природы. Свежая весенняя трава изумрудного цвета, сапфировые воды океана, расплавленное золото сверкавшего высоко в небе солнца...

Откуда это все? Ведь Онести никогда в жизни не встречала этой райской красоты. Но подобные видения просто-таки преследовали ее! Все ее детство прошло в непрерывных переездах из одного штата на западном побережье в другой. Дьюс тщетно пытался набрести на некую золотоносную жилу. Их скитания порой напоминали погоню за радугой... Но ни одно из мест, которое им приходилось проезжать, не шло ни в какое сравнение со сказочными ночными сновидениями Онести.

Она смотрела на красочные оконные портьеры и вслушивалась в утреннюю тишину, которая наполняла ее тело каким-то неведомым желанием. Онести казалось, что в ушах звучит прекрасная музыка. Неужели и она тоже пришла из тех волшебных сновидений?

Но нет! Онести уже проснулась и лежит с открытыми глазами. А музыка все продолжает звучать... Только теперь девушка поняла, что завораживающие звуки вполне реальны и доносятся с первого этажа. Боже, да это же Джесс! Он снова сел за пианино и играет!

Онести приподнялась на постели, спустила ноги, зевнула и протерла глаза. Ее мысли снова обратились к новому знакомому.

Мужчина, умеющий держать данное слово... В другой ситуации она посчитала бы это просто замечательным. Но сейчас Онести чувствовала, что подобная черта характера Джесса ставит ее в ужасное положение. Обволакивает, как паутина... Он дал Роуз слово и обязан его сдерживать. Пусть так. Но она-то здесь при чем?!

Боже, как же ей хотелось уклониться от репетиций! Тем более что она уже много месяцев не занималась вокалом. А выступать в ближайшую субботу на публике, видимо, все-таки придется. Значит, надо хорошо подготовиться.

Спустя несколько минут Онести, одетая в старое, но аккуратное платье из набивного ситца, с собранными на затылке волосами, пришитыми одной заколкой, спустилась в игорный зал. Она была полна решимости сохранять спокойствие, что бы Джесс ни сказал или ни сделал.

Однако, как только она увидела Джесса, ее решимость стала быстро испаряться. Остановившись на нижней ступеньке лестницы, она даже схватилась за перила, дабы не упасть.

Белокурые волосы Джесса были зачесаны назад и перехвачены сверху, кожаной ленточкой. Их густой шлейф струился вниз по спине, вздрагивая при каждом движении головы пианиста.

Онести стояла и зачарованно смотрела на Джесса. Вся неприязнь и раздражение, наполнявшие ее накануне и даже всего несколько минут назад, разом улетучились...

Едва отзвучала последняя нота, как дверь кухни отворилась и на пороге появилась Роуз.
— Прекрасно! — лучезарно улыбнулась она. — Я очень рада, что застала вас здесь вместе!

Лицо Онести тотчас же сделалось холодным. Джесс с удивлением взглянул на хозяйку.

— Я не помешала? — спросила Скарлет.

Джесс отрицательно завертел головой, а Онести машинально провела ладонью по своим приглаженным волосам.

— У меня есть нечто полезное для вас обоих.

— Что именно? — спросила девушка, наблюдая, как Скарлет передает Джессу какие-то книги.

— Сборники песен.

— Откуда они у вас? — спросил он, с любопытством перелистывая одну из брошюр.

— От одного старого поклонника. Он развлекал меня по вечерам серенадами. Любовником он был отвратительным, но голос имел очень хороший... В общем, я нашла их в одном из сундуков и подумала, что вас они могут заинтересовать.

Скарлет надела перчатки и обернула шею теплой шалью.

— Кончатся продукты. Я схожу в лавку к Саре. Может быть, ей привезли свежую партию. А вы, если проголодаетесь, можете подкрепиться пирожками. Они на плите.

— Спасибо, Скарлет! — поблагодарил хозяйку Джесс.

— Я, кажется, уже просила вас называть меня так, как все мои друзья, — Роуз, не так ли?

Она похлопала Джесса по плечу и улыбнулась:

— Я скоро вернусь.

Дверь за хозяйкой закрылась. Онести и Джесс молчали. Оба чувствовали себя неуютно...

Обычно Онести не думала о том, как приспособиться к той или иной ситуации, и просто старалась поскорее нащупать для себя выгодную роль. Но Джесс обладал способностью видеть ее насквозь, приводить в замешательство и смущение, лишать уверенности в себе и вообще выбивать из колеи.

— Песня, которую вы играли, очень хорошая, — сказала наконец Онести, чтобы как-то разрядить атмосферу.

— А мне показалось, что вы совсем не слушали.

— Кто ее написал?

— Я. Но это было очень давно.

Онести подумала, что если Джесс действительно написал эту песню, то она никак не могла слышать ее раньше. Но тогда почему мелодия кажется ей такой знакомой?

— Как она называется?

— Я назвал ее «Никогда не лги мне!».

Щеки Онести зарделись. Она вдруг подумала, знает ли Джесс, сколько лжи он уже услышал от нее за столь короткое знакомство.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что ж, у вас действительно удивительный талант. А где вы учились?

— Я совсем не учился. Просто однажды сел за рояль и стал играть.

По тому, как он резко снова повернулся к роялю, Онести поняла, что ненароком задела его больное место.

— Если вы готовы, — сухо сказал он, — то мы можем начать. Вам не слишком высоко?

— Нет, — пожала плечами Онести. — Очень удобно.

— Все же лучше как следует распеться.

Пальцы Джесса побежали по клавишам. Онести закрыла глаза, стараясь сосредоточиться на выпевании поднимавшихся все выше нот и забыть про сидевшего рядом пианиста.

Почувствовав, что вполне распелась даже в самом верхнем регистре, она вопросительно посмотрела на Джесса. Тот взял сборник песен, открыл его и, пролистав несколько страниц, передал ей. После чего снова повернулся к инструменту и взял первые аккорды. Чудесные звуки музыки, которую Онести никогда раньше не слышала, заполнили игорный зал. Какая-то неведомая сила тянула ее к Джессу, заставляла заглянуть через его плечо в стоявшие на пюпитре страницы, испещренные круглыми черными знаками. Онести смотрела на них, тщетно пытаясь понять их значение. Джесс повернулся.

— Вы не умеете читать ноты? — спросил он.

— Нет. Я пою по слуху.

— Вообще-то читать ноты достаточно просто. Каждая из них имеет свое обозначение и высоту на нотных линейках, соответствующие ее звучанию.

— А вы можете просто сидеть, смотреть в ноты и все слышать?

— Могу. Но это не совсем моя заслуга. Как только отец понял, что я могу играть на рояле, он нанял сразу нескольких учителей, которые и обучили меня всему, что касается классической музыки.

— Классической? Но здесь вы играете отнюдь не классику!

— Что ж, по мере необходимости приходится играть все. Кстати, это довольно легко. Хотите попробовать?

Онести села рядом, и он принялся объяснять ей премудрости фортепианной игры. Пока он рассказывал о целых и половинных нотах, она пыталась понять, что к чему. Но сочетать эту теорию с практическим пением оказалось невозможным. Голос золотым потоком сам выливался из души. И Онести стало не до черных знаков на разлинованной бумаге...

Джесс снова и снова смотрел на свою ученицу. Иногда на его лице появлялась добрая улыбка. Она же смотрела на его ресницы, светлые мягкие волосы, правильно очерченный подбородок. На полуоткрытые, непреодолимо зовущие к себе губы. Смотрела и чувствовала, как истома разливается по всему ее телу...

А тонкие длинные пальцы Джесса снова забегали по клавишам, извлекая из старого инструмента волшебные звуки. Онести невольно стало казаться, что нежные руки мужчины касаются ее кожи, которая от этих прикосновений начинает петь. Что же он за человек? И почему порой напоминает бандита, вызывая в ней ярость?

Так думала Онести, машинально выпевая мелодию очередной песни и не сводя глаз с роскошных светлых волос Джесса.

Неожиданно он обернулся и с усмешкой сказал:

— Вы так на меня смотрите, будто бы намерены повторить нашу прошлую ночь.

Онести посмотрела в его глаза и прочла в них восхищение. Яркий румянец вновь выступил на ее щеках.

— Вы должны сначала заслужить это право, — шутливо ответила девушка, хотя в душе понимала, что отделаться шуткой вряд ли сможет.

Губы Джесса скривились в усмешке. Откровенно говоря, он не знал, чего ожидать от нее уже в следующую минуту. Онести же просто встала со стула и, совсем по-доброму улыбнувшись, начала петь. Джесс почувствовал, что кровь в его жилах забурлила, но пока отнес это на счет резкого повышения температуры в игорном зале, виной чему были

проникавшие через окна лучи летнего солнца.

Соблазнительно покачивая бедрами и насмешливо смотря через плечо, Онести пела старую шутливую песенку под названием «Сок запретного плода». А Джесс проклинал себя за упорное желание подробнее вспомнить финал их прошлой ночи.

Наконец, не выдержав, он захлопнул песенник и встал.

— Хватит занятий!

— Но я только начала получать удовольствие!

Да. Он не сомневался, что репетиция и впрямь нравилась этой дерзкой девчонке. Кроме того, по ехидному выражению ее лица было совершенно ясно: она отлично понимала, что делает...

Не в силах совладать с собой, Джесс выскочил на крыльцо. В этот момент он был похож на вора, застигнутого на месте преступления и преследуемого презлющими собаками.

Остановившись на нижней ступеньке крыльца, он глубоко вдохнул свежий, пьянящий воздух и полез в карман за сигаретой. Джесс не мог понять, как Онести удалось довести его до такого состояния. Может быть, виной всему была ее одежда? Впрочем, на ней ведь не было вчерашнего вызывающего платья! Скромное старенькое платье выглядело вполне приличным и не могло возбуждать желания. И все же Онести сумела воспламенить его!

Не обнаружив в кармане ни одной сигареты, Джесс позвенел оставшимися монетами и принялся рассматривать тонувший в утренней дымке городок. Ночью прошел дождь. В воздухе приятно пахло землей и молодой травой. С зеленых ветвей деревьев, сквозь которые просматривались унылые стены домов, доносился веселый птичий гомон.

В доме напротив, на первом этаже которого расположился небольшой магазинчик, приоткрылась дверь, и на крыльцо вышла женщина. На вид ей можно было дать лет восемьдесят. Заметив стоявшего через дорогу Джесса, она ладонью прикрыла от солнца глаза и принялась внимательно его рассматривать. Он же, в надежде на то, что в лавке можно купить сигареты, лениво потащился через дорогу. Женщина, не спуская с него глаз, сделала шаг навстречу.

— Такой представительный молодой человек и останавливается у Роуз! — насмешливо сказала она.

— Всего на некоторое время.

— Впрочем, она всегда умела приворожить к себе хороших клиентов. Меня зовут Сара Уэнтворт. Я хозяйка вот этого заведения.

— А я Джесс Джонс, — в свою очередь представился он, вглядываясь через голову женщины в грязное стекло обшарпанной витрины. — Скажите, миссис Уэнтворт, а у вас, часом, нет чего-нибудь курительного?

— Вам повезло, мистер Джонс. У меня осталось несколько пачек «Джорджиа фajn».

Она открыла дверь лавки и жестом пригласила его войти.

Полки магазинчика были полупустыми. Консервы, какие-то крупы, два-три вида тканей — и все...

— Вы давно здесь, миссис Уэнтворт? — спросил Джесс.

— Приехала одной из первых. А уеду скорее всего последней. Ага! Я так и знала, что еще остался табак!

Она протянула руку и, зацепив с полки пригоршню коричневого табака, закатала его в тонкий рулончик белой бумаги.

— Я слышала, что вы в эту субботу будете играть для пассажиров дилижанса?

— У новостей длинные ноги!

— На этом пяточке в них нет необходимости, — рассмеялась Сара. — Только что у меня была Роуз и хвалилась, что ей удалось заполучить интересного постояльца, который к тому же ищет работу. Должна признаться, меня удивило, что вы остановились у нее. Большинство приезжих обычно предпочитают «Черную подвязку».

— «Черную подвязку»? — нахмурился Джесс.

— Небольшая гостиница на Паверти-Галш. Это в нескольких милях к востоку отсюда. Она стоит у главной дороги, а потому никогда не терпит убытков. Кстати, ее хозяину Эли Джонсону постоянно требуются помощники. Роуз сама работала у него, пока не построила свой «Скарлет Роуз». Эли питал к ней нежные чувства, но безответно. Так по крайней мере говорит сама Роуз. Впрочем, я ее не осуждаю, если дело обстояло действительно подобным образом.

У этого господина характер пороховой бочки. Стоит поднести спичку, и... б-ба-бах! Когда Роуз сбежала от него, Эли грозил, что заставит ее пожалеть об этом. И действительно: сначала он переманил ее девчонок-служанок, а теперь старается прибрать к рукам весь ее бизнес. У меня сердце кровью обливается, когда вижу, как Роуз обеими руками отбивается от этого хищника!

Теперь Джессу стало ясно, почему Скарлет так старается привлечь внимание к своему заведению и сделать его прибыльным. Но все же, когда он признался, что ищет работу, она должна была бы сказать о «Черной подвязке»! А о чем она еще промолчала? Об этом можно было только догадываться! Что ж, теперь у него уже не было причин сомневаться в ее словах о том, что никакого Магуайра она никогда не видела. Вполне возможно, что тот, подобно остальным, предпочел остановиться на Паверти-Галш...

— Вы не знаете, не нанимал ли Эли Джонсон когда-либо одного очень рослого, весьма представительного шотландца? — спросил Джесс у Сары.

— Вполне возможно, — утвердительно кивнула она. — После открытия лидвилльских месторождений иностранцы буквально заполонили окрестности. Конечно, большинство из них в конце концов разорились и уехали. Но, может быть, имеет смысл проверить.

— Благодарю вас за совет, Сара!

— Но только не говорите никому, что это я вас туда послала. Иначе Роуз поджарит меня на медленном огне.

— Я буду нем!

Джесс подумал, что скорее всего и эта слабая надежда рассеется подобно многим предыдущим. Но все же какая-то зацепка появилась. Что ж, это уже лучше, чем ничего!

Остаток дня прошел в спешных приготовлениях и уборке. В буфете не осталось ни одного грязного стакана, а подоконники, столы и стойка бара были вычищены до блеска. Добела отстиранные полотенца и простыни сушились на протянутых через двор бельевых веревках.

Онести не хотелось думать, будто бы она использует свою работу по дому только для того, чтобы избежать встреч с Джессом. Но после их совместной репетиции она с каждым часом испытывала к нему возрастающую неприязнь, причин которой не могла понять. Онести предпочла бы обвинить во всем самого Джесса, пробудившего в ней эмоции и чувства, которые она считала оставшимися в далеком прошлом. Но на самом деле виной ее раздражения был страх. Онести боялась Джесса! Боялась потому, что никак не могла понять, какой он на самом деле. Ее представления об этом человеке менялись с невероятной

быстротой. Кто же он, наконец? Бездомный бродяга, страстный любовник или талантливый пианист?

После упорной, но безуспешной борьбы с ветром, сдувающим с веревок сушившееся белье, Онести сняла его и сложила в большую корзину. Все это время она продолжала неотступно думать о Джессе. Как и большинство мужчин, с которыми ее сталкивала жизнь, он всегда отлично знал, чего хочет. В отличие же от многих он был в достаточной степени человеком чести и не лишен благородства. Последнее подтверждалось его бескорыстной помощью Скарлет Роуз. И это еще больше притягивало к нему Онести.

Внутренне издеваясь над собой за то, что все-таки обнаружила в этом негоднике нечто хорошее, Онести взяла корзину и направилась к дому. Открыв дверь черного хода, она задержалась на пороге и, оглянувшись, еще раз обвела взглядом двор.

У сарая, который Роуз именovala конюшней, была привязана лошадь Джесса. Нога у нее была перетянута красной тряпкой. Значит, Джесс не лгал, что рана еще не полностью зажила. Онести невольно обрадовалась, ибо это в какой-то степени развеяло ее мрачные подозрения.

Однако самого хозяина раненой лошади нигде не было видно. Солнце, окрашивая все в ярко-оранжевый цвет, висело низко над горизонтом. Онести вздохнула, чуть прищурившись, посмотрела на заходящее светило, вошла в дом и со вздохом поставила корзину на кухонный стол.

— Роуз, где вы?

— Я здесь! — донесся из игорного зала голос Скарлет. Онести приподняла портьеру, служившую дверью, и увидела Роуз, стоящую у сцены с блокнотом и карандашом в руке.

— Вы не знаете, где Джесс? — спросила она с замиранием сердца.

— Не знаю, — буркнула в ответ Роуз. — Я его не видела с самого утра.

У Онести отлегло от сердца.

— А вы что делаете?

— Составляю план на субботу.

— Зачем?

— Сама не знаю. Просто привыкла все записывать в блокнот, чтобы ничего не упустить.

Онести еще никогда не видела свою хозяйку столь оживленной. С интересом продолжая смотреть на Скарлет, она пододвинула к сцене стул.

— А я никогда ничего не планирую заранее. Предпочитаю экспромты.

— Экспромты порой кончаются не совсем удачно, — хмыкнула Роуз.

— Как будто я этого не знаю! — обиделась Онести. Однако тут же подумала, что почти всякий раз, когда она загодя что-то замышляла, ее планы непременно рушились. В то же время спонтанные решения в большинстве своем, как казалось Онести, чаще всего приводили к успехам.

На мгновение она замерла от неожиданной мысли: а не в этом ли заключалась проблема? До смерти Дьюса она жила мгновением, хватаясь за любую возникавшую возможность, не особенно задумываясь о будущем и до самого конца продолжая верить в успех.

Может быть, так же следует вести себя и теперь? Не строить какие-то планы, а просто воспользоваться любым подходящим случаем и уже потом думать, что из этого выйдет? Бог свидетель, что раньше она была отнюдь не хуже, чем стала сейчас!

В этот момент дверь отворилась, и двое неизвестных втолкнули в зал Джесса. Оба были

примерно вдвое старше его и наполовину ниже ростом. От неожиданности Онести раскрыла рот.

— Мы поймали негодяя, шарившего по нашим земельным участкам! — крикнул первый из ворвавшихся, выпустив изо рта темную струю слюны с прожеванным табаком.

Онести с первого взгляда поняла, что перед ней Джейк. Вторым же, несомненно, был его брат Джо. В свое время братья поразили ее своим удивительным внешним сходством. Единственным отличием было то, что Джейк жевал табак, а Джо к этому не пристрастился.

Джо схватил Джесса за руку и бросил на пол. Тот посмотрел на тонкие, костлявые запястья братьев и подумал, что без особого труда мог бы вышвырнуть обоих в окно. Однако постарался сохранить спокойствие и не пытался сопротивляться.

— Скарлет, я хотел бы объяснить вам... — начал Джесс, но Роуз тут же прервала его:

— Если хотите объяснять, то делайте это поскорее! Джо и Джейк не очень жалуют воров.

Краем глаза Джесс посмотрел на Онести, которая не без интереса наблюдала эту сцену. Ему показалось, что происходящее ее очень даже забавляет.

Ничего себе! Очень забавно!

Он перевел взгляд на хозяйку.

— Я и не думал покушаться на земли этих господ! — взмолился Джесс.

Черт побери, он действительно даже не подозревал, что нарушил чьи-то границы! Тем более что заборов там не было и в помине! А эти двое неожиданно выпрыгнули откуда-то и набросились на него...

Джесс не мог признаться Скарлет, что все утро провел в «Черной подвязке». Он ведь хорошо знал об отношениях Роуз с Эли Джонсоном, который, по словам Сары Уэнтворт, был человеком крайне несдержанным, раздражительным и хвастливым.

— Джесс, вы можете быть откровенным с ней, — неожиданно заявила Онести. — Тем более что Роуз и так все узнает.

— Рассказать ей?!

Но что? И откуда Онести знает, что он делал? Девушка утвердительно кивнула:

— Я знаю, что вы хотели преподнести ей сюрприз. Но поскольку тайное уже стало явным...

«Черт побери, чего она хочет?» Джесс смотрел на Онести сужившимися от злости глазами и не мог ничего понять.

— Он не хотел сделать ничего дурного, Роуз, — спокойно продолжила Онести. — Он пытался выяснить, по какой дороге лучше перевезти в субботу из «Черной подвязки» передвижной помост. Там есть таковой. А одновременно Джесс хотел полюбоваться прекрасными видами, которые открываются с холмов.

Роуз посмотрела сначала на Джо, потом — на Джейка, затем перевела взгляд на Джесса.

— Это правда? — спросила она.

— Онести уже сказала, что я хотел преподнести вам сюрприз.

— Так это же замечательно! Нам действительно надо было давно подумать, как доставить сюда помост для концерта!

Она подошла к Джессу, взяла его ладонями за виски и поцеловала в губы.

— Вы просто удивительный человек! Потом наклонилась и прошептала ему на ухо:

— Мне начинает казаться, что мы приобрели не только отличного пианиста!

Онести все же услышала ее слова и тут же вставила:

— Да, видимо, это и впрямь так!

В ее голосе явственно прозвучала насмешка, отдавшаяся в голове Джесса убийственным эхом.

— Дядя Джо и дядя Джейк! — торжественно провозгласила Роуз. — Я очень рада вашему приходу. Спешу сообщить, что в субботу у нас состоится большой вечер, в организации которого вы оба, надеюсь, примете участие.

Она взяла братьев под руки, и все трое скрылись за портьерой бара. Джесс облегченно вздохнул. Гроза вроде бы миновала. Но если бы не вмешательство Онести, то неизвестно, чем бы все кончилось...

Джесс посмотрел на девушку, и его глаза неожиданно превратились в две узенькие щелочки.

— Черт побери, зачем вы устроили эту комедию?

— Какую?

— Да рассказали идиотскую сказку!

— Это было первое, что пришло мне в голову. Извините, пожалуйста, но вас однажды уже подстрелили. И мне не хотелось, чтобы это повторилось. Или вам мало одной пули?

Онести поставила на стол лампу, подложив под нее красную вязаную салфетку.

— Лучше скажите, стоит ли обложить подставку каждой лампы высушенными цветами? Или это будет выглядеть очень уж провинциально?

— Цветы могут загореться, — досадливо буркнул Джесс.

Он скрестил на груди руки и всем своим видом старался показать, что понимает эту нехитрую игру. Джесс успел заметить, что девушка всегда старается сменить тему разговора, если не желает сказать правду.

— Чего вы хотите, Онести? — спросил он.

— Я? Почему вы думаете, что я непременно чего-то хочу? — Она продолжала расставлять по столам лампы, избегая смотреть в глаза Джесса. — Вы думаете, что девушка не может ничего делать без задней мысли?

— Кто угодно, но только не вы. Я пробыл здесь всего пару дней, но уже понял, что Роуз отлично вас вымуштровала. Вы не делаете ничего, хорошего или плохого, просто так, не получив за это что-либо взамен.

Онести повернулась к Джессу и бросила на него негодующий взгляд:

— Вы не имеете никакого права меня оскорблять!

— Можете думать все, что вам угодно. Но лучше скажите, зачем вам понадобилось меня спасать?

— Может быть, я боялась, что Роуз потребует, чтобы вы собрали свои пожитки и убрались отсюда? Она очень ревностно относится не только к своим вещам, но и к собственности ближайших родственников.

— А мне кажется, что вы просто хотели в последний раз меня увидеть.

— Неужели?!

— Конечно! Ведь вы достаточно ясно высказались, какое место я занимаю в списке ваших привязанностей.

Джесс улыбнулся и подошел к Онести вплотную:

— Итак, почему вы не желаете сказать мне, чего на самом деле хотите?

Онести крайне раздражала способность Джесса видеть ее, что называется, насквозь. Ее ранило, когда этот прозорливый человек угадывал то, что она всеми силами старалась скрыть.

«Итак, почему вы не желаете сказать мне, чего на самом деле хотите?»

Могла ли она осмелиться сделать это?

Интуиция подсказывала Онести, что следует забыть этот глупый импульсивный порыв. Это было бы очень рискованно. Доверять Джессу нельзя! Слишком многое поставлено на карту!

Отчаяние же твердило совсем обратное. Независимо от того, нравится ей это или нет, но Джесс был самым подходящим кандидатом на предлагаемое Скарлет место. Он легко приспособивался к любым ситуациям, мог сыграть любую роль и в целом казался совершенно безвредным и безопасным человеком. Ни разу с той памятной ночи он больше не потребовал от Онести близости. Не настаивал, чтобы она дала ему больше, чем хотела. Правда, Джесс хвастался, что в случае какой-нибудь опасности непременно защитит ее. Это одновременно раздражало и... успокаивало девушку.

Пока Онести ходила по комнате, пробегаясь пальцами по столам, стойке бара и подоконникам, Джесс не отрываясь следил за ней. Девушка чувствовала этот пристальный взгляд. Он наполнял все ее тело приятным теплом и вызывал стыдливый румянец на щеках. Онести очень хотелось рассмеяться, ибо она никогда не замечала в себе особой стыдливости. Отец не раз говорил, что его дочь родилась под знаком бесстыдной Луны!..

Онести через плечо посмотрела на Джесса. Он все еще стоял у двери, внимательно следил за ней и о чем-то думал. О чем? Может быть, разглядел в ней робкую маленькую девочку? Или же, наоборот, видел в ней женщину — лживую, бесстыдную потаскушку, способную использовать в своих интересах кого и что угодно?

Она медленно повернулась и внимательно посмотрела в лицо Джессу, пытаясь разгадать его мысли. Грязь на левой скуле, растрепанные и спутавшиеся волосы, облепленные глиной ботинки, порванная в нескольких местах одежда — все это говорило о том, что его утренняя прогулка, целей которой Онести пока не знала, была не совсем легкой.

Нет, все же она имела смутное представление о том, где Джесс был и что делал. Он был достаточно мужественным человеком, и если ему не удалось найти в «Скарлет Роуз» то, чего искали здесь многие другие, оставалось попытаться счастья где-нибудь еще. Разве она ему этого не говорила?

Но в глазах Джесса она не увидела ничего, кроме твердого желания услышать ответ на заданный вопрос.

— Хорошо, я хочу вас! — выпалила Онести, почувствовав, что уже в следующее мгновение от ее смелости не останется и следа.

Глаза мужчины расширились, брови полезли вверх.

— Ради Бога, не прикидывайтесь удивленным! — почти с отчаянием выкрикнула Онести. — Вы сильный, здоровый мужчина, которого никак нельзя назвать невыносимым. Мы с вами могли бы стать прекрасными партнерами!

Джесс слегка наклонил голову, некоторое время смотрел на Онести, после чего сумрачно сказал:

— Но есть одна деталь.

— Деталь? Какая?

— Вы же меня ненавидите!

Теперь уже она с изумлением посмотрела на него:

— У меня нет к вам никакой ненависти! Просто я нахожу вас немного самонадеянным и привыкшим командовать. Иногда это меня раздражает. Но ведь это отнюдь не означает ненавидеть! Откровенно говоря, я даже нахожу вас вполне... привлекательным.

Онести завершила свой комплимент очаровательной улыбкой.

Некоторое время Джесс переминался с ноги на ногу. Потом сделал попытку причесать вконец растрепавшиеся волосы.

— Знаете, Онести... — неуверенно начал он, — я, конечно, польщен... но... — Он как-то неловко засмеялся, но тут же вновь посерьезнел и завертел головой. — Боюсь, это может оказаться мне не по карману. Услуги Скарлет слишком дороги, чтобы я мог надолго здесь задерживаться.

— Я могла бы оплатить ваши расходы...

— Неужели? Извините меня за это смущение, но вчера вы, казалось, не могли дышать со мной одним воздухом. А сегодня вдруг заявляете, что хотите меня, и предлагаете партнерство. При этом даже согласны мне платить... Чем объясняется такая перемена?

Онести поняла, что выглядит очень даже странно. Она глубоко вздохнула и вдруг призналась:

— Потому что вы моя последняя надежда.

— А! Понятно, — утвердительно закачал головой Джесс, хотя было совершенно очевидно, что ему далеко не все ясно. — Я и раньше выслушивал гнусные предложения подобного рода, но это побивает все рекорды! Почему вы так уверены, что я захочу лечь с вами в постель?

Онести раскрыла рот:

— Что?! Да идите вы знаете куда?! Какая постель?! Я хотела предложить вам партнерство в опасном и трудном предприятии, участие в котором начисто исключает саму возможность близких отношений!

Эти слова она произнесла через силу. Воспоминания о проведенной с ним ночи были все еще очень свежи. Джесс побледнел. Потом сразу же покраснел.

— Мне этого не нужно! — прошептал он и повернулся, чтобы уйти.

— Подождите! — воскликнула Онести, схватив его за руку. — Вы можете меня выслушать до конца?

Джесс скрестил на груди руки, давая понять, что готов слушать ее.

— Я прошу вас помочь мне в кое-каких поисках, — призналась она.

— В каких?

— Сначала вы должны дать согласие и поклясться мне в преданности.

— Нет, дорогая моя! Я никогда ничего не делаю очертя голову. Тем более не зная, с какой целью.

Онести почувствовала, что попала в капкан. Почему она была уверена, что Джесс непременно примет ее предложение? И что ему теперь сказать? «Джесс, ты мне нужен в качестве телохранителя, пока я буду ездить по всей стране в поисках... бог знает чего и где»?

Нет, она должна сказать ему что-то вполне конкретное. Нечто такое, что непременно

затронет его мужскую гордость.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне найти мою семью!

Онести и сама не знала, в каком тайнике своей души нашла эти слова. Но они были произнесены, и она поняла, что не могла сказать ничего лучше. Однако убедить Джесса оказалось не так-то легко.

— Но я думал, что все члены вашей семьи уже давно умерли, — сказал он удивленным тоном. Его глаза сузились. В них появилось откровенное подозрение.

Онести дугой выгнула брови:

— Кто вам это сказал?

— Роуз как-то раз упомянула в разговоре.

Девушка нервно облизнула губы и отвела взгляд.

— Оба моих родителя действительно умерли. Мать скончалась, когда я была такой маленькой, что ничего не помню. Отца же убили несколько месяцев назад. Но у меня есть брат. Да, вот так-то! Он бродячий актер. Он до сих пор не знает о смерти отца. Теперь вы понимаете, как важно для меня найти его?

Джесс задумался.

— Как зовут вашего брата?

— Джордж. Джордж Мэллори.

Так в Техасе называл себя Дьюс. Он считал, что подобные имя и фамилия более привычны для тамошних жителей.

— Джордж Мэллори... — Джесс нахмурился. — Где-то я уже слышал эту фамилию...

Онести поспешила пояснить:

— Имя и фамилия моего брата очень распространены. Вы могли услышать их где угодно.

Казалось, что Джесс не слышит слов девушки.

— Вы имеете представление, где сейчас может находиться ваш брат? — спросил он.

— Гм-м... Очень туманное... Но мне кажется, что он уехал в Калифорнию.

— Кажется... И вы хотите, чтобы я убил бог знает сколько времени на то, что вам только кажется?

Вопрос прозвучал не очень обнадеживающе. Но у Онести не было другого выхода, и она ответила с улыбкой:

— Обещаю щедро вас отблагодарить.

— Неужели? — сказал Джесс, медленно растягивая слова. — Это каким же образом?

Неплохой вопрос! Обычно мужчин привлекают лишь две вещи. Одна из них — деньги. Но Онести не была уверена, что на Джесса произведут впечатление те двенадцать долларов, которые лежали в ее сумочке. Что же касается второго, то она отнюдь не желала прибегнуть к подобному средству, то есть, попросту говоря, торговать своим телом. Оставался подаренный отцом рубин в золотой оправе. Но расстаться с ним...

И все же Онести подняла руку и вытянула из-под блузки за обвивавшую шею цепочку драгоценный подарок. Слезы застилали ее глаза. В день смерти отца Онести дала себе клятву только через собственный труп отдать кому-либо эту драгоценность. Но теперь, когда речь шла о том, чтобы сохранить золотую безделушку или открыть наконец тайну завещанных Дьюсом слов, Онести почувствовала, что у нее оставался лишь один выбор...

Помедлив несколько мгновений, она расстегнула замочек на цепочке, сняла с шеи украшение и бросила его на стол.

Джесс несколько секунд, показавшихся Онести вечностью, искоса смотрел то на вещь, то на ее обладательницу.

— Что это?

— Ваша награда. Она никогда не потеряет свою ценность.

В воздухе повисла тишина. Онести ждала решения. Глаза Джесса сделались беспокойными, мгновенно сменив цвет с зеленого на голубой. Девушку охватило тревожное чувство.

Постепенно взгляд Джесса стал снова спокойным и непроницаемым. Онести была уверена, что достигла своей цели. Но он одной фразой перечеркнул ее надежды:

— Я не думаю, что смогу помочь вам, Онести. Попробуйте найти кого-нибудь другого.

— Вы отказываетесь? Это так надо понимать?!

— Неужели раньше вы ни от кого не получали отказа?

— Получала. Но столь категоричного — никогда!

— Видите ли, несмотря на то что я с пониманием отношусь к вашему стремлению разыскать брата, вы напрасно тратите время. У меня уже есть работа.

— Но уверена, что не здесь!

— Нет. Но я чувствую себя связанным словом также и с Роуз. Хотя на следующее же утро после выступления навсегда распрощаюсь с этим городком.

— Но и я хочу уехать отсю...

— Одна! — оборвал Джесс ее фразу.

И прежде чем Онести успела сделать попытку снова его удержать, Джесс повернулся и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Она сжала кулаки и с ненавистью смотрела ему вслед. Почему все, что касается этого человека, связано с трудностями и проблемами?

Борясь с желанием броситься вслед и умолять его передумать, Онести заставила себя опуститься в кресло, постараться смирить дыхание, сделавшееся частым, почти лихорадочным. Теперь ей предстояло по меньшей мере весь остаток недели мучиться от осознания факта, что этот гнусный человек вновь одержал над ней победу...

Неожиданно губы Онести скривились в ехидной усмешке. У нее есть еще целых три дня! А она, Онести Магуайр, рожденная, как об этом с гордостью говорил ее отец, с творческой душой драматической актрисы, упрямством и упорством, уже успела понять нехитрую истину: всегда существуют способы подчинить себе мужчину. Даже такого непокорного, как Джесс Джонс...

В течение следующих трех дней Джесс старался решить, выкинуть Онести из головы или же затащить к себе в комнату и показать, насколько опасно перегибать палку в отношениях с женщиной. Она же заботилась о Джессе, как о принце королевской крови. Готовила и подавала ему завтрак, организовывала ванну, следила, чтобы его белье было добела выстиранным, высушенным и выглаженным. Она также поддразнивала Джесса во время репетиций и громко смеялась над его не всегда умными шутками.

И хотя он отлично понимал, что Онести преследует свои собственные цели, такое обхождение со стороны красивой девушки было очень приятно. Джесс даже не мог вспомнить, испытывал ли когда-нибудь подобное удовольствие от женского общества.

Поэтому, несмотря на предостережения внутреннего голоса, в нем непреодолимо росло желание взять Онести под свою опеку. В конце концов, думал Джесс, одинокой молодой женщине будет трудно и небезопасно мотаться по стране. И только Бог может знать, какие беды подстерегают ее на этом пути!

Но ведь у него и без этого полно забот...

Джесс стал подумывать о том, чтобы отговорить Онести от безумного замысла. Но в то же время ему очень хотелось посмотреть, насколько далеко она может зайти в своих намерениях.

Тем временем планы Скарлет Роуз к субботе стали реальностью. Благодаря усилиям Онести игорный зал блестел чистотой от пола до потолка. Кроме того, Роуз уговорила Джесса срубить около дома несколько деревьев, чтобы расчистить дорожку к парадному крыльцу. С помощью Сары Уэнтворт она нарисовала огромными буквами на широченном фанерном щите рекламное объявление, которое Джо и Джейк водрузили на вершину крутого холма, возвышавшегося за домом Роуз:

Самая сладостная певчая птичка на Западе!

Выступит в субботу, 12 июня!

На сцене салона «Скарлет Роуз»!

Теперь, если все пойдет хорошо, не только пассажиры дилижанса, но и все проезжающие по главной дороге смогут увидеть этот призыв и присоединиться к толпе слушателей.

...В субботу Джо и Джейк пришли пораньше, чтобы расставить по полкам бара бутылки ликеров, вин и пива. Они демонстративно не замечали Джесса, а он старался вести себя точно так же.

Закончив помогать Роуз, Джесс незаметно выскользнул через кухонную дверь во двор, чтобы проверить самочувствие жеребца. Джемини важно прогуливался в небольшом манеже, поручни которого были смонтированы из железнодорожных рельсов. Из конюшни на него с грустной завистью смотрел несчастный мул.

Увидев хозяина, Джемини подошел к ограждению и, положив голову на поручни, стал терпеливо дожидаться полагающейся ему ежедневной порции овсяных хлопьев.

— Тебе очень хочется разрушить эту ограду, не правда ли? — улыбнулся Джесс.

Джемини несколько раз ударил копытом о землю и потрянул головой.

Джесс погладил коня по лбу, расчесал пятерней его спадавшую на глаза челку и вздохнул:

— Откровенно говоря, у меня точно такое же желание!

Взяв Джемини под уздцы, он ввел его в конюшню, поставил перед ним корзину с едой и осмотрел ногу. Рана была еще заметна, но начинала затягиваться. Еще один день — и можно будет пуститься в путь, покинув наконец-то этот жалкий городишко!..

Что-то заставило Джесса обернуться.

В дверях конюшни стояла Онести. Девушка была одета в розовое платье и выглядела принцессой из волшебных сновидений. Шелковая материя плотно обтягивала ее фигуру, подчеркивая длинные красивые ноги, тонкую талию и высокую грудь. Лента, украшенная маленькими искусственными розочками, тянулась от правого плеча к левому бедру. Другое же плечо оставалось неприкрытым, оголяя гладкую кожу персикового цвета.

— Вам нравится? — кокетливо спросила Онести, повернувшись кругом и продемонстрировав свой наряд со всех сторон.

Джесс почувствовал, как у него сохнут губы. Его взгляд скользнул по нежной шее Онести, ее пухлым, слегка надутым губкам, чуть вздернутому носику и утонул в кофейного цвета глазах. Огонь пробежал по его жилам.

Сжав в руках тряпку, которой чистил седло, Джесс потянулся к висевшей на стене

уздечке и недовольно спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Я пришла, чтобы услышать ваше мнение. Никак не могу решить, что надеть сегодня вечером. Как вы думаете, в этом наряде я выгляжу достаточно соблазнительно?

Она сделала паузу. Потом протянула руку к столику, стоявшему у косяка двери, взяла с него какой-то пакет и развернула.

— Или, может быть, вы предпочли бы вот этот — наглый и бесстыдный?

С этими словами Онести поднесла чуть ли не к самому лицу Джесса то самое бордовое платье, в котором была в ту памятную ночь.

Похоже, что она решила совсем добить его...

Каждое воспоминание о той ночи и без того бредило душу Джесса. Обнаженное тело Онести со всеми его совершенными линиями, гладкая, нежная и теплая кожа, страстный взгляд и обещающая неземное наслаждение улыбка... С этими видениями он отчаянно боролся на протяжении последней недели. И видимо, тщетно...

Черт побери! Неужели он хотел сохранить эти воспоминания? Хотел! Даже против воли...

— Ничего не изменится, если вы даже выйдете на помост в дерюге и с посыпанной золой головой, — буркнул Джесс, поспешно отвернувшись. Он не хотел, чтобы Онести прочла в его глазах волнение. — Все равно бешеный успех у здешней публики вам обеспечен!

— Видимо, ждать от вас помощи даже в виде простого совета бессмысленно! — сморщилась девушка.

Наступило молчание, нарушаемое лишь легким постукиванием копыта Джемини о землю. Но Джесс понял, что Онести не даст ему спокойно страдать.

— Очень красивое животное, — сказала она, глядя на Джемини. — И давно оно у вас?

Джесс оторвал взгляд от бедер Онести и процедил сквозь зубы:

— С тех пор как Джемини был еще жеребенком.

— Готова поспорить, что вы выложили за него кругленькую сумму!

— Мне его подарили.

— Вы, верно, всегда были очень талантливым, если получали такие дорогие подарки.

Джесс застыл с уздечкой в руках. Потом ехидно улыбнулся:

— Не надо комплиментов. Я не изменю своего решения.

— Почему же, Джесс? Ведь вы все равно завтра утром уедете отсюда. К тому же я обещаю, что не доставлю вам никаких беспокойств.

— Послушайте, Онести! Ведь всего через несколько часов здесь соберется целая толпа здоровых мужчин, каждый из которых, уверен, посчитает за честь стать вашим спутником и защитником.

— Но я не хочу их! К тому же я никого не знаю!

— Вы считаете, что знаете меня?

— Я уверена, что вы честный и вполне приличный человек, на которого можно положиться. С вами мне будет спокойно и комфортно. А потому делиться своими проблемами и планами с кем-либо еще я не хочу.

Столь твердая вера в него легла на плечи Джесса тяжелым грузом подобно железным латам средневекового рыцаря.

«Честный... Приличный... Можно положиться...»

Черт побери, он, оказывается, куда лучше, нежели сам о себе думал!

Чувствуя себя явно неудобно, Джесс утопил пятерню в своих густых волосах. И вместе с тем ему очень бы хотелось быть именно таким, каким нарисовала его себе Онести!

— Спасибо! — несколько смущенно ответил он. — Со своей стороны, я должен признаться, что безмерно восхищен вашим героическим решением разыскать брата. Но если бы вы спросили моего откровенного мнения, то я бы посоветовал вам остаться здесь, у Скарлет Роуз, а для поисков брата нанять профессионала.

— Вы имеете в виду детектива?

— А почему бы и нет? Я уверен, что среди них есть немало и таких, кто специализируется на розыске пропавших людей.

На какое-то мгновение Джессу показалось, что в глазах Онести появилось выражение, близкое к панике. Но тут же исчезло. Она внимательно посмотрела на собеседника и вздохнула:

— Наверное, вы правы, Джесс! Честно говоря, я просто не понимаю, как столь простая мысль раньше не пришла мне в голову! Ну а теперь скажите, какое все же платье вы посоветовали бы мне надеть сегодня вечером? Бордовое или розовое в крапинку?

Джесс нахмурился. Возможно, он бы и согласился переменить тему их разговора, если бы на лице Онести не появилась до неестественности ослепительная улыбка.

— Что с вами? — строго спросил он.

— Со мной?

— Да, с вами. Я вижу, как дрожат ваши руки.

Онести потупила взгляд.

— Наверное, я несколько нервничаю перед сегодняшним вечером. По опыту знаю, что публика подчас бывает шумноватой и невнимательной.

— И что ж из того? Я ведь буду рядом!

— Рядом? Что вы имеете в виду?

— То, что я непременно должен находиться вместе с вами. Я же ваш концертмейстер. Или вы забыли?

Джесс протянул руку и, подняв голову Онести за подбородок, внимательно посмотрел ей в глаза.

— Обещаю, что буду рядом с вами. Во всех смыслах этого слова!

Онести порывисто обняла Джесса за шею и прижалась к нему, даже не заметив, что выходные платья, которые оказались между ними, смялись. Джесс закрыл глаза и не протестовал. Видит Бог, он также страстно хотел обнять эту девушку, но сдерживался... Хотя и чувствовал, что начинает терять контроль над собой.

Онести же приподнялась на цыпочки и нежно поцеловала его в щеку.

— Спасибо, Джесс!

Она повернулась и убежала в дом. А он растерянно смотрел ей вслед, не отрывая ладони от щеки, на которой был запечатлен поцелуй. Боже, как же хорошо, что завтра утром его здесь уже не будет! Ведь остаться хотя бы еще на день непременно означало бы натворить непростительных глупостей! Дело могло даже кончиться тем, что он, как мальчишка, упал бы к ногам этой хитрой и дерзкой девчонки!

Несмотря на все усилия выкинуть разговор с Джессом из головы, Онести продолжала думать о нем весь день и даже в начале вечера, когда надо было готовиться к выходу на сцену. Предложение Джесса нанять для поисков брата профессионального детектива

казалось ей все более и более разумным.

Онести хорошо помнила, как детективы упорно охотились за отцом. Она надеялась, что эти люди, узнав о смерти Дьюса, прекратили поиски. А если нет? Прознав о гибели Дьюса, они могли бы начать преследовать его дочь, которая должна в той или иной степени быть посвященной в дела и планы своего родного отца.

Для этого надо было только узнать ее имя, что детективам наверняка не составило бы труда...

— Онести, ты готова? — вернул ее к действительности голос Роуз с первого этажа. — Здесь уже собралось полно желающих послушать «самую сладостную певчую птичку Запада»!

— Сейчас, сейчас!..

Девушка спешно поправила прическу, положила гребенку на туалетный столик и ладонями разгладила чуть смявшееся розовое платье в крапинку. Она все же надела его для выступления. Причиной тому был жадный блеск в глазах Джесса, когда он рассматривал этот наряд.

Онести укрепила на затылке миниатюрный веночек из живых цветов и вышла.

Гул голосов в игорном зале смешивался с дымом и запахом сигар. Роуз и помогавшая ей Сара Уэнтворт сновали между столиками, разнося напитки и легкую закуску, успевая при этом перебрасываться с гостями шутками. Джо и Джейк абонировали стойку бара и один из столиков.

Онести чувствовала, как у нее то замирает, то начинает учащенно биться сердце. Ладони пересохли, язык распух так, что с трудом ворочался. И дело было не только в том, что она давно не выступала на публике: в последний раз Онести пела со сцены как раз в тот страшный вечер, когда погиб отец.

Все же ей удалось несколько успокоиться. Не обращая внимания на похотливые мужские взгляды, Онести выставила одну ногу в блестящей туфле вперед и медленно обвела глазами зал.

Большинство сидевших за столиками жили в «Черной подвязке» и пришли сюда из любопытства. Но были и обещанные Роуз пассажиры дилижанса — дюжина мужчин и две женщины, скорее всего мать и дочь. Последние устроились за столиком около двери. Дочь смотрела на Онести с восхищением, а мамаша — с явным неодобрением.

Онести стояла на сцене и ждала, пока все гости рассядутся, а в зале наступит тишина. Неожиданно за спиной она услышала бормотание Джесса и обернулась. Их взгляды встретились. Девушка почувствовала, как ее наполняет теплое ощущение его близости. Она утонула в тепле его сине-голубых глаз, неудержимо притягивавших к себе.

Джесс ободряюще подмигнул, сел за пианино и в ожидании посмотрел на солистку. Она чуть заметно кивнула...

Тихо прозвучали первые аккорды музыки. И тут произошло чудо. Онести показалось, что аудитория исчезла, растворилась в этих волшебных звуках. Она запела... Запела для Джесса... Только для него одного... Это была та самая песня, которую они уже столько раз репетировали, и ее мелодия не давала покоя Онести даже во сне. Сейчас ей казалось, что в окружающем мире существовали лишь она и Джесс.

Когда же последний звук музыки растворился в воздухе, по холодным щекам Онести покатались слезы. Глаза Джесса засияли. Она вдруг поняла, что еще никогда за всю свою жизнь не испытывала ощущения такой душевной близости с другим человеком.

Какое-то движение в первом ряду столиков нарушило охватившее зал оцепенение. Один из мужчин встал со своего места и не спеша направился к Роуз. Они обменялись несколькими фразами, после чего Скарлет взяла его за руку и, одарив многообещающей улыбкой, повела за собой к лестнице на второй этаж. Увидев это, мамаша закрыла ладонью глаза своей юной дочери, потом схватила ее за плечи, и они под плаксивое шмыганье дитяти вышли из зала.

Джесс также не оставил этот эпизод без внимания. Он повернулся к Онести и посмотрел на нее таким обвиняющим взглядом, что сердце девушки подпрыгнуло чуть ли не к самому горлу. Свиные глаза и крепко стиснутые зубы Джесса заставили Онести почувствовать себя жалкой и никчемной.

Кто-то осторожно тронул ее за локоть. Она обернулась и увидела перед собой мужчину лет сорока, одетого во фланелевую рубашку с короткими рукавами. С натянутой улыбкой Онести взяла его за руку и повела наверх, как минутой раньше сделала Роуз с претендентом на ее тело...

Джесс сбился со счета, пытаясь определить, сколько времени провел за инструментом в компании бутылки виски. В голове шумело, а мышцы постепенно размягчались, превратившись в некое подобие желе.

Он понимал, что не должен был напиваться до потери сознания, но только таким способом мог затуманить мозги, дабы не видеть, как Онести поднимается по лестнице с сексуально озабоченным типом. За последние дни он так привык к девушке, что забыл, каким способом она зарабатывает себе на жизнь. То, что произошло сейчас, напомнило ему об этом...

Как сквозь туман, он смотрел на двух мужчин, нетвердой походкой спускавшихся по лестнице. Они на ходу застегивали пуговицы на рубашках. Оба они в этот момент ходили на самодовольных объевшихся котов.

Джесс потянулся к бутылке и, чтобы окончательно заглушить затуманенный рассудок, сделал еще несколько глотков виски. Но это не помогло. Перед его мысленным взором предстало обнаженное тело Онести, распластанное на одной из кроватей, раскрытые в экстазе губы, и ладони, сжимающие ее грудь...

Не чьи-то ладони, а его...

Он со всей силой ударил кулаком по клавишам. Сидевший у стойки бара Джо обернулся и с удивлением посмотрел на него. Зал почти опустел. Кто-то спал прямо за столиками, кто-то поднялся в комнаты второго этажа, чтобы передохнуть до утра. Особенно в отдыхе нуждались пассажиры дилижанса, которым предстояла дальняя и утомительная дорога. Впрочем, Джесса это абсолютно не интересовало. Он вновь наполнил стакан... Потом — другой... И вскоре заметил, что бутылка опустела...

Так и с ней... Джесс вдруг подумал о том, что почти не помнит тех сладостных мгновений, которые подарила ему Онести. Что же с ним случилось? Может быть, она была права, считая его непредсказуемым? Или же он просто принадлежит к той же категории пьяных кретинов, как и один из только что заплативших за возможность обладать ее телом?

Эти мысли заставили Джесса нахмуриться. Наверняка мужчины, которых она укладывала к себе в кровать, помнили хотя бы час, проведенный с этой женщиной. Час сладостный, порой — страстный... А он? Когда он покинет этот город, то вряд ли вспомнит о той ночи, которую провел с ней...

Впрочем, стоит ли все это воспоминаний? Онести получила его. А он ей заплатил. Вот

и все!..

Джесс поднялся из-за инструмента и огляделся. Игорный зал закружился перед его глазами. С трудом пробираясь между пляшущих стульев и прыгающих столов, он дошел до лестницы и, чтобы устоять на ногах, схватился рукой за перила. Раздавшийся от дверей громкий смех заставил его обернуться. На пороге стояли двое мужчин. Он сразу узнал их.

Одного из них, высокого и мрачного, звали Роско Трит. У него был большой сизый нос и желтоватые водянистые глаза. Глядя на его старую кожаную куртку на меху, можно было подумать, что на дворе зима, а не теплая июньская ночь.

Его старший брат Роберт был приземистым, спортивного телосложения и куда более аккуратным. Одежда его состояла из легкой серой куртки и отутюженных брюк того же цвета. На боку поблескивал пистолет.

В последний раз Джесс видел их довольно давно. Это было в Аризоне, где те занимались сносом скалы на территории исправительного дома. Но что они делали в Ласт-Хоупе?

— Здорово, ребята! — приветствовал их Джо.

— Привет, Джо! — ответил ему Роско. — На вывеске написано, что сегодня здесь выступает «самая сладостная певчая птичка на Западе». Но мы не видим никакой птички!

— Концерт уже закончился. Но если вы ищете и других развлечений, то присаживайтесь за любой столик. Кто-нибудь из женщин вот-вот подойдет.

Джесс заскрипел зубами. Он даже не мог допустить мысли, что руки похожего на погонщика мулов Трита или его брата коснутся тела Онести... Или же даже тела Роуз... Но нет! Именно — Онести! Сегодня ночью она должна принадлежать ему!

Роско был явно недоволен тем, что его заставляют ждать. Роберт слегка толкнул брата локтем, и тот опустился на стул.

— Брось это, Роско! — прошипел Роберт. — Или ты не помнишь, как в прошлый раз позволил своему похотливому члену возобладать над мозгами? Благодарю Господа, что тогда Магуайр сломал тебе нос и заставил опомниться!

Произнесенное имя пронзило затуманенный мозг Джесса, заставив его встрепенуться. Он проклинал себя за то, что напился, и стал стараться поскорее протрезветь.

— Этому сукину сыну просто очень повезло, вот и все! Посмотрим, повезет ли еще раз, когда мы его поймем!

— Нам никогда не удастся его поймать, если ты будешь на всем пути отсюда до границы заходить в каждый трактир!

— Ну нет уж! Мы его обязательно поймем! И заставим горько пожалеть о том, что он родился на свет!

— Не раньше, чем получим свои деньги!

Джесс бросил взгляд сначала на лестницу, а потом вновь на Роберта и Роско. Ему предстоял не очень трудный выбор: провести ли час-другой в постели с женщиной или же наконец напасть на след этого Магуайра. Последнее, бесспорно, было бы просветом надежды, которого Джесс так давно ждал. Поэтому это исключало всякую проблему в выборе.

Стиснув зубы, он повернулся спиной к лестнице, взял со стойки бара бутылку и твердым голосом сказал Джо:

— Я заплачу за них, старина!

После чего, подсев к Роберту и Роско, поставил выпивку в центр стола:

— Добрый вечер, ребята! Это — за мой счет!

Полная и печальная луна низко висела на черном как деготь небе. Онести брезгливо взглянула на лежащего рядом и громко храпящего мужчину — последнюю жертву ее хитростей — и спустила ноги на пол. Затем встала, собрала с пола разбросанную одежду.

Тяжело вздохнув, она продела в рукава сначала одну руку, потом — другую. Снова присев на край кровати, опустила голову и некоторое время тупо смотрела на матрац.

Нет, больше она не сможет этого делать!

Дьюс всегда говорил: «Девочка моя, если ты чувствуешь, что преступила опасную черту, то постарайся тут же выйти из игры...»

Онести казалось — эту черту она уже переступила. Примешивая к вину наркотик, она усыпляла очередного мужчину, лежащего с ней в постели, а наутро убеждала его, что «все было». Причем тут же расписывала в радужном свете невероятные мужские достоинства, которые обманутый якобы проявлял ночью. Тот с готовностью платил несколько долларов за «полученное удовольствие» и уходил. Все это всегда проходило с неизменным успехом и вселяло в Онести ощущение не только защищенности, но и превосходства над своими жертвами. Теперь же в душе была одна опустошенность. Единственное, что осталось в памяти от вчерашнего вечера, так это образ мужчины с золотистыми волосами и песня о будущем, которую они вместе исполняли. Но и это воспоминание все больше и больше вытеснялось растущим чувством одиночества.

Надо было заставить Джесса изменить свое решение! Как жаль, что она не сумела этого сделать...

Теперь он, наверное, уже несколько часов скачет, удаляясь все дальше от Ласт-Хоупа и уходя из ее жизни. Онести понимала, что с собой Джесс унес нечто гораздо большее, чем возможность помочь ей в раскрытии тайны последних слов отца.

Нет, она не может, не должна допустить этого! Может быть, Джесс еще не уехал! Надо срочно сойти вниз, и если он здесь...

...Если Джесс здесь, то она вечером приведет его в свою спальню! В конце концов, потеря невинности за возможность разгадать смысл завещанных отцом слов не очень большая цена!..

...Она увидела Джесса стоящим около крайнего стола, расположенного прямо под лестницей. В его компании было двое мужчин, черты которых в полумраке игорного зала Онести не могла различить. Они чего-то ждали. Своей очереди на нее? Девушка усмехнулась, ибо в таком случае им пришлось бы ждать здесь до утра. Потому что...

...Теперь она принадлежала Джессу... Только ему одному...

Онести гордо подняла подбородок, расправила плечи и собралась сойти с лестницы. Но в этот момент свет от лампы упал на лицо одного из сидевших за столом...

У нее перехватило дыхание. Онести поспешно сделала шаг назад и прислонилась спиной к стене.

Боже мой! Роберт?! Но ведь это невозможно! Он же мертв!..

— Разве мы с вами знакомы? — донеслось снизу. Говорил Роберт. Она сразу же узнала его голос и почувствовала, как по спине поползли мурашки. Перегнувшись через перила лестницы, но продолжая оставаться в тени, она вперила взгляд в этого человека. Кто он? Привидение? Или все же простой смертный из плоти и крови?

Онести почувствовала, как сразу же гулко застучало ее сердце. Да... Черные гладкие волосы... Острый подбородок... Аккуратно подстриженные усы... Боже, это он! Нет

сомнения! Но откуда он взялся и что здесь делает?

— Не знаю, как вы, но я-то имею представление, с кем имею дело! — услышала Онести ответ Джесса.

В следующий момент он отшвырнул стул, стоявший между ним и теми двумя, сидевшими за столом.

— Невольно мне довелось подслушать ваш разговор.

— Ах вот как! — воскликнул тот, кто сидел рядом с Робертом, и мерзко расхохотался.

— Мне сдается, что мы все трое охотимся за одним и тем же человеком, — с угрозой в голосе продолжал Джесс.

— И что же вы намерены с ним сделать? — спросил Роберт.

— Это касается только меня одного! Говорят, что он направился в Лидвилл.

— Ложь, черт возьми! Он сам мне сказал, что намерен ехать в Тех...

— Заткнись, Роско! — прервал брата Роберт.

— Где вы слышали об этом?

— О Лидвилле?

— Да.

— Там же, где и ваш разговор о сломанном носе!

Мгновенно расстегнув кобуру, Джесс выхватил «кольт» и, прицелившись в Роберта, сказал с улыбкой, от которой у Онести похолодели пальцы рук и перехватило дыхание:

— А теперь вы расскажете мне, где найти Дьюса Магуайра. Только после этого я дам вам шанс прожить хотя бы еще один день!

Онести была так ошарашена услышанным, что на мгновение потеряла способность даже дышать. Ни разу она не видела оружия в руках Джесса. И никогда не слышала, чтобы он говорил таким жестким, беспощадным тоном.

Постепенно до ее сознания стал доходить и смысл сказанных им слов.

Она еще плотнее прижалась к стене. Казалось, у нее онемел каждый нерв. Имя Дьюса, слетевшее с языка Джесса, рассекло ее сердце подобно бритве. Боже, как она могла подумать, что этого человека не следует опасаться?!

Нет, он оказался куда более опасным, нежели она когда-нибудь могла предположить!

Прошел час... Другой... А Онести, закрывшись в спальне, все ходила из угла в угол. В окно заглядывала луна, бросая свои бледные лучи на натертый до блеска пол.

Стрелки показывали половину седьмого утра. В столь ранний час вряд ли можно было встретить кого-нибудь в коридоре или холле. Но все же перед тем, как выйти из комнаты, она осторожно открыла дверь и осмотрелась. Больше всего она боялась наткнуться на тех двоих, ворвавшихся поздно ночью в дом... Или же — на Джесса...

Джесс...

Это имя вызывало в душе Онести волну негодования и презрения. А ведь именно к нему она обратилась за помощью! Как можно было решиться на такое?! Боже, какая глупость! Довериться незнакомому человеку! Да и вообще, можно ли кому-нибудь доверять в этом подлом, грязном мире?

Ведь Онести сама не раз и не два убеждалась в том, что все мужчины — подлые, гадкие твари, стремящиеся любым способом получить от женщины все! Разве можно им верить?! А Джессу? Он уже доказал, что ничем не лучше остальных!

Этот человек совершил особенно гнусное предательство. А ведь она чуть ли не боготворила его! Слепо следовала за ним... Верила. И вот... Сама осталась в дураках!

«Нет, так больше продолжаться не может!» — думала Онести, осторожно закрывая дверь комнаты и на цыпочках пробираясь к лестнице. Она умная женщина! Она сама сумеет разгадать тайну «плывущих камней»! Что из того, если ей никогда раньше не приходилось путешествовать в одиночку? Разве все эти месяцы она не находила в себе сил оставаться самой собой вопреки всем опасностям? Теперь сам Бог велит ей рискнуть снова!

Онести выпрямилась и, стараясь не шуметь, спустилась по лестнице в игорный зал. Из-под двери хозяйки пробивался свет. Девушка остановилась, помедлила несколько мгновений и решительно постучала три раза.

— Войдите! — донеслось из комнаты.

Онести приоткрыла дверь и переступила через порог.

Роуз сидела за столом и пересчитывала деньги. Подняв голову и увидев служанку, она приветливо улыбнулась:

— Онести, ты просто не поверишь! За один вчерашний вечер мы заработали больше, чем за три предыдущие месяца! А благодарить мне надо тебя и Джесса! Песню «Зеленые рукава» он сыграл просто гениально! Мужчины в зале были убиты наповал. Ведь каждый из них тосковал по дому или же безумно любил кого-то. За полученное удовольствие эти люди продали бы родную мать! Онести, ваше выступление потрясло всех! В следующий раз...

— Следующего раза не будет, Роуз! — потупив взгляд, оборвала хозяйку Онести. — Я уезжаю...

Роуз долго смотрела на нее непонимающим взглядом. Потом растерянно спросила:

— Уезжаешь?

Онести молча кивнула.

— Когда?

— Сейчас.

Она ожидала, что Скарлет набросится на нее с тысячей вопросов и упреков. Но Роуз лишь помолчала несколько секунд и произнесла очень спокойным тоном:

— Это должно было когда-нибудь случиться. Но я не думала, что так скоро. Скажи, а сама-то ты знаешь, куда едешь?

Онести вновь кивнула и со вздохом сказала:

— У меня есть одна мысль. Но я хотела бы кое о чем вас попросить.

— Проси. Я сделаю все, что смогу.

— Мне нужно какое-нибудь средство передвижения. Онести разжала кулак и бросила на стол заветный рубин с золотой цепочкой.

— Вот все, что у меня есть, Роуз. Этого, наверное, не хватит даже на то, чтобы купить вашего мула.

— Господи! Да мой вонючий кретин не стоит и одной десятой твоего камня! За такую цену ты можешь купить дюжину ему подобных! Так что убери подальше свои драгоценности!

— Роуз, пожалуйста! Поймите же, что это для меня очень важно... Я так или иначе продам камень. Пусть уж лучше он попадет к вам, чем к какому-нибудь проходимцу.

— А почему бы тебе не продать свои серьги и не купить билет на дилижанс? Он отправляется через два часа. Честное слово, это было бы гораздо удобнее, да и надежнее!

Наверное, Роуз была права. Но дилижанс направлялся на север, а Онести надо было на юг. Кроме того, если ее начнут искать, то в первую очередь проверят именно дилижанс. Поэтому девушка отрицательно завертела головой:

— Нет, я лучше куплю мула. Конечно, если вы согласитесь с ним расстаться.

— Боже мой, я давно хотела отделаться от этой наглой и омерзительной скотины! Но, дорогая, я не могу взять за него твои драгоценности. Это же просто грабеж!

Онести глотнула воздуха, не зная, как все-таки развязаться с этим Ласт-Хоупом.

— Скажи честно, милая, — настоящим тоном спросила Роуз, — могу ли я как-то уговорить тебя переменить решение?

— Нет.

Роуз горестно вздохнула:

— Ну что ж. В таком случае бери мула. И вот деньги за твое выступление. Ты их заработала. Тем более что они понадобятся везде, куда бы ты ни поехала.

Онести взяла деньги и тут же отвернулась, чтобы скрыть смущение. Она вдруг почувствовала себя в чем-то виноватой перед этой женщиной. Конечно, деньги за концерт были честно заработаны, но Онести подумала, что Скарлет Роуз сделала для нее за эти месяцы гораздо больше. Благородно ли будет покидать Роуз сейчас, в далеко не лучший для нее момент?

Она посмотрела на хозяйку и неожиданно предложила:

— Роуз, поедemте вместе...

— Вместе? Ты предлагаешь мне бросить хозяйство, гостиницу, бизнес, одним словом — все, к чему я так привыкла? Нет, милая, это невозможно! Поезжай одна. От всей души желаю тебе осуществить свою мечту...

— А как же вы?

— Обо мне не беспокойся. В конце концов, Ласт-Хоуп пока еще дышит.

Зная упрямство Скарлет, Онести вздохнула, молча свернула банкноты и опустила их вместе с рубином в ложбинку между полушариями груди. Она вдруг почувствовала себя очень усталой, разбитой и, повернувшись, медленно пошла к двери.

Уже у самого порога Роуз ее остановила:

— Онести!

Она обернулась.

— Я от всей души надеюсь, что ты сумеешь найти то, что ищешь. Но если сделать этого не удастся, то... То ты знаешь, где меня найти!

Глядя на женщину, которая совсем недавно пришла ей на помощь, Онести почувствовала, что вот-вот разрыдается.

— Спасибо, Роуз, за все, что вы для меня сделали, — проговорила она сквозь слезы и, закрыв лицо руками, выбежала из комнаты.

Онести миновала игорный зал, где в последние дни провела столько чудесных минут, репетируя с Джессом, и очутилась на кухне. Почувствовав, что ее охватывает безнадежное отчаяние, она опустилась на стул. Конечно, теперь оставаться в Ласт-Хоупе было опасно. Если ее разыскивают, то очень легко обнаружат в доме Скарлет Роуз. Ну а вдруг задуманный ею план обернется глупой затеей? Откуда она знает, что «плывущие камни» действительно существуют? Ей казалось, что никто в этой жизни не знал Дьюса Магуайра лучше ее. И что же? Оказалось, что ее отец — известный мошенник и вор, которого разыскивала полиция...

В то же время Онести помнила добрые руки отца, утешавшие и ласкавшие ее в горестные минуты. Его мягкий, нежный голос, успокаивавший ее во время свирепого шторма... Дьюс был для Онести самым верным и преданным другом...

Нет, она не позволит себе смалодушничать и остановиться на полпути! Она будет упорно искать эти самые «плывущие камни»! Никто — ни те двое головорезов, ворвавшихся в дом Скарлет, ни Джесс, ни даже Роуз — не заставит ее отказаться от задуманного!

Онести решительно распахнула входную дверь и выскочила на крыльцо...

...Прежде чем она успела повернуть голову, чьи-то железные руки схватили ее за плечи. Онести тут же поняла, что нападавший был вдвое выше ее ростом и, конечно, несоизмеримо сильнее. Стоя к нему спиной, она почувствовала дурманящий запах виски и дешевого одеколona.

— Помоги-ка мне, Берт, — услышала Онести пьяный голос. — Нам уже не надо искать певчих птичек. Самая сладостная из них сама попалась в сеть!

Девушка вывернулась и повернулась к бандитам лицом. В течение нескольких секунд она смотрела то на одного, то над другого, решая, кто более опасен — высокий, грузный, явно обладавший звериной силой, или же его довольно приличного вида напарник. И вдруг с ужасом узнала в последнем Роберта.

Тот же внимательно посмотрел на нее и зацокал языком:

— Тц-тц-тц! Да ведь это же моя давнишняя любовь! И все такая же очаровательная! Не правда ли, Роско?

Роберт протянул к Онести руку, которую та с омерзением отбросила.

— Да, очень даже мила! — похотливо расхохотался Роско. — Я ведь знал, что парень, игравший на пианино, очень хотел от нас что-то скрыть!

Роберт утвердительно кивнул и тоже сально улыбнулся:

— Согласись, что такая красотка не может долго скрываться. Ну а теперь, Онести, когда мой брат вас отпустит, обещайте не кричать и не пытайтесь убежать. Понятно?

Онести чуть заметно кивнула. Противоречить им было бессмысленно. Роберт же подмигнул брату, и тот отпустил девушку. Она глубоко вздохнула, облизала кончиком языка высохшие губы и прошептала:

— Я была уверена, что вас уже нет в живых, Роберт!

— Понимаю ваше разочарование. Но, как видите, я жив и здоров, вопреки всем стараниям вашего папеньки!

Онести не стала отвечать на этот выпад, а только спросила:

— Как вам удалось меня найти?

— Очень просто. Мы заметили на горе, что за этим домом рекламный щит, призывавший послушать «самую сладенькую певчую птичку Запада». А таковой могли быть только вы!

Господи, разве она не предчувствовала, что это выступление принесет беду?!

— А теперь нам нужно узнать от вас, певунья, куда подевался ваш папенька? Глядишь, мы вас и отпустим!

— Где мой отец? — воскликнула Онести.

По словам Роберта она поняла, что бандиты не знают о том, что Дьюс умер от ранения, полученного во время перестрелки. Чего они хотели от него, Онести понять не могла. Но решила молчать даже о том немногом, о чем догадывалась по отдельным намекам Дьюса. А потому отрицательно завертела головой:

— Я понятия не имею, где он сейчас! Мы расстались сразу же после отъезда из Дуранго. С тех пор прошло уже много месяцев, и я его ни разу не видела.

Роберт неожиданно размахнулся и ударил Онести кулаком в челюсть. От боли по ее щекам покатались крупные слезы, а глаза расширились от ужаса.

— Не надо лгать, Онести! — зарычал Роберт. — У меня нет настроения развлекаться с вами подобными играми! Либо сию минуту вы скажете нам, где Магуайр и его богатство, либо мне придется прибегнуть к мерам, которых мы оба могли бы избежать.

Онести нисколько не сомневалась в том, что имел в виду Роберт. В ее памяти отчетливо отпечатался взгляд, которым он буравил ее на той темной аллее.

— Я же сказала вам, что он уехал! — пересилив боль, крикнула Онести. Она твердо решила держаться. — И неизвестно, когда вернется. А может быть — никогда!

— Ну и что мы теперь будем делать, Берт? — спросил у брата Роско.

— Седлать коней. А ее возьмем с собой.

— Никуда я с вами не поеду! — запротестовала Онести.

— Еще как поедешь! — взорвался Роберт. — Твой отец сбежал, не уплатив мне проигрыша. Но как только он узнает, что мы схватили тебя, явится сам, чтобы указать, где спрятал деньги. В противном случае мы тебя убьем!

«Деньги? Какие деньги? — пронеслось в голове Онести. — О, папа! Что ты еще натворил?!»

— Не понимаю, о каких деньгах вы говорите?! — выкрикнула она.

— О каких деньгах? — взревел Роберт. — О том миллионе долларов, которые он спрятал!

Несмотря на весь трагизм происходившего, Онести чуть было не расхохоталась в лицо бандиту:

— Миллион долларов? Неужели вы в это поверили?

Она посмотрела на Роберта, и ее глаза сразу превратились в две узкие злые щелки.

— Ах вот почему вы были так обходительны со мной! Думали, будто бы мой отец... Боже, какой же вы дурак, Роберт! Мой отец всегда был беднее церковной крысы! Когда же у него появлялись какие-то деньги, он их тут же растранижил. Дьюс просто водил вас за нос, Роберт! Точно так же, как и многих других фигляров, которые встречались на его пути.

А таковых было великое множество!

Онести слишком поздно сообразила, что задела Роберта за живое. Его лицо сделалось красным, дыхание прерывистым, кулаки сжались. Она не на шутку испугалась, что он сейчас избьет ее до полусмерти.

— Я не фигляр! — прошипел Роберт. — И никому не позволю собой играть! А потому ты сейчас же скажешь, где Магуайр или где спрятаны его деньги. В противном случае... — Светло-голубые глаза Роберта, когда-то казавшиеся Онести очень красивыми, сделались стальными, безжалостными, а лицо — холодным как лед. — В противном случае, — договорил он, — я хотел бы сказать тебе, что у Роско уже давно не было женщины...

Онести похолодела. Одним из значительных недостатков ее отца была склонность к фантазиям и преувеличениям. Если верить Роберту — а у нее не было оснований сомневаться в его словах, — отец заключил с ним своего рода договор, включавший, помимо всего прочего, и сказку о припрятанных деньгах. Теперь же эти двое требуют от нее признания, где конкретно спрятаны несуществующие богатства Магуайра...

«Правда заключена в плывущих камнях...»

В ее голове молнией блеснула страшная мысль: а что, если и «плывущие камни» были всего-навсего плодом разгоряченной фантазии отца?! Что это и есть то самое несуществующее наследство Магуайра, которое сейчас разыскивают Роберт с братом?

Подобная догадка показалась Онести не столь вероятной, чтобы можно было до конца в нее поверить. Но ведь в последние месяцы за ней действительно стали охотиться. А сейчас Роберт прямо требует указать, где Дьюс спрятал свой миллион...

Независимо от того, существовали на самом деле эти деньги или нет, Роберт и его братец в них, несомненно, верили. А потому Онести оказалась в очень опасной ситуации. Конечно, она могла снова и снова отрицать, что знает, где спрятаны отцовские деньги. Могла и попытаться обмануть бандитов, сказав, что знает, где спрятаны отцовские капиталы. Но откроет эту тайну только при условии, если они ее тотчас же отпустят. Однако Роберт и Роско могли пообещать, что сделают это, когда узнают секрет. Обман в конце концов раскроется, и тогда бандиты, поняв, что она их морочила, разъярятся и... Трудно даже представить, что они с ней сделают!

«Думай, Онести, думай...»

Если бы она могла купить у них хоть немного времени!..

— Хорошо! — кивнула девушка. — Я приведу вас к своему отцу.

— Нет, ты просто укажешь нам, где его найти.

— Я сама вас туда отведу. И если вы, Роберт, или ваш брат попытаетесь хотя бы тронуть меня пальцем до того, как мы окажемся на месте, то я сумею сделать так, чтобы вы никогда не нашли этих денег.

Джесс проснулся за час до рассвета от нестерпимой головной боли. Казалось, что по черепной коробке нещадно били тяжелым молотом.

Он спустил ноги и, сидя на краю кровати, схватился за виски. Джесс не мог вспомнить абсолютно ничего, поэтому оставил всякие попытки вычислить, как он оказался в собственной постели. В единственном он был уверен — этой ночью он не пытался проникнуть в комнату Онести. Но запомнил главное: наконец-то ему удалось напасть на след Магуайра! Правда, перспектива поездки в Техас, где, по словам одного из бандитов, скрывался этот авантюрист, не очень-то прельщала. Но выбора просто не было. В этот южный штат тянулась единственная реальная нить.

Каждый звук, движение, даже дыхание вызывали у Джесса приступы нестерпимой головной боли. Все же ему удалось самостоятельно одеться, собрать дорожные сумки, привязать их к седлу и найти шляпу. Оставалось только расплатиться с Роуз, после чего можно было сесть на Джемину и навсегда покинуть эти места.

Проходя мимо комнаты Онести, Джесс хотел было зайти к ней и проститься. Но тут же передумал, решив, что чем дальше будет держаться от этой опасной фурии, тем скорее сможет ее забить и обрести столь необходимое спокойствие. Он сдержал слово, данное Роуз, и тем самым исполнил свой долг. Осталось лишь стряхнуть с сапог пыль этого заброшенного городка и уже никогда о нем не вспоминать.

Приняв столь мрачное решение, Джесс стал спускаться по лестнице. Никто из ночных посетителей еще не проснулся, а потому игорный зал и коридоры были безлюдны. С трудом верилось, что еще накануне вечером здесь творилось что-то невообразимое. Все столики были заняты. Публика сидела даже на ступеньках лестницы. А в центре сцены стояла Онести и божественно пела под его, Джесса, аккомпанемент...

Впрочем, Роуз получила немалые деньги за этот вечер. А потому уже с ночи наняла служанку, которая быстро привела дом в полный порядок.

Джесс обнаружил хозяйку на кухне. Она стояла у плиты и следила за закипающим чайником. Через открытое окно на лицо Джесса упал луч раннего солнца, вызвав очередной приступ головной боли.

— Доброе утро, Скарлет! — поздоровался он, невольно скривившись от боли.

— Доброе утро, Джесс. Вы очень рано поднялись. И это заметно. Глаза слипаются, землистый цвет лица, да и настроение, видимо, не лучшее.

Скарлет налила чашку кофе, опрокинула в нее рюмку коньяка и поставила на стол.

— Садитесь и выпейте это. Вам сразу станет легче.

Джесс подумал, что если он выпьет еще хотя бы каплю коньяка, то это тут же сожжет все его внутренности. А потому поспешил отказаться:

— Нет, спасибо! Мне уже пора ехать.

— Я так и подумала.

Роуз снова поставила чайник на плиту и вынула из буфета белую чашку для себя.

— Откровенно говоря, я даже удивилась, что вы не уехали сразу же вслед за Онести. Ведь даже дураку ясно — вы не можете жить друг без друга!

Какие-то доли секунды Джесс оставался нем. Потом схватил Скарлет за руку:

— Подождите, вы сказали, что Онести уехала?!

— Минут пятнадцать назад. Часы тогда только пробили десять. А разве вы не знали?

Джесс отрицательно замотал головой и тут же пожалел об этом, ибо перед его глазами все закружилось от острой боли.

— Но я думала, что она... — начала Роуз, но тут же замолчала и досадливо махнула рукой. — Впрочем, сейчас уже не имеет никакого значения, что я думала. Гораздо важнее, что была не права. И должна вам признаться, что с самого начала не одобряла намерение Онести путешествовать в одиночку.

Джесс также относился к этому отрицательно. В первую очередь потому, что Онести, несмотря на всю свою решительность, очень плохо представляла себе опасность этого предприятия.

Может быть, ему не следовало так категорично отказывать ей?

Но — нет, нет и еще раз нет! Сам Бог тому свидетель, Джесс слишком часто позволял

себе оттягивать важные решения, чтобы позволить себе подобную вольность! Тем более что Онести — вполне взрослая и неглупая женщина. А потому все должна понимать. Ведь он уже сказал ей, что связан срочным контрактом и никому не может позволить задерживать себя хотя бы на день!..

Не успел Джесс отвести взгляда от Роуз, как внезапный шум на улице заставил обоих броситься к окнам. В первый момент из-за густого облака пыли, поднявшегося перед конюшней, ни он, ни Скарлет не могли понять, что происходит. Джесс распахнул дверь и вместе с Роуз выбежал во двор. Сквозь оседавшую пыль они увидели удалявшиеся фигуры трех всадников — двух мужчин и одну женщину.

Так это же Онести! — пронеслось в мозгу Джесса. И на его лошади!

— Смотрите! — не своим голосом закричал он. — Онести украла мою лошадь!

Роуз схватила его за руку:

— Нет, она не могла этого сделать!

— Но это так, черт побери!

Джесс уже не сомневался, что Онести все это задумала сразу же после его отказа помогать ей в поисках брата. И заодно сговорила с какими-то подонками, чтобы те сопровождали и охраняли ее. Но если она воображает, будто он так легко отдаст ей Джемини, то глубоко ошибается!

Джесс засунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. Джемини резко замедлил бег, затем на мгновение остановился и, круто повернувшись, поскакал назад. Онести не удержалась в седле и упала на землю. Но тут же вскочила и бросилась в сторону дома Роуз. Один из бандитов успел схватить Джемини за уздечку. Другой же перехватил Онести. Они вновь водрузили девушку на спину животного и, привязав Джемини за уздечку к седлу одной из своих лошадей, заставили следовать за ними в сторону гор.

— Дерьмо! — выругался Джесс, вытирая с лица пот. Он узнал в похитителях Роберта и его брата. Но никак не мог понять, почему они вернулись сюда после того, как он, угрожая пистолетом, заставил обоих убраться из города. Решили разделаться с ним самим? Потому что...

Но могли ли эти говнюки догадаться, что шесть лет назад именно благодаря Джессу они угодили в тюрьму? Ведь тогда он был очень коротко подстрижен, а черные как деготь брови, выцветшие с тех пор, делали его похожим на железнодорожного инспектора, роль которого он и играл в охоте за этими мошенниками. К тому же Джесс был одет в соответствующую форму...

Было совершенно очевидно: Онести последовала за этими мерзавцами отнюдь не по доброй воле. Но с другой стороны, зачем она им понадобилась?

Поток громких проклятий, раздавшийся за спиной Джесса, заставил его обернуться. Роуз с бордовым от ярости лицом исторгала из себя одно ругательство за другим. Причем трудно было определить, адресовались ли они похитителям или же Джессу, беспомощно смотревшему вслед бандитам.

— Что вы смотрите?! Сделайте хоть что-нибудь!

— Черт побери, что я могу сделать?

— Скачите за ними!

— На чем?

— Возьмите моего мула!

— Эту жалкую клячу? Будет хорошо, если его удастся вытащить из конюшни!

— Попробуйте хотя бы! Он медлительный, но сильный и надежный. Очень выносливый. Это будет лучше, чем стоять и разводить руками!

Роуз была права. Джесс не мог позволить увести Онести прямо у него из-под носа! А мул, как бы он ни раздражал, оставался единственным средством передвижения, с помощью которого можно было хотя бы попытаться настигнуть похитителей. К тому же их лошади не столь выносливы и устанут гораздо раньше, нежели эта, на первый взгляд ленивая и неповоротливая, скотина...

На второй или третий день своего вынужденного путешествия — Онести уже сбилась со счета — она стала приходить в отчаяние и терять надежду когда-либо избавиться от Роберта и его мрачного брата. Хотя оба они большую часть времени ехали впереди и делали вид, что не обращают на свою пленницу никакого внимания, уздечка Джемини была накрепко привязана к седлу лошади Роско. Поэтому даже любая произвольная попытка животного отклониться в сторону тут же пресекалась.

Так или иначе, но Онести оказалась заложницей у этих двух проходимцев, которые искали наследство Дьюса и были уверены, что его дочь хорошо знает, где оно находится. Онести же сидела в седле, внешне равнодушно поглядывая по сторонам и как бы не зная, чем себя занять.

Постепенно она все чаще стала вспоминать Джесса. Ей представлялись то его добрая улыбка, то нежное прикосновение руки, то нахмуренные брови. Но больше всего Онести думала о предательстве этого человека и его двуличии. В этот момент ей хотелось, чтобы Джесс при скачке разбил себе голову о дерево или же сорвался с обрыва.

Боже, как она могла быть настолько глупой и легковверной?! Ведь с первого часа пребывания Джесса в Ласт-Хоупе она чувствовала, что этот человек приехал не просто так и далеко не случайно. Но даже в самом страшном сне Онести не могла бы себе представить, что Джесс охотится за ее отцом...

Теперь же перед ней возникла еще одна неразрешимая задача: зачем Джесс делает это? Неужели он тоже поверил в легенду о сказочном богатстве Дьюса? Но, с другой стороны, если отец сказал Роберту о якобы спрятанном миллионе, то что мешало ему повторить подобную выдумку и кому-то еще? Другими словами, почему бы не допустить, что Джесс где-то услышал эту сказку, поверил в нее и, так же как Роберт и его брат, решил добраться до наследства с помощью дочери Дьюса?

Одновременно Онести не могла исключить и того, что Джесс остановился в Ласт-Хоупе, вовсе не зная, что она дочь Дьюса. А помогать Роуз взялся просто из сострадания. Его интерес к Дьюсу мог объясняться и чем-то другим, вовсе не связанным с легендой о спрятанном миллионе. Ведь Дьюс годами занимался мошенничеством и бессовестно обманывал очень многих порядочных людей. Возможно, что Джесс, при всей его проницательности, тоже оказался в числе обманутых ее отцом. Да что там! Ведь и сама она сумела в ту памятную ночь убедить Джесса, что между ними «все было»!

Онести поняла, что, пытаясь найти ответы на все возникающие вопросы, может вконец измучить себя. Как бы то ни было, но Джесс вел себя по отношению к ней бесчестно. И как она могла страдать по человеку, которого знала всего несколько дней и которому, как оказалось, нельзя было доверять!

Онести горестно вздохнула и постаралась сосредоточиться на уходившей вдаль узкой лентой тропинке...

Они успели отъехать от Ласт-Хоупа уже довольно далеко и теперь медленно спускались по зеленому склону холма, расположенного между двумя высокими горами с заснеженными вершинами.

Но Онести было не до красот природы. Она ежесекундно чувствовала на себе бдительный взгляд Роберта, который пригрозил, что лишит ее даже минимальной свободы,

если та попытается послушаться. Девушка отлично понимала, что это отнюдь не пустая угроза, а потому покорно выполняла все приказания обоих бандитов. Сейчас у нее по крайней мере не были связаны руки, что давало пусть призрачное, но все же ощущение относительной свободы.

К середине дня они выехали на красивый круглый луг у самого подножия гор. Утренняя прохлада уже сменилась безжалостным летним зноем. С Онести градом катился пот, очень скоро насквозь промочивший всю одежду. Горло ее пересохло, а все тело, казалось, покрылось жгучей соленой коркой. Но Онести терпела, понимая, чем может закончиться любая ее жалоба. Пусть Роберт и Роско останавливаются там, где захотят! От нее они не дождутся даже стоны...

Бандиты остановились под тенистым деревом около мирно журчавшего ручья. Там было не так жарко. Онести мысленно возблагодарила небо за подобный подарок.

Первым с лошади соскочил Роберт. Затем — Роско. Онести же продолжала сидеть в седле. Все ее тело настолько устало, что она не могла даже пошевелиться.

В сотый раз за последние несколько дней Онести готова была разрыдаться. Она не знала, долго ли еще сможет притворяться, что знает, где найти Дьюса и его припрятанный миллион. К тому же, как ей показалось, Роберт начинал терять терпение. А это означало, что если в самое ближайшее время не произойдет чудо, то ей придется плохо.

Неожиданно откуда-то сверху раздался мрачный голос, перемежавшийся сатанинским хохотом:

— Привет, друзья! Вот мы и снова встретились!

Роберт и Роско оцепенели. Онести подняла голову и посмотрела вверх. Ее глаза широко раскрылись, а сердце бешено заколотилось. На толстом суку дуба сидел человек.

— Джесс?!

— А вы ожидали увидеть еще кого-то?

Не веря своим глазам, Онести завертела головой.

В следующую секунду до ее ушей долетело проклятие Роберта. Обернувшись, Онести похолодела от ужаса. Рука Роско потянулась к висевшему на поясе пистолету. Но прежде чем тот успел расстегнуть кобуру и выхватить оружие, Джесс ухватился за ветку дерева, повис на ней и, вытянув вперед ногу, со всей силой ударил Роско сапогом в лицо. Бандит громко вскрикнул и, упав на землю, зажал ладонями вторично сломанный нос, из которого хлестала кровь. Тем временем Джесс словно коршун налетел на Роберта, сбив его с ног.

— Чего вы ждете, Онести? — крикнул он, стоя между двумя лежащими бандитами. — Бегите отсюда, черт побери!

— Не могу же я оставить вас здесь одного!

— Бегите, говорю вам! Я вас очень скоро догоню!

Джесс ударил хлыстом по спине Джемини. Тот рванулся и сразу же перешел в галоп. Онести, вцепившись обеими руками в его пышную, развевающуюся на ветру гриву, старалась удержаться в седле. Наконец ей удалось добраться до узды. Но смирить взбунтовавшееся животное было невозможно. Джемини стрелой несся по склону холма, забыв про хозяина, оставленного далеко позади.

Проскакав не меньше мили, Джемини наконец остановился. Онести тяжело дышала. С большим трудом она заставила себя отпустить уздечку и выпрямиться в седле.

Оглядевшись, Онести долго смотрела назад, не зная, что делать дальше: ждать ли Джесса здесь или же вернуться? Что, если он погиб, пытаюсь ее спасти? Ведь Роберт мог

застрелить его точно так же, как недавно застрелил Дьюса. И сможет ли она сама когда-нибудь обрести покой, если даже не сделает попытки прийти ему на помощь?

Онести натянула было поводья, чтобы повернуть назад, но в следующую секунду увидела самого Джесса, скакавшего к ней и нещадно погонявшего капризного мула. Приглядевшись, она не заметила на нем ран. Только у левого глаза кровоточила свежая ссадина. Волосы, обычно собранные в пучок на затылке, падали на плечи и закрывали шею. Нерасчесанные бакенбарды неряшливо торчали. По измятой и грязной одежде можно было понять, что ее хозяин давно не переодевался.

И все же Джесс показался ей самым прекрасным из всех мужчин, которых она когда-либо встречала в жизни...

Онести соскользнула с седла и улыбнулась своему спасителю. Ответной улыбки не последовало.

— Черт побери! — заорал Джесс, подъехав ближе. — Что вы делаете?! Я ведь предупреждал, чтобы вы не путешествовали в одиночку!

— Но я вовсе не путешествовала! — растерянно пробормотала Онести. — А просто решила уехать отсюда. Эти же двое поджидали меня у ворот дома Скарлет. Вот и все!

— Лучше поблагодарите Бога за то, что остались живы! Быстро в седло, и едем!

— Куда?

— Назад в Ласт-Хоуп. Я провожу вас к Роуз.

— Я туда не поеду!

— Сейчас не время для споров и пустой болтовни. Я чертовски измучился, разыскивая вас! Так что садитесь на Джемину, и мы возвращаемся к Скарлет.

— Я уже сказала, что туда не поеду! У Роуз я не просто жила все эти три месяца, а зарабатывала деньги на поиски брата. Теперь они у меня есть. Поэтому в Ласт-Хоупе мне больше делать нечего!

Джесс поднял руку, и Онести показалось, что он хочет ее ударить. Она гордо вскинула голову и молча посмотрела ему в глаза. Вернуться к Роуз? Что ж, для этого Джессу придется и впрямь хорошенько избить ее!

Рука Джесса опустилась, так и не причинив Онести никакого вреда.

— Прекрасно! — фыркнул он. — Если вы, невзирая ни на что, решили-такй заниматься поисками брата, то давайте поедem вместе.

Онести ошалело посмотрела на своего спасителя. Потом сжала губы.

— Спасибо, но я не нуждаюсь в вашей помощи, Джесс! — с трудом выдавила из себя девушка. — Думаю, что защитить себя и сама смогу!

— О да! Пусть те два негодяя выкрали вас с неизвестно какими намерениями, но с ними вы чувствовали себя в безопасности! Простите, но я, видимо, ошибся, предлагая свои услуги!

Джесс повернулся и сделал шаг к лошади. Глаза Онести сузились.

— Разве вы не пошутили, предлагая мне сейчас то, в чем наотрез отказали совсем недавно?

— Вовсе нет! Я говорю совершенно серьезно. Наши пути сходятся. Во всяком случае, до границы Техаса. Если нам удастся раньше разыскать вашего брата, то что ж, тем лучше! Если же нет, то мы подыщем вам другого попутчика. И тогда вы отправитесь своей дорогой, а я — своей.

Еще накануне, услышав от него подобное предложение, Онести была бы счастлива. Но после того, как подслушала его разговор с теми бандитами, все изменилось.

— Что с вами произошло, Джесс? — спросила она. — Всего три дня назад я просила вас о помощи. Но тогда вы решительно отказались. При этом ссылались на какую-то работу, которую вроде бы не можете бросить. И вдруг сейчас готовы сделаться моим попутчиком и даже защитником. Как все это прикажете понимать?

Джесс долго и угрюмо смотрел на Онести, словно пытаясь заставить ее устыдиться подобного вопроса, дать почувствовать, что она, в сущности, вторгается в запретные сферы. Потом со вздохом сказал:

— Если бы я сразу же согласился, то вы бы не попали в лапы тех двух братцев...

От удивления у девушки отвисла челюсть. Что это? Признание Джессом своей вины? Но почему? Или же он...

— Но кто вы сами, Джесс Джонс, если это, конечно, ваше настоящее имя? — прошептала она. — Тоже бандит? Преступник, которого разыскивает полиция? Кто же, наконец?

— Боже, как вам все это могло прийти в голову?!

Онести с трудом удержалась, чтобы не сказать ему, что ни один приличный человек никогда бы не стал связываться с такими мерзавцами, как братья Трит. Но вовремя опомнилась и медленно произнесла после длинной паузы:

— Вы не золотоискатель, не шахтер и, уж конечно, не ковбой! Скорее производите впечатление профессионального игрока, садящегося за карточный стол только в случае крайней нужды или для каких-то тщательно скрываемых целей.

— Ради Бога, Онести, избавьте меня от уроков логики! Лучше скажите, дорогая, что вы намерены делать дальше? Нужна, в конце концов, вам моя помощь или нет?

— Нужна... Но не особенно...

— Очаровательно! Но только в будущем не говорите, что я вам ее не предлагал.

Джесс тронул поводья лошади, явно намереваясь уехать. И тут Онести неожиданно охватило самое настоящее отчаяние. Она не сомневалась, что Джесс без всякого сострадания оставит ее. А это означало, что она, путешествуя в одиночку, может легко стать жертвой первого попавшегося разбойника! Самая же главная опасность заключалась в том, что где-то совсем неподалеку остались Роберт и Роско. Впрочем, даже приняв предложение Джесса, она все равно попадет в зависимость от прихотей бессовестного и непредсказуемого бродяги, каковым он сам и является...

Но все же этот вариант представлялся Онести предпочтительнее. Конечно, она больше не может ему доверять. Однако в случае какой-нибудь серьезной опасности Джесс, пожалуй, защитит ее...

— Хорошо! — крикнула она в спину садившемуся на лошадь Джессу. — Я согласна, чтобы вы сопровождали меня. Но только до техасской границы.

Пусть! Все же рядом с ним она будет чувствовать себя в безопасности. Если только... Если только он не пронюхает о родственной связи между ней и Дьюсом...

Первым делом Джесс решил продать ленивого мула и купить для Онести хорошую лошадь. Он просто боялся потерять по дороге девушку, которую мул тащил где-то далеко позади Джемини. Мул плелся так медленно, что за первый день они проехали не более пятнадцати километров. Правда, Онести это не очень тревожило. Она с интересом смотрела по сторонам, теперь уже позволяя себе любоваться снежными вершинами и покрытыми зеленью склонами холмов, с наслаждением дышала свежим, кристально чистым воздухом.

Тропинка вилась вдоль берегов быстрой и шумной реки Арканзас, изобиловавшей

порогами и небольшими водопадами. Каждый раз, когда кругом становилось особенно красиво, Онести настаивала на остановке для недолгого отдыха.

— Вы не можете каким-нибудь образом заставить эту вонючую скотину тащиться хоть немного быстрее? — не выдержал наконец Джесс.

— Не раньше, чем мы спустимся к подножию гор. Видите ли, этот мул не рожден для скачек.

Но Джессу было не до шуток. Он мрачно посмотрел на спутницу и нервно зевнул. Онести заметила это и улыбнулась:

— Вы думаете, что те двое за нами гонятся?

Джесс представил Роберта и Роско, которых он оставил привязанными к деревьям, и тоже улыбнулся:

— Уверен, что они уже долго не смогут никого преследовать.

Онести помолчала несколько мгновений и вздохнула:

— А я ведь даже не поблагодарила вас за свое избавление!

— Не воображайте! Я поехал спасать отнюдь не вас, а свою лошадь!

— Извините...

Джесс ожидал, что Онести, как и любая другая женщина, попавшая в подобную ситуацию, непременно начнет ворчать и жаловаться на судьбу. Но ничего подобного не услышал. Более того, до конца дня она произнесла всего несколько фраз, за что он был ей премного благодарен.

Но все же, остановившись к вечеру на берегу Арканзаса, Джесс неожиданно почувствовал потребность поговорить. Не важно о чем! Он невольно обернулся, дабы удостовериться, что Онести рядом. А кроме того, подсознательно хотел еще раз убедиться, что позади него на скучном муле трясется та самая певица, которая всего два дня назад стояла на сцене и пела, приводя в экстаз сидевших за столиками сексуально озабоченных мужчин. Та самая женщина, которая, облачившись в красное платье, с достоинством спускалась по лестнице в игорный зал и которая своими знойными глазами и обворожительной улыбкой растеребила его душу. Но сейчас в ее глазах читалась усталость.

Джесс внимательно посмотрел на девушку и понял, насколько она измучена. Это было заметно не только по ее лицу, но и по ссутулившейся фигуре. Ей был крайне необходим отдых, хотя бы самый короткий...

Снова и снова Джесс проклинал свою приверженность долгу чести, заставившую его не только прийти на помощь Онести, но и на время всего их путешествия превратиться в ее телохранителя. Причем в поисках совершенно незнакомого ему человека, само существование которого в этом мире было под большим вопросом.

Но размышлять об этом сейчас было уже поздно. Волей или неволей, но именно Джесс теперь взвалил на свои сильные плечи всю тяжесть ответственности за эту девушку. Тем более что за ней охотились братья Трит. Что ж, он проводит ее до тexasской границы. Если брат Онести до той поры не найдется, Джесс может поручить дальнейшие заботы о своей нынешней спутнице одной знакомой супружеской паре, живущей в Техасе, которой он полностью доверял и не сомневался, что они смогут, не подвергая девушку опасности, легко переправить ее в Галвестон...

...Позади остались покрытые зеленым бархатом горы. Теперь перед беглецами расстилались прерии. Ветер волновал высокую сочную траву. Стройные осины и коренастые молодые дубки выстроились вдоль берегов прохладной реки. Между ними мирно паслась

пара мулов.

— Чуть подальше мы устроим привал и немного отдохнем. — Джесс обернулся к Онести.

— Уже? Ведь еще даже не начало смеркаться!

— Сумерки вот-вот наступят. А кроме того, надо дать отдохнуть и задать корм животным. Да я и сам, признаться, проголодался!

Признание Джесса тут же подействовало на Онести. Она вдруг почувствовала пустоту в желудке и легкое головокружение. Но теперь, когда впереди пусть неясно, но замаячила цель, задерживаться не хотелось. А потом, Онести не очень-то прельщала перспектива спать рядом с Джессом под этими осинами. Правда, с той ночи, которую они провели вместе, Онести чувствовала себя по-настоящему свободной, хотя и... одинокой. Но Джесс был очень даже привлекателен, и она отнюдь не была уверена, что, если он захочет овладеть ею, сможет долго сопротивляться...

Тем временем путники подъехали к осинам. Джесс спрыгнул с лошади и распрямил спину.

— Болит? — участливо спросила Онести.

— В зависимости от погоды, — буркнул он. Джесса всегда раздражала чья-то непрошенная забота о его самочувствии.

Он снял с седла свой саквояж и перекинул его через плечо.

— Там есть что-нибудь съестное? — спросила девушка.

— Съестное? Гм-м... Пара бутербродов... Котлета... Яблоко... А разве вы не захватили с собой продуктов?

Эти слова заставили Онести задуматься о том, насколько плохо она подготовилась к путешествию. Правда, для этого у нее почти не было времени. Она успела захватить с собой лишь смену чистого белья, бутылочку воды на случай жажды и сумочку с деньгами. Благо, что о ней не знали братья Трит!..

— Я не ожидала, мистер Джонс, что во время своего путешествия должна буду кормить целую армию, — с сарказмом ответила она. — А мне одной для того, чтобы добраться до Кэнон-Сити, потребовалось бы совсем немного.

— Кэнон-Сити? Но мы не будем проезжать этот город!

Онести, уже намеревавшаяся слезть с седла, на мгновение застыла.

— Как не будем? Ведь, судя по карте, мы непременно должны через него проехать!

— Какой карте?

Черт побери! Онести вовсе не намеревалась знакомить Джесса с картой, купленной у бродячего актера вскоре после смерти Дьюса! Она предвидела, что ее спутник непременно засыплет ее градом вопросов, на многие из которых она не сможет дать вразумительного ответа. Но сейчас эта карта лежала сверху в ее раскрытом саквояже. Джесс с интересом смотрел на нее, а потому отпираться или придумывать какую-то легенду было бесполезно.

— По карте, которую я выторговала за немалые деньги у одного из артистов бродячей труппы, — ответила Онести, отведя взгляд в сторону. — Он также сказал мне, что Джордж с другой подобной же труппой поехал в Галвестон. И отметил звездочками маршрут этого бродячего театра.

Джесс оторвался от карты и внимательно посмотрел на Онести:

— Кто еще знает о ее существовании?

— Только тот человек, у которого я ее купила.

Джесс глубоко вздохнул и мрачно сказал:

— К сожалению, должен вас разочаровать. Мы не будем проезжать через эти города. Наоборот, постараемся держаться от них подальше. Наш путь лежит на юг, где мы постараемся поймать первый же поезд, идущий в Нью-Мексико.

— Но как же мне тогда разыскать своего брата? Ведь вы упорно не желаете посещать именно те места, где он вероятнее всего может находиться!

— Поезд доставит нас в городок Тринидад. Если эта бродячая труппа там гастролировала, мы непременно о ней услышим. После чего тут же переедем в Техас, который, кстати, отмечен на вашей карте звездочкой. И если ваш брат до этого нигде не проявится, будем ждать его там.

— Мы вроде бы не договаривались о том, что вы будете мной командовать! — вскипела Онести. — И не ждите, что я стану оплачивать ваши услуги телохранителя. А потому отвезите меня лучше туда, куда я хочу поехать!

— Прекрасно! Но только не в Кэнон-Сити.

— Что вы имеете против этого города?

— Он будет вторым, где вас скорее всего станут разыскивать.

— Какой же первый?

— Ласт-Хоуп.

Боже, ведь Онести знала, что Джесс скажет именно это! И тут в ее мозгу блеснула тревожная мысль.

— Вы думаете, что они могут навредить Роуз? — в ужасе спросила она.

— Видите ли, Скарлет Роуз очень сильная женщина и сумеет за себя постоять. Так что лучше сейчас оставайтесь здесь и займитесь делом. Пока я спущусь к реке и постараюсь поймать пару-другую форелей, вы попытайтесь разжечь костер. Вот вам пистолет на всякий случай. Только обращайтесь с ним осторожно и не подстрелите себя.

Джесс протянул ей «кольт» и исчез за деревьями. Онести презрительно скривила губы, повторив про себя: «Попробуйте разжечь костер... Не подстрелите себя...» Если бы он знал, кому дает подобные советы! Сколько тысяч раз она уже устраивала привалы и разжигала костры! И давно может все это делать даже с закрытыми глазами! Неужели он все еще не понимает, что ее сегодняшняя растерянность — всего лишь следствие неожиданного нападения бандитов, охотящихся за несуществующим богатством Дьюса?!

Что ж, видит Бог, она сумеет ему это доказать!..

Джесс угрюмо смотрел на сморщенную рябью поверхность реки, думал об Онести и карте, которую она ему показала. Отмеченный на ней маршрут очень напоминал тот, который, отправляясь в путь на поиски Дьюса, начертал для себя он сам. Этот путь должен был протянуться от Колорадо до Нью-Мексико и далее — через Техас к берегу океана.

Онести объяснила, будто бы получила эту карту от актера бродячего театра, который, как она сказала, видел ее брата в составе еще какой-то бродячей труппы. Некоторая логика в подобном объяснении, несомненно, присутствовала. Джордж Мэллори, опять же по словам его сестры, действительно был профессиональным актером. Вместе с тем Джесс подсознательно чувствовал, что Онести лжет ему. Но в чем заключалась эта ложь, он разгадать не мог.

Тем не менее Джесс был готов поспорить на свои новые сапоги, что скрываемая Онести тайна каким-то образом связана с Джорджем Мэллори. Но, черт возьми, где же он раньше слышал имя и фамилию этого человека? В Денвере? В Лидвилле? Опять же — в Дурандо?

Может быть, кто-нибудь из сотрудников его розыскного агентства прольет свет на эту тайну? С тех пор как Джесс отослал Макпарланду свое последнее донесение, прошло несколько недель, и если тот его получил, то должен вот-вот ответить. Теперь Джессу необходимо снова телеграфировать шефу обо всех подробностях расследования дела Магуайра, а заодно попросить сообщить все, что известно о брате Онести.

В то же время сама Онести представлялась Джессу своего рода детской шарадой, в которой отсутствовало слишком много такого, с помощью чего можно было бы ее разгадать. Те маленькие зацепки, которые он все же успел заметить, мало чем могли помочь. И чем глубже он проникал в эту шараду, тем сильнее ему хотелось найти ответы на все свои вопросы.

Джесс вернулся минут через сорок с двумя пойманными и уже очищенными форелями. Он нашел Онести сидящей на земле перед грудой хвороста и сухих веток и закутанной в снятое с седла одеяло, чтобы не простудиться.

— Почему вы не разожгли костер? — хмуро спросил Джесс.

— Потому что вы не оставили мне спичек.

Джесс вздохнул, полез в карман и, вытащив спичечную коробку, бросил Онести.

— Красивая коробка! Где вы ее взяли?

— Мама подарила на прошлое Рождество.

— У вас есть мама?

— Естественно! Или вы думали, что меня нашли в капусте?

— Вообще нет! Просто мне казалось, что у вас не осталось родственников и нет близких друзей.

Джесс подумал, что в чем-то Онести была права: очень немногие его коллеги по розыскному агентству сохранили близкие родственные или дружеские связи.

Но вслух сказал совсем другое:

— Вы ошибаетесь, Онести! У меня есть и родственники, и друзья. Кстати, моя мама очень хорошо пела и часто выступала перед публикой. Должен признаться, что ваши голоса очень даже похожи!

— Почему она перестала заниматься пением?

— Мама сказала мне, что больше не может слушать музыку.

Онести внимательно посмотрела на Джесса. Он заметил это и отвернулся, словно боясь, как бы она не увидела в его глазах больше, чем он хотел бы. Онести отвела взгляд и принялась рассматривать спичечную коробку. Но когда повернула ее вверх дном, Джесс обратил внимание, что там нанесены знаки, которых никто не должен знать. Он быстро протянул руку и вырвал коробок из рук девушки. Та в изумлении на него посмотрела:

— Зачем вы так? Я ведь только хотела посмотреть, как она открывается. И ничего больше!

— Извините, я сам разожгу костер.

Онести поспешила переменить разговор:

— А ваша мама, Джесс? Где она сейчас?

— Скорее всего в Монтане.

— И что делает?

— Полагаю, вместе с моей бабушкой содержит какое-нибудь игорное или увеселительное заведение. Кроме того, я недавно узнал, что она примкнула к феминистскому движению, добивающемуся принятия закона о праве женщин голосовать. И, насколько я знаю собственную матушку, она определенно играет там далеко не последнюю роль.

— А я не помню свою мать.

— Она умерла?

— Да. Умерла, когда я была еще совсем маленькой. Отец никогда о ней не рассказывал. Наверное, это было бы ему очень больно.

— Понятно.

Джесс встал, подошел к Джемини и вытащил из привязанного к седлу саквояжа медную сковородку с деревянной ручкой. Когда же вернулся к костру, то с удивлением увидел, что Онести, протянув вперед обе руки, выжидающе смотрит на него.

— Что?

— Сковородку.

— Что «сковородку»?

— Дайте ее мне. Вы поймали и очистили рыбу. Теперь ее надо поджарить. Этим, с вашего позволения, займусь я.

Джесс громко рассмеялся.

— Послушайте, мистер Джонс! Пусть я не смогла разжечь костер. Но поджарить-то пару форелей уж, наверное, сумею!

Через несколько минут Джесс с наслаждением уплетал деликатесную рыбу, которая прямо-таки таяла во рту.

— Это самая вкусная еда, которую я попробовал после отъезда из Ласт-Хоупа!

— Вот как! Значит, я не совсем беспомощная хозяйка и могу еще кому-нибудь пригодиться!

— Я никогда не считал вас беспомощной!

— Еще бы! Разве у вас были какие-нибудь основания думать обо мне иначе?

— Послушайте, Онести! Я понимаю, что вам пришлось пережить несколько очень трудных дней. И мне, видимо, не удалось их как-то скрасить... — Джесс сделал паузу, после чего убежденно сказал: — Но мы обязательно разыщем вашего брата!

— Надеюсь.

— А что вы намерены делать, если мы его действительно найдем? Ведь он, насколько я понимаю, бродячий актер. Так? Вы собираетесь скитаться вместе с ним по всей стране?

Вопрос застал Онести врасплох. Но, помолчав несколько мгновений, она все же ответила:

— Откровенно говоря, я об этом не задумывалась. Сначала надо его найти! Потом мы решим, как быть дальше.

«Если мы найдем его», — подумал Джесс, но вслух сказал:

— Наверное, вам было очень тяжело потерять отца?

Онести чуть было не подавилась куском форели. Но не успела она ответить, как Джесс задал уже следующий вопрос:

— От чего он умер?

— Его застрелили.

— А я думал, что причиной смерти была болезнь.

— Кто вам это сказал?

— Роуз. Говорила, что вы приехали в Ласт-Хоуп устраиваться на золотоносные шахты после того, как все ваши близкие умерли от дифтерии.

Онести потупила взгляд и вытерла лежавшим на коленях носовым платком неожиданно вспотевшие руки.

— Вы, верно, что-то неправильно поняли, — сказала она, пытаясь уйти от продолжения неприятного разговора.

— Что я не так понял? — не унимался Джесс. — То, что вы работали у золотоискателей, или же слова Роуз о причине смерти вашего отца?

— С каких это пор вас стала так интересовать моя личная жизнь? — фыркнула в ответ девушка. — И еще: разве я когда-нибудь подвергала вас подобным вопросам или затрагивала темы, которые меня вовсе не касаются? Согласитесь, что ничего такого никогда не было! А потому, пока вы сами не станете хоть чуть откровеннее, не ждите того же от меня!

Онести встала и пошла к реке. Джесс смотрел ей вслед, с трудом сдерживаясь, чтобы не догнать ее и не извиниться. Почему — он сам не знал. Эта женщина с первого дня их встречи перевернула вверх дном всю его жизнь. И если кто-то из них двоих и должен был извиняться, так это именно Онести, а уж никак не он! Разве не она вовлекла его в свои проблемы? И при этом все хранила в секрете, одновременно настаивая, чтобы он отложил собственные срочные дела!

Поэтому даже если бы Джесс и решился принести Онести извинения, то вряд ли нашел для этого нужные слова. Извинения всегда давались ему с трудом...

И все же Онести была права: Джесс добровольно согласился стать ее защитником. Именно защитником, а не обвинителем. А значит, не имел никакого права выпытывать у нее секреты. Конечно, если хотел остаться ее союзником...

Было около трех часов ночи, когда какой-то звук разбудил Джесса. Открыв глаза, он понял, что это ему привиделось. Кругом стояла полнейшая, ничем не нарушаемая тишина. Слышалось только мягкое журчание реки.

Все было как всегда. Разве что Джесс не остался в одиночестве минувшей ночью. По другую сторону умирающего костра спала Онести. В темноте ночи, окутавшей девушку плотнее, чем натянутое до подбородка одеяло, Джесс мог разглядеть лишь смутные очертания ее стройного тела. Но он ощущал и с наслаждением вдыхал волшебный аромат волос, рисуя в воображении ее совершенную фигуру.

Джесс посмотрел на черное небо, усыпанное бриллиантами звезд. Может быть, присутствие этой прекрасной женщины разбудило его так рано? Что ж, возможно, и так! Во всяком случае, Джесса не покидало странное чувство, будто кто-то упорно перетягивает на себя покрывало звездного небосвода, усеянное звездами.

Черт побери, о чем он думает? Что за дурацкие мысли? Джесс перевернулся на другой бок и закрыл глаза.

Но откуда-то снова возник все тот же неясный звук. Джесс открыл глаза и прислушался. Может быть, это плачет Онести? Или стонет во сне?

Он сбросил с себя одеяло, поднялся на ноги и, перешагнув через потухающий костер, наклонился над спящей девушкой.

Тлеющие угли бросали красноватый отблеск на щеки Онести и золотили прядь волос, упавшую на лоб. В этот момент она вздрогнула и вновь издала звук, похожий на слабый стон. Только сейчас Джесс заметил, что широкое одеяло, укрывавшее ее, было дырявым. Согреться под ним было просто невозможно. Особенно в столь ранний студеный час у подножия высоких гор со снежными вершинами...

— Онести, вам нехорошо? — шепотом спросил Джесс.

Ответа не последовало.

Каждый мужчина, считающий себя джентльменом, непременно предложил бы дрожащей от холода даме свое одеяло. Но Джесс никогда не считал себя таковым. Онести же пока ничем не доказала свою принадлежность к кругу светских дам. Конечно, можно было лечь рядом. Тогда Джесс согрел бы спутницу теплом своего тела. И зубы ее перестали бы отбивать барабанную дробь, не дававшую Джессу заснуть.

Не раздумывая он взял свое одеяло и лег рядом с Онести, положив руку на ее талию. Но, черт побери, какой волшебный аромат исходил от этого небесного создания! Джесс вдруг почувствовал, что теряет сознание. Какое наслаждение может доставить мужчине столь совершенная женщина, лежащая совсем рядом!

Он крепче обнял девушку и почувствовал, как она тоже прижимается к нему всем телом. Джесс закрыл глаза и с трудом подавил готовый вырваться из груди страстный стон. Он решил лишь держать Онести в объятиях, и не более того! Как бы привлекательна она ни была, какой бы волшебный аромат от нее ни исходил и как бы ни трудно было ему сохранять над собой контроль, он будет спокойно лежать с закрытыми глазами.

Дыхание Джесса остановилось. Нервы напряглись до предела. В этот момент ему хотелось лишь вдохнуть аромат ее волос, но губы сами коснулись виска Онести... Потом прижались к ее шее... Теплой мочке миниатюрного уха... Каким-то образом его ладонь оказалась на ее бедре, а пальцы, проникнув под шелк панталон, стали нежно поглаживать гладкую кожу ягодиц. Когда же Джесс почувствовал, как восстала и затвердела его мужская плоть, он порывисто прижал девушку к себе. И тонкое одеяло, которым они оба были прикрыты, показалось ему чуть ли не раскаленным...

Слабый внутренний голос предупреждал, что он балансирует над пропастью, но закипевшая в жилах кровь уже не внимала требованиям рассудка.

А Онести все крепче прижималась к нему. Соски ее груди окаменели. Низ живота запылал нестерпимо жарким огнем. Дыхание сделалось лихорадочным.

Она открыла глаза и на мгновение отстранилась.

— Джесс?

— Вы хотели увидеть кого-то другого?

— Боже, что вы делаете, безумец?!

— Неужели не понятно? Ваши зубы стучат от холода, да так громко, что с этого дерева начали падать листья. Вот я и решил вас немного согреть.

— Но я не просила меня трогать! Равно как и не приглашала ложиться рядом.

— Мне показалось, что в данном случае никакого приглашения не требовалось.

— Не сомневаюсь, что в конце концов это должно было случиться! — пробормотала Онести, чувствуя, как в ней растет раздражение.

— Что должно было случиться? — захихикал он.

— А вот то самое! То, что я здесь, рядом с вами. И готова, как вы, конечно, думаете, безраздельно вам принадлежать. Уверена, что, как только я повернусь на спину, вы окажетесь на мне.

Появившееся на лице Джесса выражение изумления тут же сменилось холодной маской ущемленной мужской гордости.

— Вы не были столь стыдливы и недоступны при первом моем прикосновении.

— Тогда все было по-другому!

— В каком смысле? И что с тех пор изменилось? Ведь я хочу вас! А вы — меня! Назначьте наконец цену!

В глазах Онести вспыхнуло самое настоящее бешенство, щеки сделались пунцовыми.

— Вы спрашиваете, что с тех пор изменилось? Очень многое! Начать с того, что я больше не работаю у Скарлет Роуз. Не желаю выставлять свое тело на потеху каждому постояльцу, независимо от того, сколько тот готов заплатить. Это относится и к вам. Я не продаюсь ни вам, ни кому бы то ни было еще! И ни за какие деньги!

Девушка повернулась на другой бок и потянула одеяло на себя. Она уже не помнила, что еще накануне была готова продать Джессу свою невинность только за то, чтобы он согласился на ее предложение.

Джесс же сжал зубы от злости. Дьявол! Она была холодной как лед! Но к тому же очень усталой и... напуганной.

Однако Онести очень хорошо понимала, что за человек лежал рядом. Ей хотелось наказать Джесса и за допущенную им во время ее сна вольность, и за то, что он разбудил в ней спавшие чувства, чего до сих пор не удавалось сделать никому, но в глубине души Онести очень даже хотелось, чтобы Джесс и дальше был столь же настойчивым...

Она крепко зажмурилась, чтобы горячие слезы, начавшие заполнять глаза, не хлынули по щекам. Дьюс бы сказал, что она очутилась между дьяволом и сладостно сияющим голубым океаном. И в результате накликала на себя больше бед и всякого рода неприятностей, нежели могла переварить.

Наступило время, когда она должна была признаться себе в том, что совершила большую ошибку. А потому должна как можно скорее найти способ избавиться от этого человека...

— Вставайте, Онести! Пора в дорогу!

Девушка на мгновение открыла глаза, несколько раз моргнула и, увидев над собой темное небо, снова сомкнула веки.

— Отстаньте! Еще даже не начало светать.

— К тому времени, когда вы соизволите прийти в себя и одеться, станет совсем светло. К тому же я хотел бы успеть к Новому году попасть в Нью-Мексико. Так что вставайте! Иначе мне придется ехать без вас.

Онести повернулась на живот и подложила под голову вещевой мешок. Ее неудержимо тянуло к Джессу. Кроме того, она чувствовала такую слабость, что сомневалась, сможет ли вообще подняться на ноги, даже если очень захочет.

— Поезжайте! Я вас догоню.

— Как вам будет угодно!

Сквозь дремоту она слышала удаляющиеся шаги Джесса, потом какой-то шорох и скрип подтягиваемых подпруг. После чего вновь стало совсем тихо. Даже слишком...

Она вновь открыла глаза, приподнялась и оглянулась по сторонам.

— Вы ищете меня? — услышала она голос Джесса. Он стоял, прислонившись спиной к лошади, и насмешливо смотрел на нее.

— Вы... Вы просто разбойник! — завопила Онести. — Никогда больше не смейте так со мной обращаться! Или вы забыли, что должны меня охранять?!

Насмешка сбежала с его лица. Он внимательно посмотрел на свою спутницу и холодно сказал:

— В таком случае вам следовало бы приучиться отрывать свою ленивую задницу от постели еще до наступления полудня. Я понимаю, что это никак не вписывается в ваш обычный распорядок дня. Но имейте в виду: если вы не встанете, не оденетесь и не приготовитесь к отъезду до рассвета, то я поеду один.

Онести забросила упавшую на плечо прядь волос за спину и прошипела:

— Тогда мне придется вас уволить с должности телохранителя!

Джесс громко расхохотался:

— Как же бы мне повезло!

Он повернулся и снова принялся подтягивать седло. Онести внимательно посмотрела на своего спутника. В последние дни Джесс пребывал в отвратительном настроении. Онести не была настолько наивной, чтобы не понять причины. Она уже знала, что на состояние духа мужчины сильно влияет сексуальное удовлетворение или же, наоборот, озабоченность. Джесс, несомненно, испытывал последнее...

— Могу ли я надеяться, что ваше дурное настроение пройдет само собой, или же вы намерены продолжать валять дурака до того дня, когда мы расстанемся? — очень холодно спросила Онести.

— Если вы недовольны мной, то поищите другого лопуха, — хмыкнул он в ответ.

— Что ж, может быть, я так и сделаю...

Одевшись, Онести спустилась к реке. Поднимавшееся над горизонтом солнце ослепительными бликами отражалось в глади воды. Онести нагнулась и опустила ладонь в прохладную воду. И тут ее внимание привлекло странное нагромождение скал на противоположном берегу. Казалось, они готовы вот-вот сползти в реку по огромной гранитной плите, служившей им основанием.

Онести долго смотрела на них и вдруг почувствовала, что у нее перехватило дыхание, а сердце бешено заколотилось.

«Правда заключена в плывущих камнях...»

А что, если это они и есть?! Вдруг она и впрямь нашла то, что завещал отец? Неужели после трехмесячных поисков, за которые она обследовала буквально каждую ложбинку, каждый ручеек, каждое ущелье, и все — безрезультатно, ей наконец-то повезло?

Онести посмотрела через плечо назад и увидела Джесса, колдовавшего над костром. По выражению его лица было видно, что он раздражен долгим отсутствием спутницы. Но

теперь она не могла вернуться, не убедившись в правильности своей догадки. Или же в очередной ошибке...

Онести сняла башмаки, затем — чулки и осторожно погрузила ногу до лодыжек в воду, которая была такой холодной, что ей показалось, будто бы все тело и даже кости пронзили тысячи микроскопических иголок.

Постояв несколько секунд, она отважно двинулась вперед через быстрый поток. Надо было торопиться, пока Джесс не потерял терпение и не бросился ее разыскивать. За это время Онести должна была пройти каких-нибудь десятков с небольшим метров по мелкой воде. Это не составило бы большого труда, если бы вода не была такой ледяной.

Онести уже приближалась к противоположному берегу, когда поняла, что никаких «плывающих камней», о которых говорил Дьюс, там нет. Над берегом возвышалось простое нагромождение сорвавшихся с гор глыб — и более ничего... Почувствовав горькое разочарование, она хотела уже вернуться назад, как вдруг почувствовала, что не может сделать ни шагу. И не потому, что ледяная вода свела мышцу. Ее нога увязла в какой-то плотной, тягучей массе. Онести попыталась высвободить правую ногу. Но вместо этого увязла еще глубже. Вода дошла ей до колен. Чем энергичнее Онести пыталась вырваться из захватившего ее капкана, тем глубже уходила ногами в зыбучий песок.

— Боже мой! — в ужасе закричала она. — Я тону! Джесс!..

Эхо несколько раз повторило крик, полный отчаяния. Джесс вздрогнул и почувствовал, как в жилах холодеет кровь. Он уронил вещевой мешок, который пристраивал к седлу лошади, и бросился туда, откуда донесся голос, звавший на помощь.

— Онести, где вы?

— Помогите, помогите мне!

Джессу показалось, что теперь голос донесся уже откуда-то слева. Он кинулся в ту сторону, с трудом продираясь через частый колючий кустарник и высокую траву. Мысли его мелькали со скоростью молний. Что с ней? Может быть, на нее напала одна из огромных диких кошек, которые нередко спускаются в этих местах с гор? Или ее разыскали братья Трит? Черт побери, угораздило же его устроить привал именно здесь!

Наконец Джесс выскочил к реке. Увидев Онести, которая стояла по самую грудь в воде, он оцепенел.

— О Пресвятая Дева Мария! — не своим голосом закричал Джесс.

Не теряя ни секунды, он прыгнул с высокого обрыва в реку. Ноги его тут же почувствовали дно, а ледяная вода достигла талии. Течение реки было стремительным, и Джессу с большим трудом удавалось продвигаться вперед. К тому же его сапоги наполнились водой и превратились в две тяжелейших гири.

— Пожалуйста, побыстрее! — умоляла Онести. — Я тону!

— Только не шевелитесь! Вы попали в пловун.

Джесс обогнул опасный участок и через несколько секунд уже был на противоположном берегу.

— Не дайте мне утонуть! — заклинала Онести.

— Не дам! Только, ради всех святых, не шевелитесь! Пока будете стоять смирно, вы не утонете!

Черт побери, как же теперь быть?! Под рукой не было ни веревки, ни длинной палки...

И тут его осенило.

Джесс вспомнил про пояс, на котором носил пистолет. Он сорвал его, отбросил «кольт» в сторону и, подбежав к самому берегу, откуда начинался пловун, крикнул Онести:

— Я сейчас брошу вам конец этого пояса. Крепко ухватитесь за него руками, поднимите их над головой и падайте на спину. При этом постарайтесь максимально расслабиться.

— Но я же утону!

— Не утонете. Вы поплывете. Пловун вас поддержит на поверхности лучше, чем вода. Ради Бога, доверьтесь мне! Честное слово, я знаю, что говорю!

Онести неуверенно кивнула. Тогда Джесс бросил ей конец пояса, который она легко поймала и тут же опрокинулась на спину. Ее ноги согнулись под очень неудобным углом, а щеки очутились под водой. Но, к своему удивлению, Онести не утонула.

— Продолжайте крепко держаться за пояс! — командовал Джесс. — А я буду тянуть на себя. Вам же надо постараться высвободить из пловуна ноги. Только, повторяю, крепко держитесь обеими руками за пояс. Понятно?

Онести утвердительно кивнула. Джесс, сев на край обрыва, принялся изо всех сил тянуть на себя пояс и наконец вытащил ее на берег.

Им показалось, что до того мгновения, когда их руки соприкоснулись, прошло

несколько долгих часов. И только теперь, увидев совсем близко, как Онести трясется от холода и страха, Джесс понял, до чего же это маленькое и хрупкое создание. Как ребенок, испугавшийся темноты, она двумя руками держалась за пояс, стремясь за ним всем телом, как будто хотела вылезти из собственной кожи.

Чувство еще никогда не испытанной нежности наполнило душу этого сурового мужчины. Оно было настолько сильным, что у Джесса перехватило дыхание. Боже, если бы Онести не позвала его, если бы он не услышал ее крик, что тогда?..

Нет, он не будет даже думать о том, что бы тогда произошло! Во всяком случае, сейчас...

Прошло еще несколько минут, прежде чем девушка смогла справиться с дрожью. Джесс привлек ее к себе и прижался губами к виску.

— Давайте вернемся в наш маленький лагерь, — прошептал он.

Очень осторожно он помог девушке подняться на ноги и сделал шаг к реке.

— Нет, я туда не пойду! — запротестовала она. — Мне страшно вступить в эту реку! Я не могу!

— Можете, Онести, можете! Поймите, что вернуться к нашим лошадям можно только этим путем.

Она продолжала неподвижно стоять на месте и беспомощно смотреть на Джесса.

— Вы мне доверяете, Онести? — спросил он.

Она плотнула воздуха и молча кивнула. Он ласково провел ладонью по ее щеке и улыбнулся. Джесс не был уверен, что Онести действительно верит и доверяет ему...

...Вернувшись на берег, где был устроен привал, он помог Онести опуститься на выступ скалы и сказал:

— Вам было бы лучше снять промокшую одежду.

Она снова кивнула и стала дрожащими пальцами расстегивать пуговицы на блузке. Джесс смотрел на нее и чувствовал, как непонятное волнение наполняет его грудь. Как будто он что-то потерял. Как будто речной плывун высосал из Онести всю душу, превратив ее в послушное, не способное ни к какому сопротивлению существо. Джесс вдруг понял, что не хотел подобного перерождения.

— У вас есть сухая одежда? — спросил он.

— Е-есть... В в-вещевом м-мешке... — дрожащими от холода губами проговорила Онести.

Она с трудом произносила слова.

Джесс исчез за деревьями и через несколько минут вернулся с ее саквояжем. Вывалив содержимое на землю, он спросил, отведя взгляд:

— Вы сами сможете переодеться или мне вам помочь?

— Думаю, что смогу сама.

Джесс заметил, что зубы Онести перестали отбивать дробь, а губы подобрались и сжались. Он понял, что она постепенно приходит в себя, чего не мог сказать о себе самом. А потому вновь исчез за деревьями.

Вытащив из своего рюкзака кофейник, Джесс спустился к реке, зачерпнул чистой воды и вернулся к месту, где оставил спутницу. Но там ее не было. Зато сквозь кусты просвечивал огонек, а над ними поднимался голубой дым. Джесс понял, что Онести разожгла костер.

Она сидела у огня, вытянув руки и грея озябшие ладони.

— Итак, я уже вторично обязана вам жизнью! — обернулась она, заслышав шаги

Джесса.

— Черт возьми, но что вы делали у реки? — с раздражением спросил он.

— Что я делала? Пыталась перебраться на противоположный берег. Я заметила там какой-то блеск и подумала, что это могло быть припрятанное кем-нибудь золото.

— Полагаю, что здесь нет никакого золота. В этих песках может блестеть только пирит, который действительно нередко принимают за драгоценный металл.

— Я это поняла, дойдя до середины реки.

— Мы останемся тут до конца дня. Надо отдохнуть самим, да и лошадям — тоже.

— Это невозможно, Джесс! Что, если те двое уже напали на наш след?

Проклятие! Как он мог об этом забыть?! Ведь совершенно очевидно, что за это время братья Трит успели освободиться от веревок, которыми он их привязал к деревьям! И хотя оба, наверное, слишком устали, чтобы сразу броситься в погоню за беглянкой, немалая доля правды в словах Онести все же была.

Так что наиболее разумным решением сейчас было бы не тратить попусту время, а седлать лошадей и как можно быстрее двигаться дальше.

— Вы уверены, что сможете продолжать путь? — спросил он.

— Уверена...

Ла-Вета был одним из небольших городков, примостившихся на склонах гор. В нем останавливались железнодорожные специалисты и рабочие. Выстроенные из местного дерева и добываемого здесь же камня дома возвышались на фоне высоких сосен и устремленных в небеса горных вершин.

На карте Онести этого городка не было. Но именно здесь им предстояло пополнить запасы продуктов, продать мула и купить для Онести приличную лошадь. А главное — дать передохнуть своим разнывшимся от долгой дороги костям.

Сравнивая Ла-Вету с Ласт-Хоупом, Онести не могла не отметить, что улицы этого города были более оживленными, а лица жителей — гораздо более приветливыми и жизнерадостными. Многие из них эмигрировали из азиатских или африканских стран и работали на железной дороге. Онести обратила внимание, что около витрин и открытых дверей многочисленных небольших магазинчиков то и дело останавливались хорошо одетые женщины. Сделав или не сделав покупки, они спускались вниз по улице, ведущей к центру города. Ей сразу же стало неудобно за свою давно не стиранную, смятую одежду. Кроме того, Онести и сама чувствовала, что от нее пахнет потом, лошадьё и вообще невымытым телом. Лицо же потеряло свой обычный благородно-бледный цвет и стало бронзовым.

— Мы снимем две комнаты вон в том отеле, — сказал Джесс, указывая на двухэтажное кирпичное здание.

Онести утвердительно кивнула. После неприятного инцидента с пльвуном он разговаривал с девушкой редко и исключительно на какие-нибудь чисто практические темы. У Онести создалось впечатление, что она его огорчила и разочаровала. Действительно, какой же душой надо быть, чтобы вслепую переходить незнакомую реку! Если бы Джесс не подоспел вовремя...

Онести завертела головой, пытаясь отогнать неприятные мысли...

Но тут они подъехали к гостинице, и Онести заинтересовалась фасадом дома, в котором предстояло остановиться. Джесс же спешил у главного входа, привязал Джемини и мула к столбу, вбитому у самого крыльца, после чего помог спутнице выбраться из седла и спуститься на землю.

Они вошли в холл гостиницы. За конторкой сидел молодой человек в кепке с широким козырьком и в белой рубашке с высоко закатанными рукавами. Джесс о чем-то пошушукался с ним и предложил Онести подняться на второй этаж. При этом полуобнял ее за талию, чтобы помочь преодолеть крутые ступеньки. Онести почувствовала, как по ее спине пробежал приятный холодок...

Джесс отпер дверь комнаты, отведенной Онести. Она оказалась хотя и небольшой, но очень милой и уютной. На оклеенных розовыми обоями с серебряными лилиями стенах висели литографии, изображавшие наборы букетов из экзотических цветов. У окна стояли круглый стол и два старинных стула в стиле времен королевы Анны. Широкая кровать с одетыми в кружевные наволочки подушками протянулась на половину левой боковой стены.

Джесс оставил саквояж Онести около двери, окинул взглядом комнату и, отступив на шаг к порогу, спросил:

— Вам пока ничего больше не потребуется? Я сейчас должен уйти.

Онести бросила на него удивленный взгляд:

— Вы уходите?

— Мне необходимо выполнить кое-какие поручения. Но к ужину я непременно вернусь.

— А что я до тех пор буду делать?

— Расслабьтесь и хорошенько отдохните. Я распорядюсь, чтобы сюда принесли горячую ванну.

— Было бы очень мило с вашей стороны! Кроме того, у меня не осталось ни одной чистой вещи!

— Постараюсь упросить их все перестирывать и выгладить до моего прихода. Но прошу вас никуда не выходить из комнаты. Понятно?

Онести не успела ответить, как Джесс вышел и закрыл за собой дверь. Ее сразу же охватило горькое чувство одиночества. Она с трудом удержалась, чтобы не броситься вслед за Джессом и не вернуть его, упросить не оставлять ее одну в этом незнакомом городе, среди чужих людей. Но ведь после того случая на реке он так отдалился от нее!

А если Джесс больше не вернется?..

Онести отлично понимала, что происходит. Она позволила себе слишком привязаться к этому разбойнику и уже готова была отдать ему свое сердце! Но этого допустить нельзя! Онести вдруг поняла, что не знает, как это сделать.

Джесс бывал порой излишне самоуверенным, резким и даже грубым. Вместе с тем ему нельзя было отказать в нежности, внимательности и открытости. Кроме того, он был рядом с ней!..

Но надолго ли?

То, что он не намерен оставаться с ней навсегда, было очевидно. Он сам с первого дня их знакомства заявил об этом. Да и Онести далеко не была уверена, что хотела бы связать свою жизнь с этим человеком...

Она скрестила на груди руки и подошла к окну. Прошла минута... Другая... И из дверей вышел Джесс. Постояв немного на ступеньках крыльца, он прошелся вперед-назад под окнами гостиницы. Снова остановился. После чего решительно повернулся и направился вниз по улице, ведущей к центру...

Было время, когда Онести мечтала встретить мужчину, похожего на ее отца. Но был ли Джесс похож на Дьюса?

Снова и снова она думала о том, чего же хотел Джесс от ее отца. Спросить его об этом

Онести не могла, потому что тут же выдала бы себя. А Джесс не должен был знать, что она родная дочь Дьюса Магуайра. Трудно будет предугадать, как он поведет себя, если узнает правду. Кстати, Онести не знала также и того, что станет делать и сама, если ее подозрения о причастности Джесса к поискам сокровищ Дьюса подтвердятся. Или же выяснится, что никаких сокровищ не существует и она попросту зря тратила время.

Как бы то ни было, Онести должна продолжать эту игру! Продолжать, пока не станет окончательно ясно, что скрывал Дьюс и что значили все эти загадки о «плывущих камнях»!

Онести тяжело вздохнула и хотела уже отойти от окна, но, бросив взгляд на уходящую к центру города улицу, увидела вывеску, висевшую над входной дверью одного из зданий: «Отделение Топографического общества. Землевладение и шахты».

Боже праведный! Почему она не подумала об этом раньше?! Ведь инспекторы этой фирмы путешествуют по всей местной округе и даже за ее пределами. Они-то должны что-нибудь знать о «плывущих камнях»!

Не теряя ни минуты, Онести бросилась к кровати, вытащила из-под нее саквояж и нашла пресловутую карту. Выйдя в коридор, она осторожно спустилась по лестнице. Меньше всего на свете ей хотелось столкнуться с Джессом.

Миновав холл, она легким толчком открыла дверь и вышла на улицу...

Он услышал ее задолго до того, как увидел. На фоне расстроенного пианино звучал знакомый, полный непобедимого соблазна голос, который заставил бы сердце Джесса растаять, если бы он не был до такой степени взбешен. Только одна женщина в мире обладала таким завораживающим голосом! И только она осмеливалась использовать свой бесценный дар в качестве... оружия!

Поначалу Джесс не поверил, что Онести может быть до такой степени легкомысленна. Но уже в следующий момент вспомнил, с кем имел дело...

Сжав кулаки, он бросился вниз по Мэйн-стрит к центру города, где возвышалось громоздкое, черного цвета здание совершенно безвкусной архитектуры. Именно из его окон лился волшебный голос.

Да пошла бы она ко всем чертям со всеми своими тайнами и лживостью! Честно говоря, если бы сейчас у Джесса оставалась хоть искра благоразумия, то он тут же оседлал бы Джемини и бросился прочь, подальше отсюда! Более того, он знал, что буйная ватага железнодорожных рабочих и золотоискателей не удовлетворится лишь слушанием песенок, слетающих с губок маленькой очаровательной лгуньи. Как только она перестанет петь, эти мужланы, согретые сальными улыбками и лживо-страстными глазами, всей толпой набросятся на ее совершенное тело...

По мере приближения к заведению, явно сочетавшему в себе танцевальный клуб с публичным домом, Джесс все больше и больше убеждался в небезосновательности своих самых мерзких подозрений.

Крики и свист, доносившиеся из окон, тонули в звуках ее бархатного голоса. Глухие удары по пустой бочке и хриплые пьяные вопли, несшиеся со всех сторон, все больше накаляли атмосферу.

Джесс остановился у входа в здание, откуда мог наблюдать за происходящим внутри.

В центре пивного зала, на большом круглом столе, стояла Онести. Притопывая одной ногой в такт мелодии, она приподняла грязный после долгой дороги подол платья. Полупьяная толпа, набившаяся в зал, смотрела на нее широко раскрытыми глазами.

Первым желанием Джесса было выхватить «кольт» и перестрелять всех до единого. Но он тут же постарался унять эмоции. Стрелять? Зачем? Чтобы пробиться к столу, на котором стояла и похотливо дергалась Онести? Это было бы похоже на пошлую сценку из дешевого бульварного романа!

Но что, черт побери, оставалось делать?!

Джесс все-таки выхватил «кольт», поднял руку и выстрелил в воздух.

Сразу же стало тихо. Пуля попала в лепное украшение у самой крыши, откуда посыпалась штукатурка.

— Джесс! — воскликнула Онести.

— Представление окончено, ребята! — сурово и очень громко произнес Джесс.

Онести смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Она была изумлена. Джесс же поднял вверх другую руку и сделал пальцами всем известный масонский знак, призывавший разойтись. Когда проход в зал очистился, он вошел и направился к столу. На лице Онести заиграла улыбка. Но в этот момент из толпы вышел железнодорожный рабочий и преградил Джессу дорогу.

— Ты это что надумал? — произнес он пьяным голосом, еле ворочая языком.

Джесс поднял руку с «кольцом» и приставил дуло к его лбу:

— Эта женщина поет здесь только для меня. Понятно?

Он уже беспрепятственно подошел к столу, взял Онести за руку и, грубо стащив со стола, провел через не успевшую опомниться толпу.

— Слава Богу, что вы пришли! — заискивающе прошептала девушка, когда они выбрались на главную улицу.

— Я бы не стал благодарить за это Бога! — процедил сквозь зубы Джесс.

...Они вошли в комнату Онести. Джесс закрыл дверь, повернул ключ в замке и, скрестив руки на груди, стал у порога, широко расставив ноги.

— Что это значит? — ледяным тоном спросил он. — Стоило мне ненадолго уйти, как вы посчитали, что можете делать абсолютно все, что заблагорассудится?

— Нет, Джесс! Я сейчас все объясню.

— Постарайтесь!

Онести облизнула кончиком языка пересохшие губы и начала:

— Дело было так. Я пошла в местное отделение Топографического общества и...

— Зачем? — перебил ее Джесс. — Узнать, где можно пожить в золотишке?

— Конечно, нет! — горячо запротестовала Онести. — Я подумала, что кто-нибудь из тамошних клерков, возможно, знает о моем брате. Но около танцевального клуба...

— Вы хотите сказать — около публичного дома? — вновь остановил ее Джесс.

— Пусть так! Во всяком случае, около этого заведения меня схватили двое мужчин и сказали, что помнят, как я пела в Денвере. Я попыталась уверить их, что они ошибаются. Но ни тот ни другой даже не пожелали слушать мои объяснения, а схватили за руки и, затащив в клуб, заставили залезть на стол и петь.

— Ну а теперь расскажите наконец правду!

— Вы считаете, что я лгу?

— Считаю, что пытаетесь лгать. И не очень удачно!

— Почему я непременно должна лгать?!

— Неплохой вопрос! Люди обычно не лгут, если им нечего скрывать! Словом, снова спрашиваю: как это все понимать, Онести? Что с вами произошло? Проснулась жажда наживы, которую надо поскорее утолить? Или же вы просто решили найти себе любовника на ночь?

От возмущения у девушки сжало горло.

— Вы вульгарны и достойны самого глубокого презрения! — с хрипом выпалила она. — Боже, Джесс! Как вы могли подумать, будто мне доставляло удовольствие выступать перед этим сборищем пьяниц?!

— Но я что-то не заметил, чтобы вы протестовали против этого!

— Что вы знаете, Джесс?! Вы ведь и понятия не имеете, что значит стоять на помосте в окружении грязных и отвратительно пошлых мужиков! К тому же чуть ли не поголовно пьяных!

— Но вам по крайней мере не приходилось им лгать!

Слезы застилали глаза Онести. Меньше всего она заслуживала подобных оскорблений. Но что поделать, если с самого первого дня знакомства она представляла себя этому человеку в столь мерзком свете! Впрочем, выбора у нее не было.

Онести быстро взяла себя в руки и положила ладонь на грудь Джесса:

— Но ведь я не теряла над собой контроль! Видите ли, женщина обладает способностью казаться очень живой и волнующей или же медлительной и крайне раздражительной. Все зависит от того, что ей в данный момент выгоднее.

Брови Джесса выгнулись дугой:

— Но ведь и мужчина может обладать теми же способностями! А порой даже в большой степени. Он так же может удовлетворять или раздражать. Радовать или мучить.

Холодная дрожь пробежала по спине Онести. Но она высоко подняла голову и гордо сказала:

— Я еще не встречала такого мужчину.

— Ха! В Ласт-Хоупе вы говорили мне совершенно другое!

— Эх, Джесс, Джесс! — сокрушенно вздохнула Онести. — Неужели вы так ничего и не поняли? Гм-м... Ну, дотроньтесь до меня! Я получаю от ваших прикосновений бо-о-льшее удовольствие. Или вы все еще ни о чем не догадались? Ведь мы с вами играем, Джесс! И мужчина с вашим опытом давно должен был бы это понять!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Играем? — переспросил он. — Другими словами, мои прикосновения вас ничуть не трогают?

Онести отступила на шаг, решив, что несколько переборщила со шпильками. Джесс же перешел в наступление:

— Значит, если я дотронуся до вас вот здесь, то вы так ничего и не почувствуете?

И он провел пальцем по ее ребрам, спустившись аж до талии.

— Ничего! — с вызовом ответила она, правда, скорее самой себе, чем Джессу...

— А здесь? — Он, продолжая испытывать ее, взял руку Онести и прижался к ее ладони своими влажными губами. — Тоже ничего не чувствуете?

Прикосновение его губ к чувствительным точкам ладони вызвало во всем ее теле дрожь. Она вдруг почувствовала, как слабеют и подгибаются колени. Перед глазами поплыл туман. Сердце быстро забилося.

— А что, если я вас поцелую? — продолжал экспериментировать Джесс. — Вот так!

Его свободная рука скользнула под падающие на спину Онести волосы и коснулась шеи. Он нагнулся и, приподняв прядь локонов, запечатлел на гладкой коже горячий поцелуй.

Да, Джесс знал толк в поцелуях. Все другие мужчины, целовавшие Онести или пытавшиеся поцеловать, делали это либо грубо, либо жадно, либо слюняво. Губы же Джесса оказались удивительно мягкими и нежными. А сам поцелуй — чистым, таинственным и потому особенно волнующим.

— Неужели даже сейчас вам все безразлично? — уже с явным удивлением спросил он.

— Черт бы вас побрал, Джесс! — рассмеялась Онести.

— Дорогая, не пытайтесь меня обмануть! Ведь ваше тело все равно не может скрыть правду!

Онести подняла руку, как бы намереваясь стереть самодовольную улыбку с лица своего спутника. Но тот поймал руку и прежде, чем девушка сообразила, что он намерен сделать, сорвал со своей головы шнурок, поддерживавший волосы, и связал им ее запястья. Другой же конец шнурка Джесс привязал к своей руке.

Онести сделала попытку освободиться, но тщетно!

— Что вы делаете?! — испуганно воскликнула она.

— Успокойтесь, — улыбнулся он. — Это сделано для вашей же безопасности. Наш

поезд отправляется около полудня. А я отнюдь не уверен, что вы не приготовите мне еще какой-нибудь сюрприз. Поэтому и решил на время привязать к себе.

— Другими словами, вы собираетесь тащить меня на веревке, как свинью на скотобойню? Ну нет уж! Сейчас же развяжите мне руку! Слышите?

— Ни за что на свете! Один мой хороший приятель — очень рассудительный и умный человек — однажды сказал, что самый надежный способ не дать дикой лошади удрать — это стреножить ее!

Онести раздраженно фыркнула и попыталась разорвать шнурок.

— Чем сильнее вы будете его дергать, — предупредил Джесс, — тем крепче затянется узел.

Взяв Онести за локоть, он повел ее к кровати, добавив при этом:

— Постарайтесь привыкнуть.

— Значит, — продолжала канючить Онести, — вы считаете, что удержать женщину можно, только накрепко привязав ее к себе? Ведь так?

Джесс дернул за шнурок и ухмыльнулся:

— Нет, дорогая, иногда я плачу ей!

Итак, Джесс настроился ехать в Тринидад. Онести сидела у вагонного окна и всячески пыталась завязать разговор. Одновременно она поглядывала на уплывавшие куда-то назад леса, луга, поселки. Она думала и о том, что если бы Джесс не был так зол, то, несомненно, восхищался бы изобретательностью своей спутницы. Ведь ему и в голову не пришло наводить справки о разыскиваемом человеке в Топографическом обществе. Однако Онести не знала, что, пока она спала, Джесс все-таки побывал там и кое-что разузнал.

Нет, там ничего не знали о Джордже Мэллори. Зато слышали о Дьюсе Магуайре. О том что три или четыре года назад он проезжал через этот город в обществе молодой женщины.

Джесс впервые услышал, что Дьюс путешествовал не один, а с дамой. И его это очень даже заинтересовало. Правда, клерк не мог сказать, кем была та женщина. Но уверял, что с Дьюсом она ехала, несомненно, по своей воле. Они провели одну ночь в местном отеле, а наутро отправились дальше северным поездом.

Джесс долго раздумывал над рассказом клерка, стараясь при этом подавить в себе подозрение, что Магуайр готовил еще одно преступление, аналогичное первому. Он опасался, что молодую даму, путешествовавшую вместе с преступником, ожидала та же участь, что и девочек Джервиса. Если Магуайр дважды преступил закон, то нет никаких гарантий, что он не сделает это и в третий раз.

Итак, Джессу предстояло найти этого мерзавца прежде, чем еще одна девушка лишится жизни, а ее семья окажется разбитой.

Однако он не мог ничего предпринять против Магуайра до тех пор, пока не поручит дальнейшую заботу об Онести ее брату. Почему он чувствовал себя ответственным за судьбу этой женщины? Кроме нежелания увидеть ее в грязных руках братьев Трит, в его действиях было еще что-то. Хотя если бы Роберт и Роско догадались о его отношении к Онести, то вполне могли бы задаться целью взять ее в заложницы и заставить Джесса заплатить за ее свободу.

«Но, возможно, я здесь и ни при чем, — думал Джесс, пристально вглядываясь в профиль спутницы. — Ведь Онести потрясающе красива! И любой мужчина мечтал бы ее обладать». Включая и его самого!.. Особенно его самого!.. Сейчас Джесс признавался себе, что был бы просто счастлив вернуть хотя бы один миг той ночи...

— Перестаньте на меня так смотреть! — донесся до него голос спутницы.

Джесс с усилием отвел взгляд, сделав вид, будто читает газету. Ему было совершенно очевидно, что Онести не простила ему прошлую ночь. Но в этом была и ее ошибка. Ибо она сама поставила себя в неловкое положение...

— Вы устали, Онести! — постарался успокоить ее Джесс. — У нас впереди длинная и трудная дорога. Вам не мешало бы поспать.

— Вряд ли я смогу заснуть, — вздохнула она. — Потому как отношусь к особам, не привыкшим спать в строго определенное время.

Фраза была сказана так громко, что сидевшие поблизости пассажиры разом оторвались от газет и с удивлением посмотрели на девушку.

— Тише! — прошептал ей Джесс.

— Вы намерены заткнуть мне рот?

— Умоляю, не испытывайте моего терпения!

— Джесс, Джесс!.. Мне казалось, что такой умный мужчина, как вы, может найти более приличный и деликатный способ, чтобы заставить замолчать женщину!

Джесс вновь уткнулся в газету, но очень скоро понял, что не может прочесть даже заголовки статей. Все его мысли и чувства поглотила Онести. И не столько красотой, сколько рассудительностью и умом. Именно в этом, возможно, и заключалась ее загадочная черта. Разгадать же загадку Джесс не мог. Не помогали ни искушение, ни принуждение.

«Может быть, Онести что-то сильно тревожит? — продолжал размышлять он. — Или ей приходится спасаться от преследования?»

Нет! Тогда бы она не стала так долго задерживаться в Ласт-Хоупе. А если она сама кого-то преследует? Кстати, это выглядело более вероятным. Но тогда — кого? Своего брата? Что-то в этом было не так!.. У Онести оказалась карта. Она знала имя. Но, может быть, это просто выдумка и на самом деле никакого Мэллори на свете не существует?

Да нет же! Джесс ведь и раньше слышал это имя! Хотя... Хотя почему этот Мэллори должен непременно быть братом Онести? Почему бы не... любовником?

И наконец, почему Онести не хочет доверять ему? Если бы она была более откровенной, то он мог бы ей помочь. Ведь у него есть немало друзей. И возможностей...

Черт побери, он должен в конце концов перестать думать обо всем этом! Иначе в памяти непременно воскреснут картины давно прошедших дней, о которых он не хотел бы вспоминать!

Джесс глубоко вздохнул от охватившего его раздражения и, свернув газету, бросил ее в угол сиденья. Что ж, если ему повезет, то по прибытии в Нью-Мексико он сможет кое-что узнать. Джесс уже отослал очередной отчет Макпарланду вместе с запросом о Джордже Мэллори...

Тут его веки сомкнулись, дыхание сделалось ровным, голова откинулась на спинку сиденья, и он заснул...

Сколько времени он спал, Джесс не знал. Разбудила его Онести.

— Джесс! Джесс! Проснитесь!

Он открыл глаза и увидел, что Онести с тревогой смотрит на него.

— Что с вами? Вы не заболели?

Джесс взглянул в окно и увидел, что деревья больше не уплывают назад, а колеса вагона не стучат по рельсам.

— Почему мы остановились?

— Потому что приехали!

— Серьезно? Жаль, что так скоро!

Он взял оба саквояжа и направился к выходу.

— Посмотрим, сумеем ли мы здесь разыскать вашего братца! — бросил он через плечо, обращаясь к шедшей сзади Онести.

Неужели он выступал в миссионерской церкви?

Джесс внимательно рассматривал кирпичное здание, построенное на песчаном плато возле индейской резервации апачей. Около каменного колодца толпились куры. Чуть поодаль застыл на вечной стоянке спальный вагон, отслуживший свой век на железной дороге.

— Выглядит покинутым, — задумчиво проговорил Джесс, окинув взглядом бедное пристанище миссионеров. — А вы уверены, что брат направился именно сюда?

— Полагаю, именно сюда, — не совсем уверенно ответила Онести. — Во всяком случае, на карте это место отмечено.

— Дайте-ка я еще раз посмотрю.

Онести раскрыла саквояж, вытащила из него сложенную вчетверо карту и протянула Джессу:

— Вот.

Он развернул карту и увидел отмеченный звездочкой пункт около тexasской границы. Против звездочки стояло название: «Миссия «Сестры милосердия»».

Тем не менее Джесс подумал, что весь составленный спутницей сценарий отдает каким-то не совсем приятным душком.

— Может быть, все ушли на богослужение? — предположила Онести.

— Это в десять-то часов утра рабочего дня?! — усмехнулся Джесс. — Верится с трудом! Впрочем, всякое может быть. Подойдем поближе!

Около часовни они снова остановились. Некоторое время он напряженно вслушивался, надеясь уловить хотя бы какой-нибудь звук, свидетельствующий о чьем-то присутствии. Ничего...

— Подождите здесь, — приказал он Онести.

Сам же, вынув из кобуры револьвер, взбежал по ступенькам к двойной двери часовни.

Часовня оказалась пустой. Столовая и подсобные помещения — тоже. Но на кухонной плите в большой кастрюле поднималось тесто. Значит, кто-то здесь обитает и должен вот-вот вернуться. Что касается других миссионеров, то они, возможно, в это время проповедовали в резервации среди аборигенов.

Постояв на кухне еще несколько минут и никого не дождавшись, Джесс повернулся и возвратился туда, где только что оставил Онести. Но увидел там лишь лошадей. Девушка куда-то исчезла.

Джесс вздохнул, подошел к вагону, видимо, служившему жилищем миссионерам, решительно открыл дверь и перешагнул низкий порожек.

Там никого не было. В торце вагона он заметил маленькую дверцу, открыл ее и вновь очутился в часовне.

Пройдя молельный зал и все примыкавшие к нему комнаты, Джесс так никого и не встретил. В том числе — Онести, которую главным образом и надеялся найти.

Он снова вышел на улицу и огляделся по сторонам. И только теперь заметил у угла часовни мраморную статую, выполненную в греческом стиле. Перед ней застыла

человеческая фигура, в которой Джесс тут же узнал свою спутницу.

Он облегченно вздохнул.

— Онести!

От неожиданности девушка вздрогнула и испуганно оглянулась. Джесс насмешливо спросил:

— Изучаете? Ну-ну! А если бы сейчас вас окликнул не я, а один из братьев Трит?

— Упрек заслужила, — усмехнулась Онести. — Ну, вы нашли кого-нибудь?

— Нет. Но, похоже, миссионеры скоро вернутся. А чем занимались вы?

— Я? Рассматривала это произведение искусства.

— Статую?

— Статую. Правда, некоторых деталей в ней не хватает.

— Что ж, для античности это в порядке вещей, но вернемся в современность. В одном из подсобных помещений я заметил приготовленную горячую ванну. Не желаете ею воспользоваться? Вряд ли в ближайшее время нам представится такая возможность.

— Нет. Я лучше разыщу кухню и посмотрю, нет ли там чего поесть.

— Поесть? Но ведь мы совсем недавно плотно перекусили! Неужели вы снова проголодались?

— Лучше спросите об этом мой желудок!

Джесс внимательно посмотрел на Онести. Он уже давно понял, что она никогда ничего не делает просто так. И его приказ не слезать с лошади тоже был нарушен, видимо, с какой-то целью. А сейчас она пытается уверить его, будто хочет поискать еду. Наверняка ради того, чтобы на какое-то время остаться одной. В подтверждение его подозрений Онести, не скрывая раздражения, сказала:

— Если вам непременно хочется искупаться, то лучше сами воспользуйтесь ванной. Не беспокойтесь, я никуда не убегу! Так что вымойтесь и возвращайтесь сюда.

Похоже, что в этой миссии Онести и впрямь ничто не угрожало. Поэтому Джесс подумал: «Может, и впрямь воспользоваться советом спутницы...»

Однако оказалось, что ему следовало бы побольше беспокоиться о самом себе... Через полчаса после разговора с Онести Джесс уже сидел в маленькой деревянной ванне и, намылив куском душистого мыла все тело и голову, с наслаждением смывал с себя толстый слой грязи.

— Советую вам подольше полежать в ванне, чтобы принять мало-мальски приличный вид, — донесся до него голос Онести. — Только вместе с грязью не сдерите с себя кожу!

Джесс поднял голову и увидел Онести. Она наклонилась над ним, держа в руке куриную ножку.

— Ха! — рассмеялся он. — Вижу, вы все-таки нашли что-то съестное!

— Когда вы закончите свою баню, приходите на кухню. Там, на столе, стоит корзина, полная поджаренных куриных ножек и грудок.

Джесс закрыл глаза, представив, как вся эта вкуснятина будет таять у него во рту.

— Сколько времени займет у нас дорога до Техаса? — неожиданно спросила Онести.

— Вы хотите поскорее от меня отделаться?

Она не знала, чем ответить на эту очередную шпильку. С одной стороны, Онести была действительно очень зла на Джесса за его грубое до безобразия отношение к ней, а с другой — не могла не признать, что он порой бывал к ней очень внимателен и даже нежен. Уж не говоря о том, что дважды спас ей жизнь. Поэтому сама мысль, что дальнейшее путешествие ей придется совершать в одиночестве, больно ранила сердце.

— Вовсе нет, — ответила она после долгой паузы. — Я просто желаю, чтобы вы поскорее возвратились к привычной жизни и любимым занятиям.

Джесс поднял руку, и стекавшая по бронзовой коже тонкая струйка воды заставила Онести замереть. Совершенная форма руки, сильные, красиво очерченные плечи, гладкая кожа, густые волосы, мускулистая грудь... Гармонию здорового и красивого мужского тела нарушал лишь шрам чуть левее груди... И другой, на бедре, который Онести заметила во время памятного купания на втором этаже дома Скарлет Роуз.

Не в силах оторвать взгляда от шрама, Онести слегка наклонилась вперед.

— Как это случилось? — спросила она, указывая на затянувшуюся рану.

— Я уже сказал вам!

— Знаю. Это след от пули, выпущенной из «винчестера». Вы говорили, что тогда потеряли сознание. Но с кем дрались, не сказали.

— С другом.

— А точнее?

— Не важно, как его зовут. Он спас мне жизнь этим выстрелом. Я непременно отправился бы на тот свет, если бы он не сделал вид, будто пристрелил меня.

— Как же вас угораздило попасть в подобную ситуацию?

— Если хотите знать, то случилось все это из-за того, что я очень доверял одной женщине, у которой было нечто крайне ценное. Она меня предала!

Онести очень хотелось узнать, что это была за женщина и какими необыкновенными ценностями владела, если чуть не стала причиной смерти Джесса, но спросить об этом впрямую она не осмелилась. Джесс же мгновенно воспользовался паузой в их разговоре и сказал с улыбкой:

— Теперь ваша очередь!

— Моя очередь? В чем?

— В откровенности.

— А именно?

— Начать с того, зачем вам понадобилось непременно попасть в Галвестон?

Онести долго думала, прежде чем ответить. Конечно, она могла бы и дальше рассказывать легенду о давно потерянном брате. Но Джесс уже слишком много для нее сделал, а потому заслуживал большего, нежели ложь. В то же время опыт был наилучшим советчиком. К тому же Онести понимала, что ее жизнь зависела от умения сохранить тайну.

— Там я могу найти нечто такое, что утеряла в своей жизни, — ответила она. — И не успокоюсь, пока не найду это.

Сделав подобное признание, Онести тут же пожалела о нем. Ей вдруг показалось, что теперь она стала выглядеть очень слабой, жалкой и зависимой. Она бросила недоеденную куриную ножку в помойное ведро и вытерла сальную руку о юбку.

— Я, конечно, не уверена, что вы это поймете...

— Напротив, я понял гораздо больше, чем вы, возможно, хотели...

Онести смотрела в глаза Джесса, ставшие неожиданно детскими, и читала в них невысказанную, таящуюся где-то в недрах души исповедь. Она чувствовала, как между ними возникает невидимая связь, зарождается чистая, нежная дружба, которая при других обстоятельствах могла бы перерасти в нечто гораздо более глубокое, вечное и нерушимое...

Онести была готова рассмеяться над собственной глупостью. Могут ли их отношения длиться долго и стать глубокими, если они основаны на лжи? Значит, надо просто стараться сохранить то, что успело сложиться. А надежды на нечто более серьезное — глупы и даже опасны!

— Я устала, Джесс, — сказала она, тяжело вздохнув. — Позвольте мне прилечь возле лошадей и чуть-чуть вздремнуть.

— Надеюсь, мне не придется вновь разыскивать вас, когда надо будет уезжать? Я бы не хотел тратить на это время!

Грубоватая фраза Джесса разрушила наметившееся было примирение.

— Не беспокойтесь, — сквозь зубы Онести. — Я не хочу, чтобы вы тратили что-нибудь на меня. Особенно свое время!

Она повернулась и пошла к лошадям. Глядя вслед Онести, на ее ссутулившуюся спину и опущенную голову, Джесс принялся проклинать себя: «Ну зачем я это сказал?»

Его размышления прервал приближающийся скрип колес. Он мгновенно смыл с тела остатки мыла, выскочил из ванны и бросился туда, где оставил одежду. Но ее там не оказалось...

— Черт побери! Онести, куда вы дели мою одежду? — завопил он.

Ответа не последовало. Джесс почувствовал, как комок подступает к его горлу.

— Помогите мне, Онести! — вновь закричал он истошным голосом. — Иначе я исполокую вас до полусмерти!

Скрип колес приближался и слышался уже совсем рядом. Джесс стыдливо прикрылся ладонью, как фиговым листком, и обернулся.

Две молодые монахини с интересом наблюдали за ним из открытой двери только что подкатившего фургона...

Дальше дела пошли еще хуже.

За спинами монахинь в глубине фургона Джесс различил лицо человека, которого не видел уже лет десять и не желал бы увидеть вообще.

Мистер Купер!

Когда-то он был первым лудильщиком в небольшом городке штата Канзас. Причем его кошелек был толще, чем у местного шерифа, и это стало вызывать подозрения у членов городского муниципалитета. Для расследования дела в город под видом разорившегося скототорговца приехал Джесс. Он довольно быстро разоблачил преступную шайку, занимавшуюся кражей и перепродажей ворованного скота, в которой состоял также означенный Купер...

— Вы слышали его, святой отец? — задыхаясь от негодования, воскликнула монахиня, что была чуть повыше. — Вы слышали, как он угрожал расправой той бедной овечке?!

«Бедной овечке?» — усмехнулся про себя Джесс, но вслух сказал:

— Я же почти не знаю ее! Мы встретились с этой девушкой в одном из салонов штата Колорадо.

— Боже праведный! — закричала вторая монахиня, что была пониже ростом. — Он к тому же еще и развратил ее!

— Я никого не развращал и не намерен этого делать! — не на шутку разозлился Джесс.

Однако по лицам святых сестер он понял, что доказать им что-либо невозможно. И все же Джесс сделал такую попытку.

— Видите ли, я обещал отвезти эту девушку к ее родному брату. Вот и все! А потом намеревался вернуться назад в Колорадо.

— Для того чтобы сбить с пути истинного еще какую-нибудь несчастную женщину? — замахала обеими руками первая монахиня. — Святой отец! Вы должны что-нибудь сделать! Ведь мы здесь все — пастухи и пастушки Божьи, которым Всевышний доверил защиту его невинных овечек и барашков!

«Невинных овечек и барашков!» Не может быть, чтобы, он и они имели в виду одну и ту же женщину!

— Сестры, подождите меня в часовне, — торжественно произнес святой отец. — Я должен поговорить со своим братом.

Джесс был готов поблагодарить этого человека за избавление от благочестивых монахинь. Тем более что стоять перед ними абсолютно голым не входило в меню его воскресного пикника.

Святые сестры тем временем поднялись по ступенькам часовни и в течение нескольких минут решали, кто из них должен войти туда первой.

— Прощу вас, сестра Маргарет!

— Только после вас, сестра Агнес!

Наконец обе скрылись за дверьми, и Джесс остался один на один с Купером. Тот некоторое время внимательно разглядывал его. Джессу это надоело, и он сказал с саркастической улыбкой:

— Что вы делаете в этом городе, Купер?

— Я теперь зовусь святым отцом Купером. И сутана священника стала частью меня самого!

— Что?! Вы священнослужитель? Это с каких же пор слуга дьявола стал прислуживать Богу?!

— Спасибо, что вы не позволили себе какого-нибудь еще более омерзительного

богохульства! Должен также сказать вам, что три года, проведенные в тюрьме, дали мне массу времени для того, чтобы поразмышлять над своим греховным прошлым и полностью исправиться.

— Вот как?! Значит, я стал ангелом, давшим вам крылья?

— А вы, насколько я вижу, совсем не изменились за эти годы! — фыркнул Купер. — Что ж, я тоже не прочь посмеяться, мистер Законник! И ответить вам той же монетой, которую получил от вас тогда!

— Это каким же образом?

— Посадив вас под арест!

— Что?!

— Да, вы не ослышались. Я посажу вас под арест за неприличное поведение в общественном месте и аморальность.

Серьезность ситуации стала для Джесса совсем очевидной, когда Купер хлопнул ладонью по его плечу, а затем со всей силой толкнул к входу в часовню.

— Вы не имеете никакого права меня арестовывать! — запротестовал Джесс. — Это может делать шериф, а уж никак не священнослужитель!

— Имеет право тот, кто отмечен печатью Господа! И это — я! А теперь посмотрим, хватит ли вам месяца в тюрьме, чтобы осознать все свои прегрешения!

— О, сестра Агнес! Это было просто великолепно!

Онести сказала это сидевшей рядом женщине после того, как проглотила последний кусочек испеченного ею пирога. И, выдержав короткую паузу, добавила:

— У вас настоящий кулинарный талант!

— Всевышний одарил всех нас талантами, чтобы мы могли прославлять его.

Сестра Агнес взяла ладони Онести в свои:

— Я очень рада, что вы пришли к нам, дитя мое!

— Мне хотелось бы побыть с вами подольше, но, увы, нужно поскорее вернуться к Джессу, пока он не забеспокоился, куда я могла деться.

— Не бойтесь, дитя мое! Здесь вы надежно защищены от него.

— От кого? От Джесса?

Онести чуть не рассмеялась над абсурдностью слов Агнес. Несмотря на черствость и даже грубость, она чувствовала себя рядом с Джессом в полной безопасности. Как ни с кем другим...

— Он никогда не обижал меня! — убежденно ответила она монахине.

Но та поняла эти слова по-своему.

— Да, дитя мое, — улыбнулась она. — Здесь вам больше ничто не угрожает. Ведь мы нередко предоставляем убежище женщинам, которым угрожает опасность со стороны тех грубых созданий, которые сами напрашиваются на наказание. Здесь вас никто и никогда не обидит. Святой отец Купер защитит вас!

Когда смысл слов сестры Агнес дошел до сознания Онести, ее лицо стало белее снега.

— Что вы сделали с Джессом?! — воскликнула она, сжав костлявую руку монахини.

Камера Джесса была шириной в четыре шага и длиной в пять. В ней не было практически ничего, кроме помойного ведра в углу. Приподнявшись на цыпочки, он мог заглянуть в узкое окошко, прорезанное в верхней части двери, выходящей прямо на улицу.

Джесс коротал время, шагая из угла в угол или же присаживаясь на холодный каменный пол, обхватив руками колени.

Он всегда был готов к неожиданностям и опасностям, но никогда не думал, что попадет в подобную ситуацию. Купер даже не позволил ему взять с собой одежду. И теперь он, абсолютно голый, трясся от холода. Время он определял по солнечному лучу, пробивавшемуся из-под двери. К полудню этот луч становился длиннее, а к вечеру — короче. Цементные стены душили несчастного узника, притупляли ум, затрудняли дыхание. Перед глазами плыли темные круги. Душу же охватывало беспредельное отчаяние.

Нет, он должен выбраться из этой клетки!

Но как?

Джесс еще раз огляделся и снова убедился, что выхода отсюда нет. Кроме железной двери, через которую его сюда втащили.

Черт побери, но где же Онести? Если Купер решил использовать ее против него, он непременно так и поступит! А Джесс не сможет воспрепятствовать этому!

А что, если все это не что иное, как часть хитро задуманного плана с целью избавиться от него? И именно Онести подговорила Купера?

Джессу трудно было поверить, что Онести оказалась способной на подобное предательство. Но ведь такое нередко случалось в жизни. В том числе и в его... Невольно он вспомнил Миранду, которая предала его самым омерзительным образом...

Он прижался спиной к стене, постоял так несколько минут и рухнул на холодный каменный пол. Сердце билось так сильно, что казалось, вот-вот разорвется.

И вдруг откуда-то сверху донесся знакомый женский голос:

— Джесс, вы здесь?

Он замер и прислушался. Голос повторил:

— Джесс, ответьте мне! Милый!

Он посмотрел вверх, но ничего не увидел, кроме густой темноты. Ноздри наполнял запах угля и пакли. Джесс громко чихнул и крикнул, обращаясь к потолку:

— Это вы все задумали?

— Я задумала? — раздался удивленный вопрос. — О чем это вы?

— Вы отлично знаете, о чем, Миранда! Когда-то я по неопытности вам поверил. Но больше такое не повторится!

Несколько минут длилось гнетущее молчание. Потом снова до ушей Джесса донесся тот же голос — слабый, но отчетливый:

— Джесс, что за ерунду вы мелете? Я никакая не Миранда, а Онести! И пришла вам помочь.

Онести?!

Сердце Джесса перестало бешено колотиться и почти замерло.

— Вы слышите меня? Я пришла вам помочь!

Онести... Купер... Камера... Разве это не звенья одной цепи?

— Уходите, Онести! — громко крикнул Джесс. — Ваша помощь мне не нужна!

— Но кто еще может вызволить вас отсюда?

— Повторяю: я не желаю никакой помощи от вас!

— Послушайте, Джесс, не будьте ребенком!

— Ребенком? Это вы мне говорите?! После того как украли мою одежду и при этом сумели убедить мошенниц в том, будто бы я избивал вас и пытался изнасиловать!

— Я действительно взяла вашу одежду и отдала сестре Агнес, которая согласилась ее выстирать. Сегодня утром она вернула мне все в чистейшем виде. И вы очень ошибаетесь,

называя этих монахинь мошенницами. Они честные миссионерки, поверившие в мою чистоту и невинность.

— Невинность? Извольте шутить? А знают ли они, чем вы зарабатываете себе на жизнь?

— Вы, конечно, успели все им рассказать? — прошептала Онести после продолжительной паузы.

— Они бы мне не поверили!

Онести больше не могла сдерживать слезы. Они хлынули из глаз и полились по щекам. Ведь это по своей вине она сейчас оказалась здесь! Онести думала, что оставить Джесса голым и беззащитным стало бы достойной и вполне безвредной мстью за его прошлое поведение. Она не могла предвидеть, какой взрыв оскорбленной мужской гордости это вызовет у Джесса. Он просто не мог простить ей того, что она увидела его униженным и наказанным. А Онести неожиданно почувствовала непреодолимое желание дотронуться до него и убедиться, что с ним все в порядке. Она приподнялась на цыпочки, просунула ладонь в окошко, уверенная, что непременно почувствует прикосновение его рук. Но ощутила лишь пустоту...

— Я хочу вызволить вас отсюда, Джесс! — крикнула она в темноту камеры.

В ответ послышалось фырканье, смысл которого Онести не могла понять. То ли он издевался, предлагая ей не беспокоиться, или же согласился принять помощь. Но так или иначе она непременно освободит его!

Часом позже Онести сидела за столом в одной из маленьких подсобных комнаток часовни напротив человека, который мог освободить Джесса. Святой отец Купер был высокого роста, худощавый, с крючковатым носом, узенькими глазками и скорее походил на служащего похоронного бюро, нежели на священника. Вглядевшись в его лицо, Онести поняла, что шансов выпросить у этого человека свободу для Джесса очень мало.

Все же она решила не сдаваться. Ведь Джесс спасал ей жизнь! А потому она должна освободить его! Даже если для этого придется чистосердечно исповедаться этому священнику!

— Видите ли, святой отец, — начала Онести, — произошло недоразумение. Джесс никак не компрометировал меня, не пытался соблазнить и вообще причинить мне какой-нибудь вред. Что же касается всего остального, то за это надо скорее наказывать меня, а никак не его.

Отец Купер откинулся на спинку стула и, опустив руки на колени, захрустел пальцами.

— Позвольте мне высказать то, как я все это понимаю. В последние три недели вы путешествовали вдвоем, ночевали в греховодных домах, вступали в добрачные интимные отношения и обманывали друг друга.

Онести слушала Купера, и с каждым его словом ситуация, в которой она очутилась, представлялась ей все более постыдной и компрометирующей. Она наклонила голову и тихо сказала:

— Да, святой отец, вы правы.

Она подумала, что вот-вот сама попадет в такую же камеру, как и Джесс. Но меньше всего ожидала, что ее собеседник вдруг разразится громким хохотом. Между тем именно это и произошло.

— О да! — загремел священнослужитель, сотрясаясь от неудержимого смеха. — В конце концов должна же существовать хоть какая-нибудь справедливость на этом свете!

Онести была удивлена. На лице Купера появилось злобное выражение. Водянистые глаза загорелись торжеством.

— Лучше скажите мне, как Джесс воспринял обвинения, выдвинутые против вас обоих?

Вопрос застал Онести врасплох. Она понимала, что от ее ответа зависит, останется ли Джесс в заточении или же выйдет из камеры свободным человеком. Но решила, что не может солгать священнику.

— Он воспринял обвинение мужественно и с честью. Правда, я боюсь, что он не мог сохранить при этом свойственное ему чувство юмора.

По удовлетворенной улыбке, с которой священник выслушал ответ Онести, она поняла, что он остался им очень доволен.

— Тогда, полагаю, остается только один путь, чтобы с честью выйти из ситуации, в которой вы оба оказались, — торжественно объявил отец Купер.

— Пожениться? — вскричал Джесс. — Значит, вот на каком условии я смогу выйти из этой камеры?!

— Так по крайней мере считает отец Купер — не я! — ответила Онести из-за двери.

— Не сомневаюсь, что именно так оно и есть! — прошипел он, представив злорадно хихикающего Купера.

И право, более страшной мести своему заклятому врагу этот священнослужитель, наверное, и пожелать бы не мог!

— А что вы ему рассказали? — спросил Джесс, еле сдерживая ярость.

— Только правду. То, что мы встретились в салоне Скарлет Роуз, а затем вы проводили меня до Техаса. Мне показалось, что его несколько обескуражило то, что я путешествую наедине с вами. Особенно когда я проговорила, что мы вроде бы вместе спали.

— Черт побери, Онести, кто вас тянул за язык?

— Он же священник, Джесс! Как я могла ему солгать?

«Не могла солгать! Раньше ее это не останавливало!» — с презрением подумал пленник.

— Когда же я объяснила Куперу цель нашего путешествия и его необходимость, — продолжала Онести, — он сказал, что поражен тем, что молодая женщина совершает вояж с мужчиной, с которым не связана узами брака. Он считает, что при сложившихся обстоятельствах вы, Джесс, должны подтвердить мою репутацию чистой и честной женщины. Другими словами — жениться на мне.

Это было сказано таким безапелляционным тоном и было так похоже на стиль Купера, что Джессу захотелось удушить Онести. Боже мой, сделать из этой дамочки чистую и честную женщину! Начать с того, что он, Джесс, всего лишь обыкновенный мужчина, а не чародей, умеющий возвращать девственность! Во-вторых, почему он должен покрывать ее прегрешения с другими мужчинами, которые, кстати, щедро ей за это платили?!

— Оставим этот разговор, Онести! — холодно сказал он. — Я скорее дам себя растоптать, чем женюсь на вас!

— Неужели я настолько плоха? Поверьте, Джесс, из меня может получиться великолепная жена, прекрасная хозяйка и очень хорошая мать!

— Для кого-нибудь — может быть! Но не для меня! Вы дерзки и безрассудны. Совершенно непредсказуемы. Не в меру импульсивны. Постоянно отказываетесь меня слушаться. И спорите по поводу каждой сказанной мной фразы! Кроме того...

— Хватит! — оборвала его Онести. — Я поняла, что, несмотря на все ваши заявления, вы в принципе не против брака. Но решительно не желаете жениться на мне!

Это была чистая правда. Но сейчас Джесс не видел смысла об этом говорить.

— Видите ли, — не унималась Онести, — в данный момент у вас очень ограниченный выбор: либо жениться на мне, либо сидеть совершенно голым в этой темной и холодной камере как минимум еще месяц, если не больше. Конечно, если вы выберете первый вариант, то наш союз не будет настоящим браком. А просто видимостью такового на время, которое потребуется судье, чтобы его пересмотреть...

— Расторгнуть, — поправил Джесс.

— Что?

— Браки не пересматриваются, а расторгаются.

— Похоже, вы уже не раз попадали в подобные истории. Впрочем, подумайте. Однажды вы уже позволили слегка подстрелить себя, чтобы выжить. Сейчас вам предлагается примерно то же самое. Только пуль на этот раз стану я.

В воображении Джесса тут же возникла чудовищная картина: Онести, превратившись в пулю, пронзает его сердце. Он вдруг почувствовал, как все тело начинает сковывать смертельный холод. К горлу подкатил комок, мешавший дышать. Кожа стала напоминать гусиную.

Он отрицательно завертел головой и произнес срывающимся голосом:

— Я не женюсь на вас, Онести!

— Тогда оставайтесь здесь, в этой каменной клетушке, и постарайтесь припомнить все ваши прошлые прегрешения. Именно это вам предлагает отец Купер. Согласны?

Глаза Джесса расширились, а кровь в жилах, казалось, застыла. Провести еще месяц в этом холодном склепе? Абсолютно голым, окруженным жуткими видениями, рожденными его прошлыми грехами?! Нет, он не вынесет такого!

Стиснув зубы, Джесс выдавил из себя:

— Позовите этого мерзкого священника...

Церемония бракосочетания Джесса Джонса и Онести Мэллори заняла всего несколько минут. Не дав своей новоявленной супруге сказать собравшимся в часовне миссионерам слова прощания, Джесс схватил Онести за руку и чуть ли не силой вытащил на улицу.

«Вот меня и захомутали! — думал он. — Черт бы побрал эту мерзкую дамочку, которая вдруг оказалась моей женой! Теперь только и остается, что огородить свой дом частоколом и заняться огородом!»

— Вы мне не настоящий муж! — утешала его Онести. — Да я и сама не хотела бы по-настоящему стать вашей женой! Потому что вы, Джесс, воображала. Причем склонный к ссорам и склокам. К тому же храпите по ночам. Одним словом — очень далеки от моего идеала!

— Вот уж неправда! Я никогда не храпел!

— Извините! Ваш храп сродни раскатам грома. Даже будучи на некотором расстоянии от вас, я полночи не могла заснуть!..

...Когда Онести и Джесс выехали на дорогу, ведущую на запад, ночная мгла окутала местность плотным покрывалом. Если бы не необходимость, Онести никогда бы не стала тащиться следом за Джессом, глотая пыль, летевшую из-под копыт Джемими вместе с комками грязи ей в лицо. Молчаливый спутник не обращал на это никакого внимания. Он был занят исключительно лошадью. В такой тьме на разбитой дороге с десятками ям и бугров каждое неосторожное движение могло кончиться для животного переломом ноги.

И тем не менее они продвигались вперед, хотя и очень медленно. Но это давало Онести уйму времени для размышлений. Волей-неволей она мысленно возвращалась к странной церемонии своего неожиданного бракосочетания. Как и большинство девушек всего мира, Онести с детства мечтала о красивой, напоенной безоблачным счастьем свадьбе. Став старше, она поклялась себе, что до конца жизни сохранит образ супруга, созданный собственным воображением, и останется ему верна. Конечно, если никогда не встретит смелого, прекрасного юношу, который захочет назвать ее своей женой.

Что ж, эта сказка и сейчас жила в ее душе!

Когда Джесс решил, что они уже далеко отъехали от тех безумных миссионеров, как он прозвал обитателей часовни, было решено сделать привал.

Расположились прямо на земле, подстелив одеяла. С двух сторон их окружали высокие скалы. Джесс расседлал лошадей и разжег костер. Онести приготовила кофе и выложила на деревянную тарелку жареного цыпленка, полученного от сестры Агнес, сыр и хлеб.

Нехитрый ужин прошел в полном молчании. Онести чувствовала себя в эти минуты такой одинокой и покинутой, как никогда в жизни.

Сквозь огонь Онести наблюдала за своим неожиданным супругом, лениво прихлебывающим кофе из чашечки и попыхивающим сигаретой. Лучи взошедшей луны скользили по смуглой коже его оголенных рук и шеи. Онести смотрела на Джесса, вспоминая каждый его взгляд, прикосновение и поцелуй...

Она тяжело вздохнула, все еще не веря, что как-никак, а стала женой этого красивого, но чужого ей человека. Пусть их свадьба была лишь бутафорией...

— Джесс, — тихо позвала Онести.

— Гм-м...

— Кто такая Миранда?

Последовала очень долгая пауза. Онести даже подумала, что не получит ответа на свой вопрос. Но Джесс все же ответил:

— Девушка, с которой я был знаком много лет назад.

— И которая вас предала?

Новая пауза. И короткий ответ:

— Вы задаете слишком много вопросов, Онести!

— Как-то раз вы обвинили меня в скрытности. Но мне кажется, что это можно сказать скорее о вас.

— У меня сейчас нет никакого желания дискутировать на эту тему. Тем более что вам неплохо было бы поспать. Завтра рано утром нам предстоит ехать дальше.

— Мне не хочется спать.

Боже, ведь в конце концов это же ее брачная ночь! В этот час ей надо было бы при свете свечей сидеть в белом подвенечном платье, пить пенистое, игристое вино и готовить себя к таинству, которое теперь, увы, уже никогда не произойдет между ней и Джессом...

— Обдумываете, как сделать мою жизнь еще более жалкой и никчемной? — неожиданно спросил супруг.

Онести тут же парировала:

— Не больше чем вы пытаетесь унижить мою!

— Но ведь это неотъемлемая часть моей работы, мадам!

— А в чем вообще состоит ваша работа?

— Мне трудно ответить однозначно. Видите ли, моя деятельность очень разнообразна. Например, сейчас я взял на себя труд оберегать от посягательств очаровательных братьев Трит вашу маленькую задницу и то, что расположено между ног спереди. Из-за этого, кстати, мы и влипли в эту мерзкую историю.

Негодование, которое Онести всеми силами старалась сдерживать, стало вырываться наружу:

— Вы ведете себя так, будто в вашей жизни ничего хуже просто не было! Что ж, позвольте вам кое-что сказать, сэр! Вы ошибаетесь, усматривая в браке лишь неудобства и несчастья. Если хорошо и беспристрастно подумать, то в семейной жизни есть свои преимущества.

— Неужели? Например?

— Начать хотя бы с того, что рядом с вами всегда есть человек, с которым можно поговорить.

— Я все-таки мужчина, Онести! А потому болтовня не входит в число моих жизненных потребностей.

— Пусть так. Но ведь рядом живет тот, кто верит вам и воспринимает вас таким, какой вы на самом деле и есть.

— Для этого существуют матери.

На это Онести трудно было возразить, поскольку свою мать она просто не помнила.

— Вы никогда не будете чувствовать себя одиноким! — в отчаянии выкрикнула девушка.

— А если я люблю одиночество?

Онести вздохнула, поняв, что этот разговор был сейчас по меньшей мере несвоевременным. Не исключено даже, что подобного рода дискуссии с Джессом вообще бессмысленны. Да, но у нее самой никогда не было сомнений в преимуществах семейной жизни. Главное, своевременно и правильно сделать выбор спутника. Причем этот шаг должен быть взаимным. Онести с грустью подумала о том, что мало кто добровольно согласился бы жениться на клубной проститутке. И Джесс ясно дал ей это понять! То, что он заблуждался на ее счет, не имело значения. Главное — он считал, что Онести принадлежит к этой категории женщин!

А как бы он поступил, узнав правду? Если бы она призналась, что в ту ночь, которую они провели в одной постели в доме Скарлет Роуз, между ними ничего не было?

Нет, Онести никогда не откроет Джессу тайну! Иначе придется признаться, что она намеренно дала ему снотворное. И вряд ли ему это понравится! Кроме того, пришлось бы объяснять, почему она так поступила. А это, в свою очередь, вызовет у Джесса массу вопросов...

Но все-таки, может быть, лучше все ему рассказать? Стоит ли продолжать этот мерзкий, мучительный для самой Онести обман?

Нет, Джесс никогда ее не простит, если узнает правду! Онести была в этом твердо уверена. Он не выносил предательства в любой форме и не раз это доказывал. С каким презрением он вспоминал о некой Миранде, которая его предала!

Видимо, лучше будет оставить все так, как есть. В конце концов, она должна в первую очередь думать о своей собственной безопасности.

Очень скоро они приедут в Техас. Их брак будет расторгнут, и она найдет себе другого проводника и попутчика. Они с Джессом никогда больше не увидят друг друга. Так будет лучше для обоих!

Но тогда почему с каждой милей, приближавшей их к тexasской границе, все более одиноко и сумрачно становилось у нее на душе?..

Они приехали в Клейтон утром. На траве еще не высохла роса. Всю дорогу Джесс больше смотрел в сторону горизонта, чем на свою спутницу.

В городе пришлось задержаться, чтобы купить кое-какие продукты. Затем они снова двинулись по дороге в Техас и к полудню достигли границы штата. Как только его нога ступила на родную землю, настроение Джесса заметно поднялось. Джесс не мог не помнить, что именно здесь достиг первых успехов на своем профессиональном поприще. Особенно он гордился разоблачением одной бандитской шайки. Это спасло жизнь молодому мустангеру. Кроме того, во время того же процесса Джессу удалось уличить в непорядочности местного

адвоката, которого после этого привлекли к суду.

Воспоминания об Энни вызвали на лице Джесса добрую улыбку. Она и ее муж, возможно, были единственной супружеской парой на этом свете, которым он всецело доверял. Кстати, именно у них он нашел в трудные для себя дни безопасное убежище и помощь.

В какой-то степени Онести напоминала ему Энни. Но было и нечто отличавшее этих двух женщин друг от друга. Наверное, именно поэтому Джесс никогда не хотел Энни. Онести же даже не догадывалась, скольких сил стоило ему превозмочь себя и не дотронуться до нее прошлой ночью. Тем более что эта ночь была для них обоих в какой-то степени брачной...

«Интересно, — размышлял Джесс, — что думала и чувствовала тогда сама Онести?..»

Черт побери, может быть, ему следовало овладеть ею, подтвердив тем самым свои супружеские права? Но ведь тогда Онести могла бы подумать, что он и впрямь решил стать ее мужем!

Между тем никаких намерений у Джесса и в мыслях не было! Наоборот, он твердо решил поскорее найти судью, который расторгнул бы их глупый брак. Тогда Джесс снова станет свободным мужчиной! А Онести — свободной женщиной...

О последнем он подумал с тяжелым сердцем...

Эта женщина была, вне всякого сомнения, гораздо красивее всех остальных, кого Онести когда-либо видела в жизни. Она скакала на светло-коричневом жеребце по огражденному невысоким забором кругу манежа. На самом заборе сидели две маленькие девчушки, не отрывавшие взглядов от очаровательной наездницы. Ее светлые волосы, перехваченные на затылке голубой лентой, падали на спину, спускаясь ниже стройной, почти осиной талии. Загорелая гладкая кожа золотилась на солнце. Глаза небесно-голубого цвета горели восторгом. А лицо казалось совершенным созданием какого-нибудь выдающегося скульптора, руку которого направляли ангелы.

— Это ваша сестра? — спросила Онести у Джесса. Всадница действительно была не него чем-то похожа.

— Что-то в этом роде, — уклончиво ответил он.

Джесс не мог скрыть своего восхищения. Это отозвалось в сердце Онести болезненным уколом ревности. Хотя она отлично понимала, что ревновать было бы глупо. Конечно, в жизни Джесса было много знакомств, немало женщин. Правда, Онести никогда не думала, что встретится с одной из них...

— Дядя Джесс! — раздался радостный детский крик.

Онести быстро обернулась и увидела, что сидевшая на заборе девочка приветливо машет ручкой в их сторону. Джесс подошел к забору, бережно взял ребенка на руки и нежно поцеловал в миниатюрное личико. Тут же подбежала сестренка, которой было года три — не больше.

— Дядя Джесс! — тоже закричала она.

Джесс подхватил ее другой рукой и посадил себе на плечо.

— Мама! Дядя Джесс приехал! — закричали в один голос малютки.

— Боже мой, Джесс, старый разбойник! — услышала Онести женский возглас.

Обернувшись, она увидела, что очаровательная наездница уже спрыгнула с лошади и успела перемахнуть через заборчик. Онести отвела взгляд в сторону, решив, что было бы не совсем удобно наблюдать за тем, как красивая незнакомка и Джесс бросятся друг другу в объятия.

— Каким ветром тебя сюда занесло? — спросила у него блондинка.

— Это не имеет значения, Энни! А пока ты, конечно, не откажешься приютить моего милого Джемми и одолжить ненадолго пару свежих лошадей.

Онести не могла решить, что ее больше раздражало: глуповатая улыбка Джесса, когда он смотрел на Энни, или же их взаимный восторг по поводу встречи.

— Ты не познакомишь меня со своей подругой? — спросила Энни, переведя взгляд с Джесса на Онести.

— Конечно. Познакомьтесь, Онести: это — Энни Корриган. Энни, позволь представить тебе Онести... Это...

— Его жена, — поспешила ему на помощь Онести.

— Жена? — с удивлением переспросила Энни.

— Я все объясню чуть позже, — слегка покраснел Джесс.

— Дядя Джесс, а вы привезли нам подарки? — повисла на его руке старшая девочка.

— Понимаешь, мы здесь случайно и сегодня же должны ехать в Дестини.

— Девочки, не приставайте к дяде Джессу! — чуть повысила голос Энни и мягко шлепнула старшую дочку.

— Они меня ничуть не беспокоят! — улыбнулся он. — Позвольте, а где же Джастин?

— Она с Бреттом. Умоляет меня отпустить их вместе в каньон. И я, честно говоря, наверное, не смогу ей отказать.

— Каньон? — встрепелась Онести. — Какой?

— Пало-Дуро. У нас там была земля, пока мы не продали ее другу Бретта. Но Чарли и сейчас позволяет моему мужу приезжать туда хотя бы раз в летний сезон, чтобы проверить табун.

— Я бы хотела тоже побывать там.

— В следующий раз, — поспешно ответил Джесс. — Это нам не по пути.

— Но ведь там пасутся дикие лошади, Джесс! — возразила Онести. — Я могу больше никогда туда не попасть! Кстати, может быть, и мой брат там побывал и мы что-нибудь узнаем о нем.

— Не будем сейчас об этом говорить, Онести!

С этими словами Джесс повернулся и направился вслед за Энни к установленной возле ворот конюшни водокачке. Там они долго мыли руки и о чем-то очень оживленно разговаривали. Онести заметила, как Джесс игриво положил ладонь на плечо Энни. Конечно, это было совершенно невинное, шутливое прикосновение, но Онести вновь почувствовала, как у нее под сердцем предательски шевельнулась ревность.

Вернувшись, Джесс объявил:

— Нас пригласили здесь переночевать.

— Я бы не хотела!

— Не будьте капризным ребенком, Онести! Уж не говоря о том, что это неприлично по отношению к хозяевам. Бретт и Энни долгие годы были моими близкими друзьями, и я не хотел бы их обидеть, отказавшись от приглашения.

— Конечно, мы, естественно, не можем позволить себе подобную невежливость, не так ли? — процедила сквозь зубы Онести.

— Что с вами?

Она опустила взгляд. Действительно, какая глупость! К чему эта идиотская ревность? Почему бы и не провести эту ночь у друзей Джесса? Тем более что тратить деньги на гостиницу при их почти пустых карманах было бы непростительным излишеством. Онести сменила тон:

— Что со мной? Ничего! Конечно, мы должны принять приглашение и остаться ночевать!

Пока Джесс отводил уставших лошадей в конюшню и выбирал свежих для предстоящей поездки, Онести с Энни поднялись на веранду, кольцом окружавшую дом.

— Я хотела бы сказать, Онести, — начала хозяйка, когда они опустились в мягкие кресла друг против друга, — что вы стали для меня настоящим сюрпризом.

Она с улыбкой предложила госте чашечку только что собранного зеленого горошка.

«Как и вы для меня!» — подумала Онести, едва удержавшись, чтобы не сказать это вслух.

— Я хотела бы извиниться, миссис Корриган, за доставляемые вам неудобства и беспокойства, — учтиво произнесла она.

— Никаких беспокойств и неудобств вы нам не доставляете, Онести. Джесс отлично

знает, что он всегда здесь желанный гость. Равно как и его подруга, а тем более — жена. Могу ли я поинтересоваться, где вы встретились?

Онести помедлила с ответом. Ей было стыдно признаться женщине, которая, возможно, в жизни не побывала ни в одном баре, чем она занимается, зарабатывая себе на хлеб, и что с Джессом они познакомились в низкопробном баре-гостинице Скарлет Роуз. Поэтому ответила уклончиво:

— Мы познакомились в маленьком городке Ласт-Хоуп штата Колорадо. Джесс помогал там одной из моих подруг спасти бизнес от полного разорения.

— Это так похоже на него!

— Видимо, вы давно знакомы с Джессом?

— Около десяти лет.

Последовало дружелюбное, неназойливое молчание, во время которого обе женщины лакомились зеленым горошком, запивая его минеральной водой. Онести при этом чувствовала себя солидной замужней дамой без... мужа.

Естественно, в том, что они с Джессом не совсем настоящие супруги, Онести своей новой знакомой не призналась.

— Тот каньон, о котором вы говорили, далеко отсюда?

— Верхом туда можно доехать к вечеру.

— В каком направлении?

— На юг отсюда.

— А нет там, случайно, камней или скал, которые выглядели бы как плывущие?

— Есть одно место, где, как мне представляется, такие камни действительно можно увидеть. Они плывут вместе с несущим их потоком, вытекающим из расположенного немного выше водоема. Чтобы все это увидеть, надо обогнуть с севера несколько скал, прозванных «испанскими юбками».

— Очень интересно!

— Попробуйте уговорить Джесса свозить вас туда.

— Вряд ли это удастся. Видите ли, Энни, со мной он совершенно другой, чем с вами.

— Наверное, со мной он чувствует себя свободным и понимает, что может поступать как хочет. С женой так себя вести довольно трудно.

Онести очень хотелось ненавидеть эту женщину, с которой она не чувствовала себя свободной и раскованной. Впрочем, возможно, она была так же осторожна с Энни, как и та с ней? Онести заметила, что ее собеседница отнюдь не скрывала, какое место она занимает в жизни Джесса.

Но, может быть, как раз это и нравилось Онести в хозяйке дома... А еще и то, что Энни, похоже, была с ней совершенно искренней.

— Миссис Корриган, — сказала Онести, — уверяю вас, что никогда не обижу и не сделаю ничего дурного Джессу!

Энни с интересом посмотрела на свою гостью:

— Это действительно так?

— А вы, Энни, считаете его близким человеком?

— Да, — улыбнулась она. — Мне он далеко не безразличен. И я очень рада услышать, что вы будете стараться не причинять ему неприятностей. Видите ли, Джесс пришел к нам, когда чувствовал себя совсем потерянным. Он казался каким-то очень смущенным, даже неуравновешенным. Хотя много шутил со мной, играл с девочками, подружился с Бреттом.

Потом он уехал. Все же мы остались друзьями. Но он не настолько привязан к нам, чтобы отказаться от самостоятельной жизни. Джесс мог исчезать на недели, месяцы и даже годы. Причем в конце концов непременно снова появлялся.

Их разговор прервал приближающийся топот копыт. Энни посмотрела в окно и улыбнулась:

— Вот и мой супруг объявился!

На вершине небольшого холма появились три лошади. На первой сидел солидный пожилой мужчина. На двух других — юноша и стройненькая девочка. Последняя не стала медлить, бросила поводья и, спрыгнув на землю, со всех ног побежала к веранде. Бретт же не спеша остановил лошадь, медленно спешился и степенно пошел навстречу жене, уже поджидавшей его на ступеньках веранды.

— Джесс, Джесс! — радостно закричала девочка, едва успев обнять мать.

— Похоже, что это действительно он, — согласился Корриган.

Он обнял жену, нежно поцеловал ее, и они оба пошли навстречу Джессу, стоявшему вместе с Онести у ворот конюшни.

— Привет, Джесс! — улыбнулся Бретт, протягивая руку гостю. — Я не ошибся, увидев лошадь, привязанную у дерева при входе. А это твоя подруга? — Он пытливо посмотрел на Онести.

— Это его жена, — пояснила Энни. — Ее зовут Онести. Познакомьтесь, Онести, с моим мужем: Бретт Корриган — самый большой мошенник в Техасе!

Пронизывающие зеленые глаза «самого большого мошенника в Техасе» смерили Онести с головы до пят таким оценивающим взглядом, что она невольно покраснела.

— Мы, часом, никогда с вами раньше не встречались? — спросил Бретт.

Боже, Онести так надеялась, что этой встречи никогда не было!

— Я не думаю, — ответила она.

— Странно. Ваше лицо кажется мне очень знакомым.

Заметив, что Джесс внимательно прислушивается к их разговору, Онести смущенно потупила взгляд:

— Я бы непременно запомнила нашу встречу, если бы таковая когда-нибудь была.

— А сейчас куда вы направляетесь?

— Онести разыскивает своего давно пропавшего брата, — включился в разговор Джесс. — Я же ее сопровождаю и стараюсь помочь в этих поисках.

— Насколько я понимаю, сопровождение стало частью твоей личной жизни? — съехидничал Бретт.

— В какой-то степени.

— Впрочем, все это не имеет никакого значения. Простите меня, Онести! Наверное, вы просто очень похожи на кого-то из моих знакомых женщин.

Ужин в доме Корриганов, как и всегда в этом семействе, проходил шумно и весело. Обычно это помогало Джессу забыть о своих тревогах и неприятностях. Но сегодня они, казалось, сидели рядом с ним за столом.

— Джастин! — обратилась Онести к старшей дочери хозяев дома. — Родители дали тебе очень красивое имя.

— Они назвали меня в честь дяди Джесса. Правда, папа?

Джесс похолодел и бросил предостерегающий взгляд на Бретта. Меньше всего он хотел бы сейчас, чтобы Онести узнала его настоящую фамилию.

— Каким образом имя Джесса превратилось в Джастин? Мне кажется, что они звучат по-разному.

— Имя здесь ни при чем! — захихикала девочка. — Меня назвали не по имени, а по...

— Дети, вам пора спать! — поднявшись со стула, прервал свою старшую дочь Бретт.

— Папа, ведь еще очень рано! — захныкала Джастин.

— Уже восемь часов. Ты разве забыла, что завтра поутру мы отправляемся верхом в Дестини? Надо хорошо отдохнуть и выспаться перед дальней дорогой!

Когда дети разошлись по спальным комнатам, Джесс облегченно вздохнул; Онести заметила это и, тоже встав из-за стола, поблагодарила хозяев за прекрасный ужин.

— Я приготовила вам нашу голубую комнату, — улыбнулась ей Энни. — Джесс всегда там ночует, когда гостит у нас. Надеюсь, что и вам она придется по вкусу.

— На этот счет у меня нет ни малейших сомнений, — также улыбнулась ей в ответ Онести. — Я уже успела по достоинству оценить ваш превосходный вкус! Идем? — повернулась она к супругу.

Джесс остолбенел от неожиданности. Ему сразу же вспомнилось, как одетая в легкое розовое платье Онести вот так же просто и бесхитростно пригласила его подняться на второй этаж в доме Скарлет Роуз.

Справившись с собой, он наклонился к плечу Онести и шепнул ей на ухо:

— Не думаю, что нам следовало бы спать в одной комнате!

По ярко вспыхнувшим щекам Онести он понял, что эти слова глубоко обидели ее.

— Что ж, если так, то я попрошу Джастин разрешить мне спать в ее комнате, — ответила Онести, сжав губы.

— Это совершенно необязательно! — засуетился Джесс. — Вы займете голубую комнату, а я буду спать на конюшне.

Он понимал, что, проведя эту ночь вместе с Онести, ему будет очень трудно в дальнейшем сохранить между ними дистанцию. Кроме того, в конюшне никто не помешает ему хорошо выспаться. К тому же он будет, хотя бы на ночь, избавлен от непременных обидных шуточек и колкостей его так называемой жены.

Так по крайней мере ему казалось...

Джесс проснулся в холодном поту и долго не мог прийти в себя. Накануне вечером, как только он закрыл глаза, его начал преследовать соблазнительный образ Онести. Видения были до того реальными, что Джессу даже показалось, что Онести лежит рядом с ним на сеновале.

Надеясь, что ночная свежесть несколько охладит его, он встал, взял подвернувшийся под руку деревянный стул и, выйдя на улицу, сел у ворот конюшни. С небес грустно улыбалась круглая луна, и Джессу показалось, будто бы ночное светило жалеет его.

Он точно не помнил, сколько времени смотрел в лунный лик. Вскоре мысли возвратили его к событиям минувшего вечера. А точнее — к реакции Бретта на Онести в первый момент их встречи. То, что муж Энни до женитьбы слыл большим бабником, секретом не было. Но ни разу с того дня, как Энни согласилась стать его женой, Бретт не смотрел ни на одну другую женщину, как вчера на Онести.

Чьи-то мягкие шаги по траве отвлекли Джесса от этих мыслей. Он поднял голову и увидел Энни, которая приближалась к нему, сложив руки на груди.

— Почему ты не спишь? — спросил он, когда она подошла к нему совсем близко. — Ведь сейчас, наверное, только три часа ночи.

— Я думала о тебе.

— Энни, мы оба не свободны. У тебя есть муж, а у меня — жена!

— Но твоя жена не знает, кто ты такой. Ведь правда?

Джесс тяжело вздохнул:

— Правда. Не знает. Но пусть это так и останется.

— Ты не должен судить обо всех женщинах только по одной Миранде.

— Я и не сужу только по ней. Иначе меня бы здесь не было!

— Ты должен все рассказать жене, Джесс!

— Зачем?

— Затем, что мне не хотелось бы видеть, как ты совершаешь ту же ошибку, что и я в свое время.

— Но ведь Бретт всегда знал, кем ты была, Энни!

— Одно дело — знал Бретт. И совсем другое — то, о чем я ему не рассказывала. Пойми, Джесс, что Онести, путешествуя вместе с тобой, имеет право знать, какая ей грозит опасность!

— Я не допущу, чтобы с ней стряслась какая-либо беда!

— Это может оказаться выше твоих сил!

Джесс стиснул зубы, вспомнив недавние события в Ласт-Хоупе.

— Мне кажется, — продолжала Энни, — что ты испытываешь к ней серьезные чувства.

— Бог мой, Энни! Я начинаю подозревать, что Бретту удалось вбить тебе в голову много ненужных романтических идей!

— Влюбленного мужчину я распознаю с первого взгляда.

— Но я же не влюблен, Энни! Просто помогаю женщине разыскать обломки ее бывшей семьи!

— Скажи это лучше себе самому, Джесс! — рассмеялась Энни, похлопав его по плечу. — Но послушайся доброго совета от той, что успела узнать многое в своей жизни: будь осторожен в отношении того, что ищешь! Потому что можешь это найти!..

Энни исчезла за дверьми веранды.

Джесс вновь опустил на стул и задумался. Действительно ли он влюблен в Онести? Да нет же! Он просто хочет ее! А какой мужчина не хотел бы обладать красивой женщиной?

Но влюбиться?!

Влюбиться в Онести?!

За всю свою жизнь Джесс еще не слышал ничего более забавного!

Улыбнувшись про себя, он уперся ладонями в колени и резко поднялся со стула. И тут же услышал голос за спиной:

— Вы мне лгали!

Быстро обернувшись, он увидел Онести, стоящую на ступеньках веранды.

— Что вы сказали?

— Вы мне лгали. Ведь вы бандит!

— Боже мой, опять за старое!

— Я слышала, как Энни сказала, что путешествие с вами грозит мне бедой...

Черт побери, что еще она успела услышать?

— Значит, теперь мы начали подслушивать друг друга, так?

Онести пропустила мимо ушей эту фразу и спросила:

— Это правда?

Джесс запустил ладонь в свои густые волосы, не зная, что ответить. Может быть, Энни права? И он должен все рассказать?

Онести подошла к нему совсем близко.

— Вы действительно бандит, которого разыскивает полиция?

— Нет, я никакой не бандит.

— Тогда кто же вы, Джесс Джонс? Если это ваше настоящее имя.

— Разумеется, настоящее!

— Если так, то скажите честно: могу я чувствовать себя в безопасности рядом с вами?

Несколько секунд Онести молча смотрела в глаза Джесса. Потом прижалась к нему и уронила голову на его плечо. Она почувствовала себя до невозможности усталой, напуганной, одинокой... И зашептала:

— Подержите меня в объятиях, Джесс! Это единственное, чего я сейчас от вас хочу!

Джесс закрыл глаза и обнял ее. Если Джесс пока еще и не был влюблен в Онести, то до этого ему осталось очень немного...

Онести еще раз бросила долгий взгляд на Джесса, лениво седлавшего лошадь. Его губы все еще кривились в ехидной усмешке, как и час назад, когда она только проснулась.

Он старался не смотреть на нее. Не хотел до нее дотрагиваться и даже разговаривать. Неужели он был так зол, что уже не мог выносить самого ее присутствия?

Онести думала обо всем этом, и глаза ее наполнялись слезами. Нет, она не должна была приходиться на конюшню, подслушивать разговор Джесс с Энни и ссориться с ним!

Онести уже так привыкла спать рядом с этим человеком, что отведенная ей комната стала казаться пустой и холодной. Да и сама она чувствовала себя чертовски одинокой и покинутой...

Плохо соображая, что делает, Онести машинально собрала свой саквояж, перевязала его ремнем и прикрепила к седлу жеребца, которого Джесс купил ей накануне. Потом положила продукты в плетеную корзину и хотела было подойти к Джессу, но ее опередил Бретт:

— Куда вы едете?

— В Таскоту.

— Уверены, что так надо?

— Возможно, что и нет. Но я хочу попытаться найти Онести кого-нибудь, кто помог бы ей в поисках брата. Кроме того, мне просто необходимо выяснить, смогу ли я освободиться от этих брачных уз.

— Вы серьезно хотите развода?

Онести, ненароком слышавшая весь этот разговор, застыла на месте. Ей до боли хотелось, чтобы Джесс ответил: «Нет, она принадлежит только мне, и никому другому!» Но услышала совсем другое.

— Да, я глубоко уверен, что развод неизбежен и необходим! — твердо сказал Джесс.

Она закрыла глаза, повернулась и отошла в сторону. Онести сама не знала, почему ответ Джесса так ее сразил. Ведь он сказал только то, что ей давно было известно!

Итак, думала Онести, скоро они прибудут в Таскоту. Там Джесс найдет ей другого сопровождающего, она заплатит ему свои оставшиеся жалкие двадцать два доллара тридцать центов, и после этого каждый пойдет своей дорогой.

Онести проглотила подкатывавший к горлу горький комок сожаления. Ее влекло к Джессу. Причем это чувство стремительно возрастало на протяжении всего их пути от Ласт-Хоупа. Онести стало мучительно недоставать его прикосновений, дыхания, звука голоса...

— Вы хорошо выспались? — раздался у нее над самым ухом голос Джесса.

Онести вздрогнула:

— А вы?

— Все время просыпался.

— Наверное, вам не стоило спать на конюшне.

— Если бы я остался в доме, то никто из нас двоих не заснул бы ни на минуту!

У Онести от удивления отвисла челюсть. Она поняла намек. Сама мысль, что он мог так же страстно желать ее, как она его, наполнила ее тело приятным теплом. Настроение улучшилось.

Они выехали на дорогу, тянущуюся через прерии на запад. Онести казалось, что небо над ее головой еще никогда не было таким голубым, а трава кругом — такой свежей и

зеленой. Она не знала, что сказать Джессу, но очень хотела снова и снова слышать его голос. Поэтому произнесла первое, что пришло в голову:

— Ваша миссис Корриган — необыкновенная женщина!

— Это действительно так. Но она ни в коей мере не моя.

— Правда? А мне показалось, что между вами было что-то очень серьезное.

— Между мной и Энни?

— Да. У вас, несомненно, есть чувство к ней. Этого просто невозможно не заметить!

— Конечно, есть. Я глубоко уважаю эту женщину. Восхищаюсь ею. В ее миниатюрном пальчике куда больше смелости, чем в бицепсах большинства мужчин, которых я когда-либо знал. Но все это отнюдь не означает, что я в нее влюблен. Уж не говоря о том, что Бретт на месте уложит любого мужчину, который взглянет на нее хотя бы дважды!

— А вы пробовали?

— Что? Дважды посмотреть на Энни?

— Нет. Убить любого мужчину, который бы дважды взглянул на вашу женщину?

— Если бы эта женщина значила для меня столько же, сколько Энни для Бретта, то я бы разорвал такого нахала на части!

О Боже...

— Я завидую той, которую так безумно любят! Ведь это прекрасно — быть желанной, магнитом притягивать мужчину к домашнему очагу!

— Почему бы и вам не найти такого преданного и любящего друга?

— Со временем, может быть, так и будет, но...

— Что «но»?

«Но этим другом не станете вы!» — подумала Онести и тут же испугалась, что может произнести это вслух. А потому тут же переменила тему разговора:

— Здесь так красиво! Посмотрите, как ветер волнует эту высокую зеленую траву, а солнце слегка золотит ее! Вы не слышите в этом музыки?

— Я ничего не слышу.

— Потому что не слушаете. Закройте глаза, Джесс. И если внимательно прислушаетесь, то непременно услышите, как ветер поет для вас.

Джесс послушно закрыл глаза, напряг слух, но ничего не услышал и лишь почувствовал себя круглым идиотом. Но в голосе Онести было столько восторженности, что он решил не разрушать ее иллюзий и попробовал прислушаться еще раз.

Сначала в ушах просто шумел порывистый ветер. Но постепенно к нему стали примешиваться звуки топота копыт Джемани. Они создавали некий музыкальный фон, обычно воспроизводимый в оркестре ударными инструментами. Пение птиц напоминало звучание кларнетов и флейт. А гудение ветра в тростниках выполняло роль солирующих скрипок и виолончелей.

Впервые за последние пятнадцать лет Джесс поймал себя на том, что начал мурлыкать себе под нос какую-то только ему известную мелодию. Мотив рождался где-то в глубине его души. Он почувствовал себя окрыленным. В голове зазвучала просто райская музыка...

Открыв глаза, Джесс увидел, что Онести смотрит на него с удивлением.

— Что? — недоумевая, спросил он.

— Ничего. Просто я не догадывалась, что вы можете петь.

— Могу. Только это со мной очень редко случается.

— Вы никогда не подумывали о возможности стать профессиональным музыкантом?

— Зачем мне это?

— Музыкальная карьера приносит известность. Богатство. Личное удовлетворение. Готова держать пари: если бы вы вытащили на дорогу рояль и стали на нем играть, вокруг сразу собралась бы огромная толпа восхищенных слушателей.

— Известности мне не нужно. А что касается богатства, то я не знал бы, что с ним делать. Личное же удовлетворение я могу получить, и, кстати, получаю, в других сферах жизни.

— Скажите, Джесс, чем вы намерены заняться после завершения нашего героического проекта?

— Возможно, попробую превратиться в мирного фермера.

— Это вы-то?!

— Да, я-то. А почему бы и нет?

— Вы считаете, что это принесет вам счастье?

— Откуда вам известно, что может сделать меня счастливым?

— Мне кажется, что вы принадлежите к тому типу мужчин, которые привыкли рисковать, совершать подвиги и решать серьезные проблемы. А тут — фермерство! Не знаю...

— Видите ли, я тоже не могу ничего знать, пока сам не испробую.

— Что ж, пожалуй, вы правы. Большинство великих открытий и свершений стало результатом смелых, порой безумных, попыток.

— Боже, Онести! Вы как будто повторяете слова моей дорогой матушки!

— И где же вы намерены начать свою новую жизнь?

— Пока не знаю. Может быть, здесь, в Техасе. Или в Нью-Мексико. Не исключено, что в Монтане. Говорят, там есть хорошие пастбища. Надо будет посмотреть.

— А чего вы вообще хотите от жизни?

— Наверное, того же, чего и все: найти место, где можно осесть, трудиться и приносить пользу.

— Кому?

— Людям. По крайней мере некоторым. Этого, думаю, достаточно!..

Все следующие два часа Джесс думал над словами Онести. Чего он ждет от этой жизни? Так чего же? Всякий старается найти свое, только ему понятное и принадлежащее по воле providения. И каждый в зависимости от этого избирает себе род деятельности. Или же по каким-либо другим причинам? Скарлет Роуз как-то раз сказала: «Порой на выбор жизненного пути толкает чувство покинутости, одиночества и отчаяния. Или же алчность и ненасытность в желаниях...»

Но Онести...

Джесс подумал о том, что она в поисках кого-то, кому желала бы принадлежать, могла бы оказаться в любых объятиях...

В том числе и в его...

Джесс думал о ее семье. О том, какое воспитание получила Онести. Это были опасные мысли для мужчины, который намеревался лишь сопровождать молодую женщину, помогая ей найти родного брата. Но при этом держаться на расстоянии, дабы иметь возможность в любой момент отделаться от нее.

Онести, очевидно, любила своего отца. Это доказывал хотя бы рубин — драгоценный подарок родителя, который она носила на золотой цепочке у сердца.

Людей она не боялась, но умела скрывать от них свои мысли. Вообще-то, не будь Онести столь раздражительной, из нее мог бы получиться неплохой детектив.

Значит ли это, что брак с подобной женщиной может оказаться сплошным мучением?

У Джесса никогда не было близких отношений с женщинами, которым он не доверял. И если бы Онести была откровенной с ним, то он, возможно, понял бы ее. Она имела много возможностей для этого. Однако каждый раз Джесс выслушивал все новую и новую ложь. Либо она вовсе избегала говорить ему что-либо.

Джесс намеревался расстаться с Онести в небольшом городке Трипл-Эйс, расположенном по дороге в Таскоту. Когда-то он был там депутатом мэрии. Дальнейшую заботу об Онести обещали взять на себя Энни и Бретт, которым Джесс должен был дать телеграмму о точном месте встречи. А пока он собирался подыскать своей спутнице нового помощника. Конечно, если в самые ближайшие дни вдруг не найдется ее мифический брат...

— Это и есть Таскота? — сморщилась Онести при виде однообразных кирпичных домов и выстроившихся в один ряд деревьев с редкими ветками.

— Нет, это Трипл-Эйс. В Таскоту мы приедем еще не скоро.

— Мне здесь не нравится! Не знаю почему, но при виде этого пейзажа мне кажется, что по спине ползут пауки.

Джесс удивленно посмотрел на девушку, потом на город. Город как город! Дома, улицы, две большие площади... Старое здание суда...

При взгляде на это строение он побледнел. Здесь они должны оформить развод и расстаться...

Впрочем...

— Вам здесь не нравится? — спросил он.

— Я уже сказала, что нет!

— Что ж, мы можем продолжить путь. Если поспешим, то завтра к утру приедем в Сэйдж-Флэт.

— Но, насколько я помню, именно здесь вы хотели найти мне сопровождающего?

— Это можно сделать и в Сэйдж-Флэтс. Кстати, там же у вас будет возможность полюбоваться дикими лошадьми.

— Серьезно? — сразу расцвела Онести.

— Совершенно серьезно! — ответил Джесс и резонно подумал, что Бретта с Энни можно будет вызвать телеграммой и в Сэйдж-Флэт...

В Сэйдж-Флэт они въехали не рано утром, как предполагал Джесс, а ближе к полудню. Они направились к единственной городской гостинице.

— Почему мы сразу едем в гостиницу? — капризным тоном спросила Онести, пока Джесс помогал ей слезать с лошади. — Я думала, что первым делом нам предстоит знакомство с дикими лошадьми.

— Сначала нам надо разместиться. Поэтому мы и проехали прямо сюда. Кстати, здесь и переночуем.

Он пропустил Онести вперед, и они очутились в вестибюле отеля.

— Итак, что мы намерены делать сразу же после этой церемонии? — спросила девушка.

— У меня есть кое-какие дела. А утром поедem в каньон. Это недалеко.

— Но я хочу видеть диких лошадей! И сейчас же!

— Вы уже мне это сказали.

— Что у вас за такие важные дела? Их нельзя отложить, скажем, на завтра?

Джесс подошел к портье, записался под чужой фамилией и получил ключ от номера. После чего они с Онести поднялись на второй этаж.

— Ну что ж... — сказал он, открывая дверь, — для начала выясним, останавливался ли здесь ваш брат. А затем мне необходимо узнать, где сейчас местный судья. Если его нет в городе, то надо выяснить, когда он вернется.

Джесс не стал говорить Онести, что намерен послать телеграмму Макпарланду с информацией о том, где его можно разыскать. Он также надеялся получить кое-какие данные о Джордже Мэллори.

— Я задержусь часа на два, — сказал Джесс, входя в номер. — Пока меня не будет, я попросил бы вас, Онести, никуда не отлучаться и из этой комнаты не выходить. Повторения того номера, который вы изволили выкинуть в Ла-Вете, я бы не хотел.

Онести остановилась посреди комнаты, сжала губы и скрестила на груди руки. Джесс тяжело вздохнул. Он понял, что подобная лоза и негодующее выражение лица так называемой жены не сулят ему ничего хорошего.

— Онести!

Она даже не посмотрела на него. Губы Джесса скривились в усмешке. Он склонил голову сначала вправо, затем — влево, пытаясь поймать взгляд девушки. Та заметила это и отвернулась.

— Ну, милая... — примирительно начал он, взяв Онести двумя пальцами за подбородок, — вы же знаете, что я никогда бы не оставил вас одну, если бы для этого не было веских причин. Тем более что я не задержусь надолго. Вы подождете меня? Еще раз обещаю, что, как только дела мои будут улажены, я тотчас же вернусь! И буду рядом с вами! А пока вы постарайтесь отдохнуть. Договорились?

Теперь уже вздохнула Онести:

— Я уверена, что вам уже где-то приготовлена горячая ванна!

Вид у нее был совершенно убитый. Джесс непременно остался бы, не будь так много поставлено на карту.

Он вынул пистолет, проверил, заряжен ли он, и протянул Онести:

— Помните о том, что я сказал, дорогая. Не выходите из номера ни под каким видом! Поверьте мне, для вас это самый опасный город. И не дай Бог, чтобы вас заметили на улице!

Как только за Джессом закрылась дверь, появившаяся на лице Онести улыбка моментально исчезла. Разбойник! Если он думает, будто убедил ее сидеть в этой комнате, пока сам катается с кем-то по городу, то глубоко ошибается! Похоже, что Джесс Джонс — непорядочный человек! И чем дольше она будет оставаться рядом с ним, тем больше станет подвергать себя опасности. В конце концов, он может догадаться, с кем в действительности имеет дело и чья дочь Онести.

Но как же быть? Джесс будет отсутствовать часа два, а может быть, и дольше. Если поторопиться, то можно успеть незаметно добраться до каньона, обследовать его и вернуться назад.

Взяв заимствованный у Энни путеводитель, Онести вырвала страницу, посвященную каньону Пало-Дуро. Обведя взглядом комнату, она заметила разбросанную на стоявшей в углу софе одежду Джесса. И тут же вспомнила его предупреждение о том, что одной женщине в этом городе появляться на улицах далеко не безопасно. Что ж, она станет женщиной!

Натянув на себя брюки Джесса и его рубашку, Онести еще несколько минут стояла

посреди комнаты, стараясь приспособиться к непривычной для себя мужской одежде. Брюки были узковаты в бедрах, а рубашка жала под мышками. Но все это можно было легко вытерпеть. Прищурившись, она посмотрела на свое отражение в большом зеркале, висевшем у двери, и решила, что издали вполне может сойти за мужчину.

Потом Онести выглянула в коридор и, убедившись, что там никого нет, вышла и заперла за собой дверь. Спустившись в холл и взявшись за ручку двери, она долго не решалась ее повернуть. А вдруг сейчас она совершает очередную ошибку? Может быть, Джесс был прав и ей следует вернуться к себе в номер...

И что дальше? Джесс будет по-прежнему думать, будто стоит ему погрозить пальцем, и она немедленно исполнит все, чего он потребует.

Нет, так дальше дело не пойдет! Онести чувствовала нутром: что-то во всем этом было неправильно! Но что именно, она пока еще не могла понять. Однако сейчас ее больше беспокоило другое. Онести казалось, что если сегодня она не найдет ключ к тайне, завещанной отцом, то уже не разгадает ее никогда.

Она решительно повернула ручку двери и вышла на улицу.

Найти каньон не составило труда. Гораздо труднее оказалось обнаружить сползавшую по песку скалу, о которой говорила Энни.

Онести увидела лишь длинную скалистую гряду, служившую как бы стеной каньона и тянувшуюся на несколько миль в глубь горного массива. Это было явно не то, что она искала. Кроме того, обследовать всю эту огромную стену за какой-то отпущенный ей час с небольшим было просто невозможно!

И все же она решила сделать хотя бы первую попытку.

Вытащив из-под седла специально припасенную для подобного случая длинную и толстую веревку, Онести выбрала на склоне холма сравнительно покатое место, где было меньше шансов сломать себе шею, привязала веревку к росшему у самого спуска дереву и, держась за нее обеими руками, начала медленно сползать вниз.

Она опустила метров на десять, когда вдруг услышала какой-то странный звук. Онести огляделась по сторонам, посмотрела вниз и замерла от ужаса.

По дну ущелья ехал всадник. Он приближался как раз к тому месту, где она должна была закончить свой спуск. Онести узнала его с первого взгляда: Роско Трит!!!

Она прижалась к земле и стала осторожно ползти по веревке назад к вершине холма. Роско был еще слишком далеко и вряд ли мог заметить ее. А если бы и заметил, то уж точно не узнал бы. Однако бандит появился в этих местах явно не случайно. Конечно, он преследовал их с Джессом от самого Ласт-Хоупа! Но как смог отыскать? И где его братец Роберт?

Тем временем странные звуки, исходившие, несомненно, от Роско, приближались. И тут Онести поняла, что бандит... пел! А по невероятной фальши, резавшей привычное к музыке ухо Онести, можно было с точностью понять, что исполнитель был в сильном подпитии. Если не вдребезги пьян...

Это обстоятельство могло быть и на руку Онести...

Или же наоборот?..

Когда Джесс вышел из здания телеграфа, его сразу же охватило тревожное предчувствие надвигающейся беды. По укоренившейся с годами привычке он почти машинально перешел на теневую сторону улицы. Потом расстегнул кобуру и снял спусковой крючок «кольта» с

предохранителя. Осмотревшись и не заметив на улице ничего более или менее подозрительного, Джесс пошел дальше. Но безотчетное чувство тревоги не покидало его.

Войдя в гостиницу, он бегом взлетел по лестнице на второй этаж, вынул из кармана ключи от номера и, отперев дверь, распахнул ее настежь.

— Онести, нам повезло! — крикнул Джесс прямо с порога. — Я нашел старого друга, который согласился...

И осекся... Голос Джесса эхом отозвался в пустой комнате...

Саквояж Онести лежал на кровати. Из-под одежды выглядывал уголок спрятанной там же сумочки с деньгами. Но самой Онести не было...

От бешенства у Джесса туманом застлало глаза. Эта мерзавка опять ускользнула!..

Прошел час...

Другой...

А хриплый голос Роско все продолжал оглашать ущелье дикими воплями. Онести тем временем удалось сначала спуститься на дно каньона, а затем, выбрав относительно доступный склон, вскарабкаться на длинную скалу, уходившую на север.

Был момент, когда ей показалось, что избежать встречи с Роско не удастся. Бандит неожиданно вырос на самом краю обрыва, откуда ему ничего не стоило заметить беглянку. Но, к счастью, ему было не до этого. Расстегнув брюки, он чуть нагнулся над пропастью и откровенно справил малую нужду.

Онести невольно сморщила нос и улучила момент, чтобы воспользоваться мерзким поведением.

Добравшись до своего привязанного к дереву жеребца, она задумалась. Ей предстояло кратчайшей дорогой вернуться в Сэйдж-Флэт и при этом не притащить на хвосте Роско. Заметив узенькую тропинку, спускавшуюся с гор и поросшую высоким кустарником, она решила ею воспользоваться. Правда, Роско уже совсем исчез из вида и в любом случае вряд ли мог ее заметить...

Но теперь перед Онести возникла новая проблема. Как ей вести себя с Джессом? Он вероятнее всего, уже вернулся в гостиницу. И, не найдя в номере Онести, уж конечно, бросился искать ее по всему городу.

А может быть, все и не так? Может быть, он все это время преспокойно просидел в ближайшем баре за бутылкой ликера? Во всяком случае, на это Онести очень даже хотелось надеяться...

Но если все же Джесс обнаружил ее исчезновение, Онести с трудом могла себе представить, как он поступит. Непременно придумает куда более суровое наказание, нежели в прошлый раз, когда приковал к своей руке...

Онести отвязала жеребца, влезла в седло и поскакала по тропинке вниз...

В Сэйдж-Флэт она вернулась, когда на небе уже блеснула матовым светом луна. Онести быстро соскочила с лошади и взбежала по ступенькам на второй этаж. Вынув из кармана жакета ключ, она вставила его в замочную скважину и повернула. Громкий щелчок заставил ее вздрогнуть. Но она все же отворила дверь и вошла.

Комната была пуста. Онести облегченно вздохнула. Но, посмотрев на себя в зеркало, пришла в ужас. Одежда Джесса, которая была на ней, представляла собой нечто невообразимое. Сплошь покрытая пылью и испачканная желтой глиной, она к тому же превратилась в лохмотья. Брюки на коленях оказались протертыми до дыр. Рукава рубашки были разорваны чуть ли не до плеч. И восстановить их не представлялось никакой возможности. К тому же Онести зацепилась спиной за какой-то колючий куст, и на этом месте зияла огромная рваная дыра, через которую просвечивало тело...

— Боже мой! — прошептала она.

Пока не вернулся Джесс, одежду надо было срочно куда-нибудь спрятать или уничтожить. А завтра, когда он заметит, что брюки и рубашка исчезли, придется придумать что-нибудь более или менее правдоподобное...

Заглянув в платную конюшню и не обнаружив там маленького серого жеребца, Джесс

бросился в салун, расположенный напротив гостиницы, потом — в только что отстроенный театр. Затем обследовал два работавших на этой улице ресторана. Не обошел вниманием и городскую баню, вестибюли ближайших отелей, четыре мужских увеселительных заведения.

Онести нигде не было... Изучив каждый закоулок в городе, Джесс понял, что единственным местом, куда могла направиться Онести, был каньон Пало-Дуро. Было странно, что ей в голову пришла мысль поехать туда одной. Он ведь обещал ей отвезти ее туда завтра утром! Тем более что ночью в каньоне вообще невозможно было что-либо разглядеть.

К сожалению, поступки Онести далеко не всегда поддавались логике...

Весьма озабоченный ее поведением, Джесс вернулся в гостиницу и поднялся на второй этаж. Первое, что он увидел, отперев и открыв дверь в номер, была наполовину обнаженная женская фигура, стоявшая у окна. Естественно, это была Онести...

Джесса охватило смешанное чувство облегчения и негодования. Облегчения — потому что с Онести не случилось ничего страшного, а негодования — потому что она вновь ослушалась его приказания. Ему стоило немалого труда удержаться, чтобы не подбежать к этой полуголой фее и не шлепнуть ее ладонью по аппетитной заднице.

Онести не замечала его появления. И это вызвало у Джесса тревогу: ведь вместо него в комнату мог войти кто угодно...

Он осторожно прикрыл дверь, бесшумно запер ее и, отойдя в темный угол, остановился, скрестив на груди руки.

Девушка тем временем воевала с его рубашкой, которую никак не могла снять. Когда же наконец освободилась от нее, наступила очередь брюк. Онести принялась расстегивать пуговицы. Джесс смотрел на ее обнаженную высокую грудь и млел от восторга. Нежные полушария девушки и впрямь были совершенными. Боже, какая грудь! Не большая и не маленькая! Но удивительно красивой формы! Сильная, упругая...

А Онести продолжала бороться с брюками. Неумелыми движениями она пыталась стянуть их, обнажая сантиметр за сантиметром свое тело. С каждым движением Джесс чувствовал, как у него пересыхает не только во рту, но и в горле...

Торопливость делала усилия Онести донельзя комичными. Когда же она, высвободив из брючины одну ногу, принялась скакать по комнате, пытаясь вытащить другую, и чуть было не свалилась на пол, Джесс был готов расхохотаться, чем, конечно, выдал бы себя.

Но он сдержался. Ведь представление этим не закончилось. Теперь Онести засуетилась, не зная, куда деть испорченную одежду. Сначала она попыталась было упрятать ее под подушку. Потом раздумала, видимо, решив, что это будет ненадежно. Она принялась запихивать связанные в узел рубашку и брюки под кровать. Это ее тоже не удовлетворило. Последнее, что пришло Онести в голову, так это скрыть все улики в платяном шкафу. Но, открыв его, она замерла в нерешительности.

Джесс больше не мог сдерживаться. Он громко захохотал и выступил из скрывавшего его темного угла на освещенную луной середину комнаты.

— Да выбросьте вы все это в окошко! — проговорил он, продолжая давиться от смеха:

— Джесс? — в ужасе воскликнула Онести, отступая к стене. — Боже, вы меня до смерти напугали!

— Напугал? Да я сейчас вытряхну из вас всю душу!

Онести отступила еще на шаг и со страхом смотрела на своего так называемого мужа. Никогда еще она не видела такой злобы и решимости в глазах мужчины.

— Вы не правы, Джесс! — воскликнула девушка. — Здесь все не так просто, как кажется на первый взгляд!

— Да ну?! Уж не будете ли вы уверять меня, будто не улизнули из номера сразу же, как только я закрыл за собой дверь? И ведь это несмотря на мое предупреждение!

Джесс медленно приближался, а Онести шаг за шагом отступала к стене.

— Что же на этот раз послужило причиной вашего безобразного поведения, Онести? Заполучить побольше денег? Испытать еще один пльвун? Или же организовать очередное выступление перед пьяной оравой?

— А вы никогда не замечали, что цвет ваших глаз изменяется в зависимости от настроения?

Джесс уперся обеими ладонями в стену так, что голова Онести оказалась между ними.

— Не пытайтесь уйти от разговора! Я хочу знать, где вы были и почему исчезли сразу же, как только я ушел. Вы это проделываете не впервые!

— Я... Я вышла подышать свежим воздухом...

— И для этого надели мои вещи?

— Но вы же сами сказали, что в этом городке женщине опасно появляться одной на улице! Вот я и переделалась мужчиной. Еще раз повторяю, что вышла просто для того, чтобы немного подышать свежим воздухом. И неожиданно увидела его!

— Кого? Вашего пропавшего брата?

— Нет. Роско Трита! Этот человек, видимо, все время следовал за нами. И вы, надеюсь, понимаете, что если появился Роско, то где-то поблизости бродит и его брат Роберт. Так вот! Чтобы мерзавец меня не заметил, я спряталась за скалой и просидела там до тех пор, пока не убедилась, что он ушел и теперь можно вернуться в гостиницу.

— Чтобы поскорее уничтожить все следы своего проступка. Bravo! Только зря вы снова пытаетесь мне лгать!

Что?! Она сказала почти всю правду! А он не поверил! Джесс стоял посреди комнаты и улыбался. Но эта улыбка не была доброй.

— А как вы сюда вошли? Я ведь запер дверь! Впрочем, это очередное преимущество семейной жизни. У нас с вами общая комната, но у каждого свой ключ. Мой я ношу в кармане, а второй — у вас. Вот вы им и воспользовались. Все ясно!

— Думаю, было бы лучше, чтобы и ваш ключ был у меня.

— Великолепно! Чтобы вы могли так же свободно и им пользоваться? Да еще и так, что об этом не будут знать даже в гостиничном вестибюле! Нет уж, дорогая! Этот номер у вас не пройдет!

Теперь они стояли нос к носу. Джесс продолжал говорить:

— Я сделал все для вашей безопасности, Онести. Несмотря на это, вы продолжаете меня игнорировать. Так вот: если вы снова попытаетесь улизнуть в мое отсутствие, между нами будет все кончено! Все обязательства, которые я вам дал, аннулируются. И дальше вы будете предоставлены самой себе. А я больше никогда к вам снова не вернусь!

— Вы блефуете, Джесс! — оборвала его Онести.

— Разве я сейчас похож на человека, занимающегося блефом? — спокойно возразил он. Действительно, он выглядел совершенно холодным и подозрительно собранным. Последнее испугало Онести. И взволновало.

— А может быть, я хотела, чтобы вы вернулись? — прошептала она.

— Что?!

— Я сказала: может быть, мне вас не хватало! Вы очень красивый мужчина, Джесс. Любая женщина желала бы, чтобы вы обратили на нее внимание.

— Вот оно что! Вы просто хотите, чтобы я обратил на вас внимание!

Некоторое время он искал глазами взгляд Онести, чтобы получить подтверждение своим словам, а заодно и понять причину подобного признания. Потом просунул ладонь между шеей Онести и спадавшими широким потоком на спину густыми волосами, повернул голову лицом к себе и прильнул к ее губам.

Он целовал ее с чувством полноправного собственника, вкладывая в каждый поцелуй всю силу своего желания и страстного темперамента. В первый момент Онести захныкала прямо в его губы, но тут же прижалась к Джессу всем телом. Ее руки обвились его шею, а ногти глубоко вонзились в оголенные плечи. Твердая женская грудь, прижавшаяся к его — сильной и широкой, — еще более воспламенила Джесса. Он поднял Онести на руки и понес к кровати.

Боже, зачем все это? Ведь еще мгновение, и он совсем потеряет над собой контроль! Джесс отлично понимал игру Онести. Но не имел больше сил с ней бороться, а только говорил глухим голосом:

— Я не дам вам этого сделать со мной, Онести!.. Не дам!..

— Чего?

— Заставить меня потерять над собой всякий контроль!

— Какое это имеет значение? Ведь мы намерены расстаться и больше никогда друг друга не видеть! Так почему бы нам и не запомнить эту ночь на всю оставшуюся жизнь? Если вас беспокоит, что возможны трудности с расторжением брака, то будьте уверены: я никогда и никому не расскажу о том, что между нами произошло.

Джесс вновь прильнул к ее губам.

Онести же была готова вот-вот разрыдаться. Она так давно мечтала о человеке, которому ей суждено принадлежать душой и телом! А теперь — принадлежать мужчине по имени Джесс! Сейчас ей казалось, что она ждала всю жизнь именно его. И вот он был в ее объятиях! Онести не могла сдержать радости, рвавшейся наружу.

Ей захотелось почувствовать кожу Джесса. Она расстегнула пуговицы на его рубашке. В ту же секунду ладонь Джесса опустилась по ее ребрам до талии, а затем, вновь поднявшись, сжала полушарие груди. Он наклонился и прильнул губами к ее соскам. Она выгнулась ему навстречу. Согнув левую ногу, Онести обхватила его талию Джесса. Он воспринял этот жест как приглашение. Его пальцы тут же оказались на мягких и курчавых волосиках, покрывавших лобок Онести. В следующую секунду они стали осторожно опускаться все ниже и ниже. Дыхание Онести сделалось шумным, частым, почти лихорадочным. Рассудок затуманился. Еще никогда она не думала, что наслаждение может быть таким захватывающим, полным, беспредельным...

Рука Джесса опускалась все ниже. Онести громко застонала:

— Боже, я не могу!..

Она не знала, что именно хотела сказать. Может быть, то, что не может больше выдерживать такого наслаждения. Или же пыталась протестовать против столь бесцеремонного вторжения его рук в самые интимные уголки ее тела... Ей казалось, что она цепляется за что-то невидимое, поднимаясь куда-то все выше и выше...

Неожиданно Джесс отдернул руку и отстранился. Онести вновь застонала и попыталась прижаться к нему.

— Нет, нет! — зашептала она. — Не уходите, не покидайте меня!

— Дорогая! — улыбнулся он. — О чем вы говорите? Я же только начинаю!

И в ту же секунду его напряженная плоть проникла в нее. Горячая, большая, сильная...

Она проникала так глубоко, словно хотела разорвать ее тело...

Теперь застонал Джесс. Он выгнулся ей навстречу и вдруг отстранился. Потом вновь вошел в нее. Снова отстранился. И вновь... И вновь...

Боли Онести не почувствовала. Или же не запомнила. Она прижалась к Джессу бедрами, желая снова принять его в себя без остатка. Чувствовала соль на его коже, запах его волос... Ощущала силу его большого мужского тела...

Их движения становились все более частыми. Дыхание Джесса сделалось горячим и прерывистым. Глаза стали темными, как полуночный лес. Он проникал в женскую плоть Онести все более напористо и резко...

— Дж... Джесс! — негромко воскликнула Онести, чувствуя от столь яростного мужского напора головокружение.

— Отдайте мне все... — шептал он задыхаясь.

— Джесс... Я... я... О Боже мой!..

И ее ногти впились в его плечи...

Онести не помнила, долго ли это продолжалось. Но, наверное, не один час.

— Если бы все было так же прекрасно тогда, в первый раз, то я бы умер от наслаждения! — пробормотал Джесс, уткнувшись носом в грудь Онести.

— Что ж, давайте представим себе, что это и была наша первая ночь, — нежно прошептала она в ответ.

Джесс на мгновение поднял голову и хитро подмигнул:

— А ведь теперь уже вы должны мне три доллара!

Она взяла его руку и поднесла ладонь к своим губам...

Джесс проснулся в самом лучшем настроении. Крепко обняв Онести, он привлек ее к себе. Это ненасытное желание удивило Джесса: ведь ночью они уже столько раз принадлежали друг другу! И все же он хотел ее снова и снова. Был готов провести с ней весь день в постели. Но...

Им обоим предстояли очень важные дела...

— Давай-ка вставай, лентяйка! — с нарочитой грубостью приказал Джесс, впервые обращаясь к Онести на ты.

— Ты считаешь, что непременно нужно встать? — промурлыкала она, томно потягиваясь, но не открывая глаз.

— Нужно! Если мы все же хотим увидеть диких лошадей.

Онести сразу же открыла глаза:

— Боже, я совсем забыла про них!

— Зато я помню. Ибо обещал тебе. Я всегда был человеком слова!

Джесс вскочил с кровати, схватил Онести за руку и стащил на пол. Правда, тут же помог подняться на ноги...

И тут ясное тихое утро взорвалось ружейным выстрелом. Стреляли по их окну. Джесс повалил Онести на пол и прикрыл собой от осколков оконного стекла, вдребезги разбитого пульей. В следующую секунду один за другим раздалось еще три выстрела. Однако громкие крики, донесшиеся с улицы, подсказали Джессу, что больше стрельбы не будет. Во всяком случае, в ближайшие минуты. Он встал и помог Онести чуть приподняться и сесть на пол.

— Тебя не задело?

— Нет. А тебя?

— Даже не поцарапало.

— Думаешь, это стреляли по нам?

— Вряд ли... Судя по последним трем выстрелам, стреляли с большого расстояния.

Оттуда различить, что это мы, было бы просто невозможно.

Тем не менее выстрелы послужили для Джесса напоминанием о тех опасностях, которые буквально преследовали его в последние годы.

— Давай быстро соберем вещи и подобру-поздорову уберемся отсюда! — решительно сказал он.

— Лучше, если ты пойдешь седлать лошадей, а я пока соберу вещи. Так будет быстрее!

— Ты уверена?

— Уверена. Встретимся в вестибюле.

Джесс быстро оделся и вышел. Как только дверь за ним закрылась, Онести почувствовала, что у нее подгибаются колени. Она медленно опустилась на край кровати. Вновь и вновь Онести переживала только что случившееся. Выстрел... Звон разбивающегося стекла... Джесс, закрывший ее своим телом... О Боже! Он мог погибнуть! И только она одна стала бы тому виной! Пусть эти пули не попали в цель. Но следующие могли бы стать для него роковыми!

Неземное блаженство, которое Онести едва успела испытать, поблекло подобно осеннему листку. Нет, она не может дальше вести себя подобным образом! Не может и не смеет! Она должна, даже обязана рассказать Джессу о своем родстве с Дьюсом Магуайром, о его гибели и той опасности, которая грозит самому Джессу. Она все еще ничего не знает о том, чего Джесс хотел от ее отца, и не представляет себе, как он может отнестись к ее признанию. Но все равно он имеет право знать о грозящей ему опасности и должен быть готовым ко всему, даже самому худшему. Конечно, он очень разозлится на нее за столь долгое молчание. И возможно, никогда не простит. Но все же это будет лучше, чем видеть его мертвым...

Онести вытерла глаза, встала с кровати и принялась собирать вещи.

Прошло всего несколько минут, и она услышала тихий стук в дверь. Онести открыла ее и увидела перед собой гостиничного портье.

— Вот письмо на имя мистера Джонса, — сказал он.

— Спасибо, я передам ему.

— Но мне приказано вручить конверт лично мистеру Джонсу.

— Я его жена. И, будьте уверены, передам письмо мистеру Джонсу, как только он появится.

Взяв из рук портье конверт, Онести повертела его в руках и обнаружила, что обратного адреса на нем не было. От кого оно могло прийти? Ведь никто не знал, что они с Джессом едут в Сэйдж-Флэт.

Она соскоблила ногтем сургучную печать, развернула вложенный в конверт листок и пробежала его глазами. Одна буква налезала на другую, а вместе ничего нельзя было понять. Кроме одного слова: «Магуайр».

Все поплыло перед глазами Онести. И как сквозь туман донеслись до нее чьи-то голоса из-за двери. Выглянув в коридор, она увидела проходившую мимо ее номера степенную пару.

— Извините, сэр, могу ли я попросить вас об одолжении? — обратилась Онести к

мужчине.

— Пожалуйста.

— Видите ли, я только что получила вот этот конверт. Но куда-то дела свои очки и не могу разобрать ни строчки. Не могли бы вы мне прочесть все послание?

— С готовностью!

Он взял конверт, вынул из него листок.

— Это телеграмма.

— Телеграмма? Странно! От кого?

— Здесь не указано.

— А о чем в ней говорится?

— Сейчас прочту... Так... «Мистеру Джонсу. Имя Мэллори скорее всего псевдоним или кличка Магуайра.

Последний его адрес — Суитуотер. Дополнительную информацию пришлю чуть позже».

Поблагодарив пожилого господина, Онести вернулась в номер и вновь пробежала глазами телеграмму. И на этот раз разобрала все. Содержание выглядело настоящим проклятием для нее, ибо связывало ее имя с двумя другими, которые отец чаще всего использовал в качестве псевдонимов. Все остальное Джесс мог дорисовать без особого труда. Конечно, Онести уже решила все ему рассказать. Так что приведенные в телеграмме факты не особенно ее тревожили. Но почему послание было адресовано именно Джессу? Кто был отправителем этой телеграммы? И наконец, все тот же вопрос: что связывает Джесса с Дьюсом?

Онести и Дьюс действительно провели некоторое время в Суитуотере. Да и на ее карте этот городок был помечен звездочкой. Но ей тогда было одиннадцать, самое большее — двенадцать лет от роду! К тому времени когда эти чертовы детективы начали преследовать ее отца, они оттуда уехали.

Пальцы Онести сделались холодными как лед. Кровь в жилах, казалось, застыла...

Нет...

Она бросилась к кровати и вытряхнула из саквояжа все вещи Джесса. Онести сама не знала, что именно хотела там найти. Скорее всего подтверждение своих подозрений или же, наоборот, их необоснованность. Другими словами, подсознательно она искала ключ к разгадке личности Джесса. Кто он такой? Чем занимается? Почему так интересуется ее отцом?

Рука Онести нащупала спичечную коробку. Она вытащила ее и повернула дном вверх. В левом углу было выгравировано что-то напоминающее открытый глаз, а в центре — инициалы: «Дж. Дж. Р.».

В памяти Онести вдруг возник рекламный листок, который она видела на стене одной лавки в Денвере. На нем был изображен точно такой же широко открытый и полный тревоги глаз.

— Это их символ, девочка, — объяснил ей тогда Дьюс. — Означает: «Разыскное агентство «Пинкертон». Мы никогда не спим!»

«Они также никогда не спают! — подумала Онести. — Да, они преследуют преступника неустанно, планомерно, безжалостно. Меняют внешность, манеру поведения. И делают все это с такой же легкостью, с какой обыкновенные люди переодеваются».

Теперь Онести поняла, почему Джесс всегда выглядел таким загадочным. Нет, он

никогда не был бездомным бродягой. Не был и преступником, которого разыскивала полиция. Все обстояло гораздо хуже и... опаснее! Джесс Джонс (или как его там звали!) был детективом розыскного агентства «Пинкертон»...

Господи, помоги ей! Она полюбила этого человека!..

Джесс седлал лошадей, охваченный нетерпением поскорее уехать из этого города. Его тревожил рассказ Онести о том, что она видела Роско Трита. Правда, Джесс не поверил ей. Но если Онести сказала правду? Что, если братья Трит все-таки разыскали их?

Естественно, на своем пути Джесс не мог не оставить каких-либо следов. Пусть почти незаметных и незначительных. Бывало, например, так, что Джесс невольно заглядывался на какую-нибудь интересную женщину. Кто-то подмечал этот взгляд. После чего женщина начинала подвергаться угрозам и преследованиям. Или жертвами становились члены ее семьи. Какие-то люди в отсутствие хозяев обыскивали дом. При загадочных обстоятельствах погибала любимая собака...

Джесс полностью отдавал себе отчет в том, что его работа не может не навлекать бед на головы невинных людей. А потому он должен быть всегда предельно осторожным в своих действиях!

Именно в целях подобной предосторожности Джесс настоял, чтобы его мать переехала в штат Монтана, где могла чувствовать себя в безопасности.

Все это было так. Джесс теперь задавался мыслью, что делать с Онести. Отправить назад в Ласт-Хоуп? Но это означало бы, что она вернется к прежнему образу жизни. А ведь он женился на ней! Причем уже не только формально. И тем самым взял на себя ответственность за ее безопасность. Поэтому оставалось одно: бдительно охранять Онести.

Но если он так решил, то должен рассказать ей всю правду о себе. А в первую очередь открыть, кто он на самом деле такой и где работает.

Но может ли он пойти на подобный риск? Что, если она разоблачит его?..

С другой стороны, возможно, пришло время хоть немного ей поверить. Энни была права, заметив несколько дней назад, что Онести отнюдь не Миранда. А потому не надо их постоянно сравнивать. И если Джесс будет хоть чуточку верить Онести, возможно, она оплатит ему тем же...

Джесс вернулся в гостиницу. В вестибюле Онести не было. Подумав, что она все еще занята упаковкой вещей, он взбежал по лестнице на второй этаж и, открыв дверь в номер, громко крикнул:

— Онести, лошади уже го...

И осекся на полуслове... Нет, этого не может быть! Она не должна была вновь сыграть с ним подобную шутку! Тем более после ночи, которую они провели вместе...

— Онести! — вновь крикнул Джесс, хотя было ясно, что в комнате, кроме него самого, никого нет. Окно оставалось закрытым, дверцы платяного шкафа — распахнутыми настежь. На полу и на кровати лежали осколки оконного стекла, разбитого пулей.

Но Онести не было...

Может быть, Роско Трит все же заметил и узнал ее? А затем проследил и захватил?

Боясь поверить в самое худшее, Джесс уложил все свои вещи в саквояж и перекинул его через плечо. При этом случайно зацепил край одеяла, которое сползло на пол. Он рассеянно взглянул на постель и похолодел...

На белой простыне отчетливо проступали пятна крови. Значит, если не пуля, то осколки стекла все же поранили Онести? — пронеслось в голове. Он внимательно осмотрел все постельное белье. Пятна не выглядели свежими. Значит, это произошло накануне, а не

утром...

У Джесс перехватило дыхание, когда он подумал, что близость с мужчиной была для Онести первой в жизни.

Да нет же! Такого просто не могло быть! Абсурд! Ведь он своим глазами видел, как она в Ласт-Хоупе уводила за руку мужчину к себе в комнату! Черт побери, да и он в первый же день своего приезда удостоился подобной чести под предлогом ванны!

Но ведь тогда он почему-то ничего не запомнил... В памяти Джесса остались лишь слова Онести о том, что между ними ночью «все было»... Однако сам-то он ничего не мог вспомнить!..

Чувствуя, что начинает колоть сердце, он попытался восстановить в памяти все мельчайшие подробности уже сегодняшней ночи.

Да, Онести была очень скованной. Казалась неуверенной. Временами — даже неловкой. Он, входя в нее, чувствовал какое-то сопротивление. В тот момент все ее тело сжалось. Что это было? До встречи с Онести Джесс никогда не имел дела с девственницами. А потому был в этом смысле очень неопытным. И сейчас до него не сразу дошло, что произошло минувшей ночью. Когда он наконец осознал это, то схватился за голову:

— О Боже!..

Все происшедшее за последние недели показалось ему бессмысленным, совершенно непонятым и лишним. Со стороны это выглядело не только пошло, но и в высшей степени странно. Он встретил обыкновенную салонную шлюху, купил за три доллара ее ночь, а она потом женила его на себе. И вдруг оказывается, что до сегодняшней ночи она оставалась девственницей!..

Что за ерунда?! Но похоже, что так оно и было! Доказательство — кровь на простыне!..

Черт побери, какую игру она с ним затеяла?!

Онести скакала по равнине, приближаясь к горному массиву и каньону Пало-Дуро. В ушах уныло гудел ветер. В душе было столь же пустынно, как и вокруг. Глаза застилал летевший навстречу песок. Сердце оставалось холодным и хрупким.

Почему она не прислушалась к своему внутреннему голосу в первый же момент, как увидела Джесса? Ведь она сразу же подумала, что этот человек либо преследует кого-то, либо сам старается укрыться. А его разговор с братьями Трит, который она подслушала в салоне Скарлет Роуз? Нет, с ним ей надо расстаться навсегда. Решительно и бесповоротно!

Она так и поступит! Потому что должна выжить, найти наконец то, что завещал отец, и построить для себя будущее. На отцовском наследстве, не важно — хорошо или плохо! Это все, что ей осталось и за что она должна бороться!

За спиной Онести послышался конский топот. Она оглянулась и увидела быстро приближающееся облако пыли.

Джесс! Как ему удалось ее отыскать? Так быстро! И почему, черт возьми, он упорно не хочет оставить ее одну? Нет, этому надо решительно положить конец!

Онести натянула поводья и остановила жеребца. Сейчас она наконец откроется ему! И между ними все будет кончено!

В следующее мгновение облако пыли надвинулось почти вплотную и тут же рассеялось. Онести подняла голову, намереваясь смерить Джесса презрительным взглядом, но на нее смотрели совершенно другие глаза... глаза Роберта Трита, за спиной которого виднелась голова Роско.

— Я же говорил тебе, что намерен видеть ее в каньоне, — с победным видом сказал последний.

— Да, братец, ты не ошибся! — хмыкнул Роберт. — Это и впрямь наша улетевшая певчая птичка. Но на этот раз, дорогуша, ты так легко не ускользнешь!

Он протянул руку и выхватил у Онести поводья.

— Что вам от меня нужно? — крикнула она, вспыхнув от негодования.

— То же, что и раньше. Ваш отец.

— Мой отец умер, Роберт! Вы же сами его застрелили три месяца назад!

— Уверен, что вам очень хотелось бы меня в этом уверить. Но, извините, Мы оба знаем правду!

— То, что я сказала, и есть правда! Вы убили Дьюса выстрелом в живот. Это произошло в Дуранго.

Лицо Роберта сделалось красным, рука, державшая поводья, дрогнула, и лошадь перешла с бега на спокойный шаг. Онести привыкла видеть Трита всегда уравновешенным и собранным, а потому даже этот внутренний всплеск эмоций напугал ее.

— Почему вы не сказали нам об этом с самого начала? — с угрозой в голосе спросил он.

— Потому что вы бы мне не поверили.

— Ну что мы теперь будем делать? — в ужасе прошептал Роско. — Ведь если Магуайр мертв, то мы никогда не вернем своих денег!

— Ты спрашиваешь, что мы теперь будем делать?

— Да, именно это!

— Теперь мы убьем ее, — совершенно спокойно ответил Роберт, как будто речь шла не о человеческой жизни. — Она нас знает и может выдать.

— Но я еще никогда в жизни не убивал женщину!

— Ты ее просто застрелишь.

— Выстрелы могут слышать!

— Тогда мы ее повесим.

— Я не вижу здесь ни одного дерева.

Роберт бросил на брата испепеляющий взгляд и заскрипел зубами:

— Ну, задуши ее! Честное слово, мне абсолютно все равно, каким путем ты отправишь ее на тот свет!

Каждый из предлагаемых методов убийства невольно вызывал в воображении Онести соответствующую картину. Боже, как она желала, чтобы Джесс сейчас оказался рядом! Но тут же Онести упрекнула себя за подобную мысль. Ведь большую часть своей жизни она зависела от Дьюса, который в трудную минуту всегда приходил на помощь. Теперь, когда отец умер, ей не на кого было надеяться, кроме себя самой. И нечего вспоминать Джесса! Тем более что он поклялся больше никогда к ней не возвращаться.

Нет, она должна сама выпутываться из этого ужасного положения!

Онести подняла голову и сказала, глядя в глаза Роберту:

— Пока вы здесь спорите, каким образом со мной покончить, я могла бы пойти и забрать спрятанные отцом деньги. Думаю, вы не станете против этого возражать.

— Что вы сказали? — вытаращил глаза Роско.

— Вы знаете, где они лежат? — воскликнул Роберт.

— Конечно. У отца никогда не было от меня секретов.

Это была ложь. Но отчаянная ситуация, в которой очутилась Онести, не оставляла ей

другого выхода. Если бы она не посулила этого бандитам, то не дожидаясь бы и до вечера.

— Где деньги? — подался всем телом вперед Роско.

— Вы что, считаете меня за круглую идиотку? — усмехнулась Онести. — Так я вам сразу все и сказала!

— Да не знает она ничего об этом миллионе, — махнул рукой Роско.

— Может, мы все-таки рискнем? — пожал плечами Роберт.

— А если она снова обведет нас вокруг пальца? В прошлый раз именно так и получилось! Из дома выскочил тот мерзавец, которого она как-то успела предупредить, и погнался за нами. Чем это кончилось, ты, верно, помнишь. Я — тем более: посмотри на мой вторично сломанный нос!

— Онести, — необычайно мягко сказал Роберт, — ведь это действительно в ваших интересах. Укажите нам, где спрятаны деньги. Иначе мы...

— Иначе вы меня изнасилуете? Убьете? Станете издеваться? Имейте в виду, если вы хотя бы попытаетесь сделать что-либо в этом роде, то, клянусь могилой своего отца, вы не увидите ни цента из спрятанного миллиона!

Роберт задумался. Потом тронул поводья и сказал:

— Если вы намерены нас дурачить, то горько об этом пожалеете!

«Онести, конечно, лгала», — думал Джесс, выводя из конюшни свою лошадь.

Но почему это его так шокировало? Ведь она только и делала, что лгала ему с первого дня знакомства. Пора было бы уже и привыкнуть к этому! И каким же надо было быть дураком, чтобы поверить, что одна ночь все изменила!

Нет, он больше никогда и никому не позволит себя дурачить! И никогда не вернется к ней! Пусть выкручивается сама. Тем более что он уже измучен и смертельно устал. К тому же сколько можно откладывать собственные дела? Пора наконец заняться поимкой этого чертова Магуайра!

— Джесс!

Он повернулся.

— Бретт!

— Да, он самый! Уже потерял надежду тебя найти. Обшарил, наверное, весь город!

— Что-то случилось с Энни или девочками?

— Слава Богу, с ними все в порядке. Я просто вспомнил, где раньше видел твою жену.

— Надо было обшаривать весь город только для того, чтобы сказать мне это!

— Не только это. Ты говорил, что разыскиваешь некоего Джорджа Мэллори?

— Разыскивал.

Джесс не стал говорить, что теперь поисками будет заниматься Онести, ибо это ее личные проблемы.

— Ты знаешь, как он выглядит?

— Нет.

— Тогда тебя может заинтересовать вот это.

Бретт полез в карман и вытащил оттуда страницу какой-то старой газеты.

— Я встретил этого человека в Суитуотере в 1876 году. С ним была девушка. За прошедшие десять лет она сильно изменилась. Но я все равно узнал ее!

Джесс сначала не понял, какое отношение к событиям сегодняшнего дня имеет встреча Бретта с Мэллори. Тем более произошедшая десять лет назад. Но когда он бросил взгляд на

переданную Бреттом газетную вырезку, все сразу объяснилось. На него смотрела улыбающаяся девочка-подросток, в которой Джесс тут же узнал Онести.

Рядом с ней стоял загорелый мужчина средних лет. Лицо это было знакомо Джессу. И опять же по газетной фотографии, переданной ему шефом три месяца назад вместе с другими документами по делу Магуайра.

Глаза Джесса вспыхнули, а ноздри хищно расширились, как у ищейки или волка, почуявшего добычу.

Шанс поймать Дьюса только что был в его руках. Но он его не использовал...

Этим шансом была Онести...

— Ты уверен, что она поехала именно этой дорогой? — спросил Бретт. — Я, кажется, видел ее на другой.

— Совершенно уверен. У нее есть карта, на которой отмечен и Суитуотер. Затем она, видимо, отправится в Спринг-Крик. Можно с уверенностью сказать, что Онести следует дорогой, по которой проехал Магуайр, оставляя по пути отметки.

Примерно в миле от города Бретт неожиданно остановил свою лошадь:

— Смотри!

И показал рукой налево. Джесс посмотрел туда и увидел какой-то голубой предмет. Оба спешили и подошли ближе. В траве лежал носовой платок. Джесс поднял его, внимательно осмотрел, даже понюхал и убежденно сказал:

— Пахнет сиренью. Это ее любимые духи.

— Значит, это ее?

— Несомненно!

— Тогда внимательно осмотри траву, где он лежал. Джесс последовал совету Бретта.

— Здесь следы копыт. Раз... Два... Три... Было три лошади. Черт побери, она снова попала к ним в лапы!

— К кому?

— Длинная история. Помоги мне ее найти, Бретт, и я все расскажу.

Тропа привела их к началу каньона Пало-Дуро. Здесь они поменялись местами: Бретт, лучше знавший окрестности ущелья, поехал впереди. Джесс следовал за ним, стараясь отогнать от себя мрачные мысли. Его уже не интересовало, что Онести была единственной нитью, которая могла бы наконец привести его к разгадке дела Магуайра. Джесс проклинал себя за то, что дал братьям Трит возможность найти ее. Он должен был ни на минуту не оставлять ее, не спускать с нее глаз. До чего же он был глуп, предположив, что после проведенной ночи Онести уже никогда от него не сбежит! Какая же стена все время стояла между ними!

День начинал склоняться к вечеру, когда Джесс неожиданно увидел серого жеребца Онести, мелькнувшего между деревьев. Он пришпорил Джемину и помчался вперед. Бретт не отставал от него ни на шаг.

Там, где лес начинал редеть, Джесс придержал лошадь, спешил и стал осторожно пробираться дальше.

Вскоре он увидел Онести. Она сидела на выступе скалы у самого берега и наблюдала за Робертом. Тот же, с трудом держась на ногах, с отчаянием в глазах смотрел на лежавшего у его ног грузного брата, который был без сознания.

Джесс потянулся за пистолетом, намереваясь пристрелить бандитов на месте. Но его остановил холодный, невнятный голос Роберта, обращенный к Онести:

— Ах ты, дрянь! Мерзкая сука! Говори, чего подмешала нам в виски?!

С трудом подняв руку, Роберт отбросил в кусты полупустую фляжку и, свалившись на землю рядом с Роско, уткнулся носом в мох. Онести медленно приблизилась к нему и, протянув руку, тряхнула за плечо:

— Роберт!

Ответа не последовало.

«Господи, что она с ними сделала?» — подумал Джесс. Ответ на этот вопрос он тут же прочитал на лице Онести, с ехиднейшей улыбкой сказавшей:

— Приятных сновидений, господа Трит! Спасибо вам за незабываемый день!

При этих словах в памяти Джесса восстали картины раннего утра после его первой ночи с Онести в Ласт-Хоупе. Так вот, оказывается, что она с ним сделала! Усыпила подмешанным в виски зельем!

Негодование все сильнее и сильнее сжимало горло Джесса, пока он подходил к Онести. А она тем временем спокойно обшаривала карманы неподвижно лежавших на земле бандитов.

Джесс остановился в двух шагах от нее и некоторое время наблюдал за ее действиями.

Онести, почувствовав его взгляд, подняла голову.

— Так, так, так! — процедил Джесс сквозь зубы. — Никак это моя дражайшая маленькая супруга?

Онести вздрогнула. Глаза ее расширились. В первый момент она облегченно вздохнула и протянула руки навстречу Джессу. Но тут же опомнилась и опустила их. В ее глазах заблестел тревожный огонек. Она проглотила подкативший к горлу комок.

Джесс же, забыв про лежавших рядом братьев Трит, несколько мгновений смотрел на беглянку жену и дрожал от бешенства. Потом резко шагнул вперед и грубо схватил ее за руку. Онести быстро нагнулась и впиалась в его ладонь зубами.

— Оставьте меня, мерзкая подлая змея! — взвизгнула она, оторвавшись от руки Джесса.

Прежде чем она снова попыталась его укусить, он сделал быстрое движение, успев-таки схватить Онести за оба запястья и поднять ее руки над головой.

— Вы полагаете, что именно так надо разговаривать со своим мужем? — крикнул Джесс, смотря ей в глаза. — Игра закончена, моя милая женушка! Так или иначе, но вы пойдете со мной!

— Никуда я с вами не пойду! — визжала Онести. — Потому что вы самый настоящий иуда!

— Иуда? Это почему же?

— Иуда! Иуда! Иуда! Теперь я знаю, кто вы на самом деле!

— Да ну? Так кто же?

— Вы один из грязных агентов розыскного агентства «Пинкертон»! И не пытайтесь этого отрицать!

— Я и не собираюсь отрицать. Да, я сотрудник этого замечательного агентства, занимающегося борьбой с мерзавцами, негодьями, ворами и бандитами.

Джесс сделал паузу и с холодной улыбкой сказал:

— Но ведь и я, в свою очередь, знаю, кто вы...

— Джордж Мэллори и Дьюс Магуайр — это одно и то же лицо! — Голос Джесса звучал холодно как сталь. — Итак, теперь, когда ты знаешь, кто я, а мне доподлинно известно, кто ты, давай положим конец всей этой маленькой шараде.

Онести взглянула в его полные негодования глаза и почувствовала, как ее охватывает ужас.

— Я не понимаю, о ком ты говоришь? — произнесла она дрожащим голосом, чувствуя, что у нее подгибаются колени.

— Черт побери, Онести! — уже почти на грани бешенства воскликнул Джесс. — Я предоставил тебе возможность сказать мне всю правду. Признаться, за чем ты все это время так упорно охотилась, почему тебе вдруг срочно понадобились моя помощь и защита. Тем не менее ты все еще отказываешься доверять мне, не желаешь быть до конца честной и откровенной!

— Кому ты предлагаешь мне доверять? Сотруднику разыскного агентства «Пинкертон»?! Если, конечно, это не шутка! Ваши люди — всего лишь жалкие доносчики, охотники за подачками! Сам посуди, могу ли я доверять тебе — одному из них?!

О, как же Онести хотела верить тем словам, которые сейчас произносила! Она ненавидела себя за то, что все держала в секрете от Джесса. Но, с другой стороны, могла ли она позволить ему контролировать каждый свой шаг, дать возможность по его собственному усмотрению разрушать ее мечты? Нет!

Джесс горестно вздохнул:

— Я вижу, что волей или неволей мы должны пройти весь этот трудный путь до конца!

— Что ты намерен делать? — спросила Онести.

— Увезти тебя в Денвер. Может быть, десяток лет в тюрьме смягчат твой упрямый нрав и избавят язык от привычки лгать и говорить дерзости.

Горькие слезы несбывшихся надежд хлынули из ее глаз, когда Джесс вынул наручники с явным намерением надеть их ей на запястья.

— Чего ты от меня хочешь? — в голос зарыдала Онести.

— Правды. Хочу, чтобы ты сказала, кем приходишься Дьюсу Магуайру и почему, пытаюсь его разыскать, рискуешь жизнью.

— Он был моим отцом! Ты желаешь знать, где он сейчас? В могиле близ небольшого городка под названием Салида.

Джесс старался поймать взгляд Онести. Но уже сердцем чувствовал, что на этот раз она сказала правду.

Однако в следующую секунду его глаза вновь сделались жесткими и безжалостными.

— Просто великолепная игра! — усмехнулся Джесс. — Но я ей не верю! Хотя твои слезы и выглядят очень естественными, даже трогательными!

— Но я же сказала правду! Моего отца застрелил Роберт Трит. Это произошло в Дуранго три месяца назад. Тогда мы все-таки успели залезть в проходящий поезд. Но Дьюс скончался по дороге. Если ты не веришь мне, то спроси старого отшельника, живущего недалеко от того места. Он помогал мне хоронить отца.

— Что ж, это неплохая мысль. Надо будет разыскать этого отшельника и допросить, А сейчас пойдем!

Онести отступила на шаг и отрицательно покачала головой. В следующий момент она быстра нагнулась и подобрала лежавший на земле «кольт».

— Я уже сказала, что никуда с тобой не пойду и не поеду! — крикнула она и наставила дуло пистолета в грудь Джесса.

Он посмотрел сначала на «кольт», дрожавший в руках Онести, затем — на нее и со вздохом сказал:

— Ты осталась моей должницей, Онести, а сейчас грозишь меня пристрелить. Это просто некрасиво. К тому же подумай трезво: ведь я могу либо помочь тебе, либо причинить боль. Если ты не бросишь пистолет, то мне придется прибегнуть к последнему.

Он поднял руку и сделал шаг к Онести. Та отпрыгнула назад и прошептала:

— Еще одно движение, и я стреляю!

— Ты собираешься в меня стрелять?

— Я не хочу этого. Но выстрелю, если ты меня принудишь.

— Что ж, да будет так, если ты уж непременно этого хочешь! Но пойми, дорогая моя, что таким способом все равно от меня не отделаешься. Я буду тебя преследовать и непременно посажу Дьюса Магуайра на скамью подсудимых!

— За что? — сквозь слезы воскликнула Онести. — Что тебе сделал Дьюс, чтобы преследовать его, как дикого, затравленного зверя?

— Шестнадцать лет назад он выкрал двух маленьких девочек из одной семьи и потребовал за них выкуп. А после того как получил деньги, убил их. Сам же Дьюс сбежал!

Онести побледнела.

— Нет! — отчаянно закричала она. — Он не мог этого сделать!

— Тем не менее сделал! Причем дал расписку в получении выкупа.

— Это какая-то ошибка! — не сдавалась Онести. — Мой отец мог совершить множество противозаконных поступков. Но он никогда никого не убивал. Тем более — маленьких детей!

— Значит, ты плохо знала своего отца!

С этими словами Джесс сделал быстрый шаг вперед, выбил из руки Онести «кольт» и с презрением посмотрел ей в лицо:

— Твой отец, Онести, низкий и мерзкий обманщик! Мошенник, известный всей стране! И сделал тебя своей сообщницей!

Сейчас Онести отдала бы все на свете, чтобы опровергнуть это страшное обвинение! Однако она отлично понимала, что Джесс во многом прав. Дьюс действительно обманывал людей. Действительно занимался мошенничеством.

Но если Джесс хочет убедить ее, будто бы этот жизнерадостный, исключительно добрый человек и нежнейший отец мог совершить столь чудовищное преступление — выкрасть из семьи двух малюток, получить за них выкуп и потом убить!.. Нет, это ложь! Нет, нет и еще тысячу раз — нет!

Молнией в сознании Онести сверкнули слова Дьюса: «Что бы ни случилось, помни: я всегда любил тебя всем сердцем!»

Перед ее взором возникли знакомые, но необыкновенно яркие и почему-то очень дорогие сердцу картины: голубое небо, зеленая трава, в которой так и хотелось утонуть. Далекое, покрытые дымкой скалы. Огромная, кажущаяся бесконечной, бухта, чуть тронутая теплым соленым ветерком, шепчущим ее имя...

Где она все это видела?

Когда?

Но видела же! В этом нет сомнения!

Давно...

Очень давно...

Или...

Что, если?..

Нет же! Это невозможно!..

И вновь в памяти возникли слова Дьюса: «Ты скоро все узнаешь. Правда заключена в плывущих камнях».

Боже!

Онести закрыла глаза, почувствовав острую боль в сердце. Господи! Если это правда и она одна из тех двух малышей, которых выкрал... выкрал Дьюс! Величайший мошенник американского Запада совершил свое величайшее мошенничество!

Онести медленно открыла глаза и, глядя на стоявшего перед ней неумолимого обвинителя, прошептала:

— Джесс! Похоже, одной из тех маленьких девочек, похищенных Дьюсом, была... я!

Джесс с недоверием смотрел на нее.

Онести? Она — одна из двух давно пропавших девочек? Дочь человека, владеющего самой богатой компанией морских перевозок?

— Однако в тебе и впрямь что-то есть! — заметил Джесс. — Или Скарлет Роуз была права, когда говорила, что ты рождена для сцены и привыкла всегда играть?

— Выслушай меня! — взмолилась Онести. — Когда Роберт поймал нас, отец сказал мне, что, если нам придется разлучиться, я должна как можно дальше бежать из тех мест. И кроме того, обязательно узнать нечто очень важное. Позже, в день своей смерти, Дьюс наказал мне вернуться туда, откуда мы с ним начинали свой путь. При этом несколько раз повторил, что правду о всей своей жизни я смогу узнать только в каких-то «плывущих камнях». С тех пор я везде и ищу те самые камни. Теперь, надеюсь, ты понял? Искала как раз то, что отец велел мне непременно найти! Ибо он очень хотел, чтобы я узнала эту правду!

— Ты с самого начала состряпала эту сказку вместе с Магуайром?

— Видишь ли, Джесс, я отлично понимаю, что выгляжу не совсем нормальной. Но не могу постоянно обо всем этом не думать! Отец — Дьюс Магуайр — почему-то никогда не говорил со мной о матери. Он вечно был в бегах, каких-то заботах, нигде надолго не задерживался, а потому, вероятно, просто не имел времени на подобные разговоры. Кроме того, за ним вечно охотились.

Джесс скрестил на груди руки.

— Ты все это выдумала своим крохотным умишком? — усмехнулся он.

— Ты не можешь отрицать фактов, Джесс!

— Кроме одного.

— Какого?

— Что маленькие девочки, похищенные Магуайром, умерли!

— Ты в этом уверен?

— Уверен!

— А не кажется ли тебе, что кое-кому просто хочется, чтобы их считали мертвыми? Что кто-то в этом очень заинтересован? Не думаешь ли ты, что было просто необходимо поговорить о такой возможности с членами их семьи?

— Чтобы они все решили сами?

— Нет, Джесс, это было бы еще рано.

— Почему?

— Потому что девочек никто не видел вот уже шестнадцать лет. Если я не права, это бы разбередило мои старые раны. Но если права, то мне надо иметь очень веские доказательства своей правоты.

— У тебя они есть?

— Я уверена, что смогу их представить, как только найду эти самые «плывущие камни».

Джесс долго и жестко смотрел в глаза Онести. В ее словах прослеживалась логика. К тому же она вкладывала в них столько уверенности, что впору было даже испугаться.

Черт побери, в конце концов, если это очередная ложь, за которую Онести хочет уцепиться как за соломинку, то подобная уловка у нее не пройдет! Конечно, Дьюс Магуайр еще жив и где-то прячется. А Онести пытается направить следствие по ложному следу!

Самым легким способом проверить достоверность рассказанной ею истории было бы поехать в Салиду и отыскать там старого отшельника, который, если верить Онести, помогал ей хоронить отца.

Но был и еще один путь. Найти те самые таинственные «плывущие камни», о которых она все время твердила.

— Помоги мне, Джесс! — уже почти умоляла его Онести. — Помоги мне найти то, что наказал отыскать отец. Не важно, чем это все окажется! Если Дьюс действительно совершил то страшное дело, то я должна это знать! Если же преступления не было, то ни ты, ни я ничего не потеряем, кроме времени.

Несмотря на предостережение внутреннего голоса, перспектива подобного рода поисков заставила кровь в жилах Джесса вскипеть.

— Хорошо! — кивнул он. — Мы отправимся на поиски «плывущих камней». Но если ты вновь намерена морочить мне голову, если еще раз посмеешь сбежать или попытаться как-то обмануть, то горько пожалеешь о дне, когда познакомились со мной!

Вернувшись окольными путями в Сэйдж-Флэт, они сдали продолжавших оставаться без сознания Роберта и Роско местному судебному исполнителю и заехали на телеграф, откуда Джесс послал депешу своему шефу о ходе расследования дела. После чего они с Онести покинули город и направились по дороге, ведущей на юго-восток. По пути они останавливались в каждом месте, отмеченном звездочкой на карте Онести, расспрашивали каждого встречного, обследовали каждый попадавшийся скальный массив или ущелье.

Джесс лишь изредка разговаривал с Онести, причем даже в этих случаях оставался крайне немногословным и суровым. Если же она сама пыталась завязать разговор, он тут же обрывал ее или просто отмалчивался. Порой Онести даже не верилось, что рядом едет человек, который несколько дней назад вознес ее на вершину блаженства.

И все же Онести верила, что Джесс снова может стать другим...

...Утром третьего дня второй недели их безуспешных поисков небо нахмурилось и хлынул дождь. Но и это никак не изменило настроение Джесса. Казалось, в него вселился невидимый демон.

Жесточайший ливень заставил странников остановиться. Соорудив из покрытых конской попоной сучьев какое-то подобие навеса, они решили переждать непогоду. Ливень сопровождали раскаты грома и завывание ветра. И это было единственным, что слышала Онести. Джесс продолжал хранить молчание. Девушка поняла, что дальше терпеть этого

просто не сможет!

— И как долго будет продолжаться подобный утонченный садизм? — с ехидством спросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Наказание молчанием, которому ты упорно меня подвергаешь.

— Наказание? За что бы я стал тебя наказывать?

— За то, что я сказала тебе правду о своем отце. Ведь ты неделями пытал меня, стараясь ее узнать. Когда же я все рассказала, ты стал вести себя со мной так, как будто я совершила смертный грех! Почему?

— Потому что правды ты мне так и не сказала. Каждое твое слово было сплошной ложью.

— Нет!

— Да! Даже каждый взгляд тогда в Ласт-Хоупе был лживым. Я же понял на примере тех двух бандитов, что ты сделала со мной той ночью! Подсыпала в виски снотворное! А наутро — солгала! И ты это отлично помнишь. Как и то, что, взяв с меня три доллара, заставила поверить, каким способом зарабатываешь себе на жизнь.

— Хочешь получить их назад?

— Нет. Я только хотел бы знать, какого черта ты сразу не признались мне в своей девственности?

Онести потупила взор. В голосе Джесса прозвучала боль глубокой обиды, и ей сделалось стыдно. Она тяжело вздохнула и прошептала:

— Ты бы никогда этого не понял, Джесс! Мне нужны были деньги на дорогу.

— Именно для этого ты опоила меня и наутро внушила, будто бы между нами была близость? Разве не так?

Онести помедлила с ответом, но потом все-таки утвердительно кивнула:

— Я понимаю, что большинство мужчин были бы довольны девственностью своих жен до свадьбы.

— Большинство мужчин надеются, что их будущие жены еще не потеряла свои венки.

— Не хочешь ли ты сказать, что был доволен, приняв меня за проститутку?

Джесс стиснул зубы, но промолчал, а Онести сделала короткую паузу и продолжила:

— Ты большой лицемер, Джесс! И в этом главное отличие моей лжи от твоей.

— Я никогда тебе не лгал!

— Согласна. Но тем не менее не говорил и правду. А это ничем не отличается от лжи.

— Например?

— Пожалуйста: ведь ты мог бы признаться, что работаешь детективом. Но не сделал этого!

— В первые дни нашего знакомства я не думал, что ты будешь представлять для меня какой-нибудь интерес в профессиональном плане.

— А потому решил разыгрывать передо мной роль жалкого бродяги без прошлого и будущего. Так?

— Я просто исполнял свой служебный долг.

— А я боролась за свою жизнь. Это, конечно, тебя не очень интересует, но жизнь — вот все, что у меня осталось!

Онести повернулась и принялась привязывать к седлу жеребца свой вещевой мешок. Джесс с грустью посмотрел на ее изящную фигуру. Как она могла подумать, что ему

безразлична ее жизнь?

Может быть, она считает, что он ухватился за это самое трудное дело только ради удовольствия? Или же ему просто нечего было делать?

Боже, если бы Онести знала, как глубоко проникла в его душу!..

Снова пошел дождь. Джесс спрятался под тент. Погода была пакостной. И настроение — не лучше. Он провел столько ночей в прериях, что сейчас даже не мог бы и сосчитать. Хотя рядом была Онести и им предстояло длинное путешествие вдвоем в погоне за этими чертовыми «плывающими камнями», он еще никогда не чувствовал себя столь одиноким, как сейчас!

Но, может быть, ему стоит постараться забыть все то, что Онести воплощала в себе? Все то, что он привык ненавидеть в этой жизни?

Отец Джесса разрушил иллюзии своего сына. Миранда нанесла болезненный удар по его самолюбию и гордости. Но Онести...

Боже, Онести могла сделать самое страшное — разбить его сердце...

Онести вновь забылась сном. На этот раз — более крепким и даже красивым. Ей снились цвета. Зеленый и голубой... Золотистый и желтый... Они перемешивались друг с другом, сливались в один и снова разделялись.

О-нес-ти!

Не открывая глаз, она повертела головой в разные стороны.

Вы-хо-ди... Выходи, где бы ты ни была!..

Нежный девичий голос продолжал звучать в ушах и манить к себе.

О-нес-ти!

Но она все еще не решалась открыть глаза. Наконец ее имя повторил уже мужской голос — резкий и требовательный:

— Онести! Да проснись же наконец!

Она открыла глаза и увидела склонившееся над ней мужское лицо.

— Джесс?

— Надеялась увидеть еще кого-нибудь?

Его насмешливый тон показался ей приятным. Она приподнялась с земли, села на корточки и протерла глаза.

— Мне приснилось, будто бы кто-то зовет меня по имени.

— Нет ничего удивительного! Я вот уже минут десять, если не более того, пытаюсь тебя разбудить.

Джесс поднялся с колен и пошел к лошадям. Седла на их спинах и запах потухшего костра говорили о том, что Джесс давно на ногах.

— Не будем зря тратить время. Нам сегодня предстоит очень длинная дорога.

Несмотря на демонстративное нетерпение Джесса, Онести не могла заставить себя торопиться. Руки были ватными, ноги — тяжелыми. К тому же что-то кололо сердце. Ей казалось, что она не найдет в себе силы встретить новый день, который обязательно должен будет закончиться разочарованием.

Пока она свертывала коврик, на котором проспала ночь, ей в голову пришла неожиданная и тревожная мысль. Она вдруг подумала, что скорее всего никогда не найдет тайник Дьюса. Ибо они ехали по дороге, на которой ни один пункт не был отмечен звездочкой. И что будет, если они так и не разыщут «плывающие камни»?

Стараясь отделаться от этого гнетущего сомнения, Онести прикрепила к седлу

матерчатую сумку с сапожками и саквояж, влезла на спину своего жеребца и, нагнав Джесса, ехавшего чуть впереди, спросила:

— А ты не расскажешь мне о них?

— О ком?

— О тех людях, которые вас наняли для розыска пропавших детей?

Этот вопрос мучил Онести с того дня, когда она узнала о похищении маленьких девочек. Через какие, наверное, испытания и какое огромное горе пришлось пройти их родителям!

— И что же ты о них хотела узнать? — спросил Джесс.

— Кто они, эти люди? Какие они?

— Честно говоря, я толком и сам не знаю. Потому что никогда с ними не встречался. Мне было приказано только найти Магуайра.

— Но все же ты должен был хоть что-нибудь о них узнать? Хотя бы как зовут мать и отца, откуда они родом? Имеют ли других детей?

— Надеюсь, что я подкреплю фактами легенду, которую ты мне рассказала?

— Видишь ли, если это моя семья, то я имею право знать о ней хоть что-то.

— Если это действительно твоя семья, то я обязательно расскажу о ней все, что знаю сам.

Так! Вот она и получила ответ. Если доказать свою принадлежность к этой семье Онести не удастся, то ближайшие десять лет она может провести за тюремной решеткой! Джесс постарается ей это устроить!

Дождь оставлял дрожащую радугу на колыхавшихся волнах высокой травы. Онести постаралась не думать ни о чем, кроме резвого бега ее жеребца. Она не могла найти в себе силы и дальше выдерживать постоянное раздражение Джесса и охватывающее душу отчаяние в попытках найти наследство, оставленное или не оставленное человеком, приходившимся или не приходившимся ей отцом.

Так или иначе, но все утро и половину дня Онести, дрожа от холода, продолжала думать именно об этом. Неожиданно она встрепенулась, Выпрямилась в седле и внимательно посмотрела вперед, где продолжали волноваться высокие травы прерий.

О-нес-ти! — вдруг явственно донеслось до нее.

Что это? Эхо ночных сновидений? Или же минутное воспоминание?

Онести почувствовала, как учащенно забилось сердце. Перед мысленным взором неожиданно предстала она сама — совсем маленькой девочкой, идущей вместе с очень молодым Дьюсом через эти высокие волнующиеся травы.

— Это здесь! — прошептала Онести, придерживая поводья. — Джесс, это место «плывущих камней»! Я знаю!

— Это? — озадаченно переспросил он. — Но здесь одна трава и деревья, которых, кстати, тоже не больше десятка.

— Это здесь, Джесс! — упрямо повторила она. — Не спрашивай меня, откуда я знаю! Просто — знаю!

Онести вдруг почувствовала такую уверенность, что тут же соскочила с седла и стала оглядываться по сторонам.

Вокруг расстилались прерии. Лишь кое-где, подобно оазисам, возвышались островки раскидистых дубов.

Мысленно Онести вновь перенеслась на много лет назад.

Ее лицо ласкал напоенный запахом травы ветерок. А она, как и тогда, бежала куда-то по бесконечной зеленой равнине и при этом громко хохотала над отцом, пытавшимся ее догнать.

Все было так реально, что Онести даже обернулась и посмотрела назад... Но — нет... Дьюса позади не было. И только откуда-то из-под земли снова донеслось ее имя...

Сердце Онести заколотилось в сумасшедшем ритме. Кожа покрылась пупырышками. «Он упал! Я тогда вообразила, что его поглотила земля. И вот сейчас я слышу его голос из-под земли!»

Тем временем спешился и Джесс.

— Онести, здесь мы можем потерять целый день и ничего не найти! — недовольно крикнул он.

— Что ж, продолжим поиски завтра. И так будем искать изо дня в день, пока не найдем. Я знаю, что это — здесь, и нигде больше! Помнится, где-то неподалеку должна была быть большая глубокая яма, выложенная по краям камнями. Но где точно — не могу вспомнить. Надо поискать!

— А вон там?

Онести повернула голову и посмотрела туда, куда указывал рукой Джесс.

Она увидела большую, очень глубокую яму, выложенную по кругу красными камнями. Подбежав к Джессу, Онести положила ладонь на его плечо. И сразу же отдернула, почувствовав, как искра пробежала по всему ее телу.

— Что там, внизу? — спросила она, затаив дыхание.

— Я ничего не могу рассмотреть. Там очень темно. Принеси мне одну из поношенных юбок, чтобы можно было смастерить факел и исследовать это отверстие чуть глубже.

Онести бросилась к жеребцу, раскрыла саквояж и, порывшись в своих вещах, вытащила темную юбку.

— Вот!

Джесс быстро разорвал юбку на несколько широких полос, связал их вместе и, прикрепив к сучку, отломанному от стоявшего рядом дуба, поджег. Получился яркий факел, который он тут же бросил в яму.

Онести склонилась над самым краем и не отрываясь следила за быстро удалявшимся языком пламени, освещавшим на своем пути стены природной шахты.

— Как ты думаешь, здесь очень глубоко? — спросила она.

— Уж не надеешься ли ты, что я позволю тебе туда спуститься? — сурово спросил Джесс. — Это было бы настоящим безумием! Ведь мы не знаем, что находится на дне.

— На дне лежит мое будущее! — отрезала Онести. — И если ты полагаешь, что можешь меня остановить, то это безумие уже с твоей стороны!

— Тогда я полезу первым! — решительно сказал Джесс, тем самым сильно подняв себя в глазах Онести. — Впрочем, здесь, кажется, не так уж глубоко! Ладно, сейчас увидим!

Онести не стала возражать. Но все же, пока Джесс ходил за веревкой, специально припасенной для подобных случаев и хранившейся в вещевом мешке, она чувствовала себя не очень удобно.

Он укрепил веревку, привязав одним концом к дубу, а другой опустил в яму. После чего ухватился за нее обеими руками и стал осторожно спускаться. Через несколько секунд голова его исчезла в темноте. Затем до Онести долетел его голос:

— Зажги новый факел, брось его мне, а сама очень осторожно спускайся по веревке. До

самого низа она не достает. Но я уже стою на дне колодца и сумею тебя подхватить.

Онести с точностью исполнила все распоряжения и через несколько секунд оказалась в его объятиях. Правда, он тут же отстранился. При свете самодельного факела Онести показалось, что на лице Джесса появилось виноватое выражение.

Мерцавшее, но все же яркое пламя осветило дно и стены шахты. И Онести показалось, что все кругом засияло ослепительным блеском бриллиантов.

— О Боже! — прошептала она. — О Боже! Ты когда-нибудь видел подобную красоту, Джесс?

Но он молчал, будучи не в силах произнести ни слова. Нет, не потому, что был ошарашен красотой сияния камней. Все это не шло ни в какое сравнение с красотой, осветившей лицо Онести, которое так и просилось на полотно кисти великого художника!

Джесс сделал шаг вперед. И с близкого расстояния лицо Онести показалось ему еще более прекрасным. Он понимал, насколько это опасно для него, ибо сразу же почувствовал себя совершенно незащищенным. Усилием воли Джесс плотно сжал губы и еще раз огляделся.

От небольшой круглой площадки, на которой они стояли, в разные стороны тянулись коридоры. Их было несколько. Перед тем как решить, с какого из них начинать исследование подземелья, Онести несколько минут думала. Потом встрепенулась и решительно направилась к самому дальнему слева.

— Ты слышишь шум воды? — спросила она.

— Успокойся, Онести, — совершенно бесстрастно ответил Джесс. — Мы еще не знаем, куда ведут все эти тоннели.

Поскольку она не обращала на него никакого внимания, можно было подумать, что Джесс разговаривает со сталактитами. Она же без колебаний вошла в дальний коридор.

Он последовал за ней. Через несколько шагов они оказались в просторном зале с высоким потолком. Здесь Онести высоко подняла факел и стала методично осматривать каждый сантиметр стены. Затем опустилась на колени и принялась за пол. Джесс же метил мелом стены, чтобы не заблудиться в лабиринте коридоров.

Чувствовал он себя прескверно. Ему казалось, что какой-то невидимый обруч сжимает его грудь. И с каждым шагом это чувство нарастало. Скоро он начал задыхаться, на лбу выступили крупные капли пота, а в затуманивающемся сознании одно за другим стали всплывать совсем нежелательные воспоминания...

— Может быть, нам лучше уйти отсюда? — не выдержал он, когда Онести перешла в следующий зал и принялась так же дотошно изучать его.

— Ты можешь идти, Джесс. А я продолжу осмотр.

— Но мы можем вернуться сюда чуть позже, когда рассветет. Я вижу в потолке щели. Возможно, сюда даже проникает солнечный свет. И тогда мы не будем блуждать по этому чертову лабиринту вслепую. На тщательный осмотр всех этих пещер нам потребуются недели, если не месяцы!

— Меня совсем не интересует, сколько времени у нас уйдет на осмотр. То, что я так долго и мучительно искала, лежит здесь. И я не успокоюсь, пока не найду это.

Джесс боролся с собой, стараясь подавить тревожное чувство, все сильнее охватывающее его. Ему казалось, что его легкие начинают сжиматься. Перед глазами поплыли темные круги и замелькали черные мухи. Он начал понимать, что дольше здесь оставаться не сможет. В довершение всего стал постепенно меркнуть и в конце концов совсем погас факел. Темнота, поглотившая их, проникла, как показалось, в самое сердце. Он

вытянул вперед руки и стал на ощупь искать Онести.

— Я здесь, Джесс! — раздался ее голос. Пальцы Онести сжали его ладонь.

— Почему ты дрожишь?

— Потому что здесь темно, как у нефтяника в желудке! К тому же еще и холодно!

С рождения обладая глазами и инстинктом кошки, Онести взяла Джесса за обе руки и подтянула к стене, по которой он соскользнул на пол.

Онести опустилась рядом.

— Нельзя ли зажечь факел? — спросил он.

— У нас нет ни спичек, ни зажигалки. А что, темнота действует на тебя угнетающе?

— Я вовсе не против темноты. Но не в подземелье! Мне кажется, будто я нахожусь в могиле!

— Если так, то тебе незачем оставаться здесь. Тем более что я себя в темноте и даже в подземелье чувствую превосходно!

— Ну нет уж! Одну тебя я не оставлю! Здесь, вполне возможно, есть летучие мыши. Или еще какая-нибудь мерзость.

Говоря это, Джесс все крепче и крепче сжимал кулаки, пока Онести не положила на них свою ладонь. Одновременно ее вторая рука обвила его шею. Он почувствовал волшебный аромат женских волос.

— Что ты делаешь? — взволнованно воскликнул Джесс, почувствовав, как предательский комок подкатывает к горлу.

— Держу тебя.

— Я понимаю, но... зачем?

— Разве тебе не приятно?

— Э... э... Я бы не сказал, что нет!..

— Ты же удерживал меня, когда я тебя боялась. Теперь моя очередь!

— Почему ты думаешь, что я тебя боюсь? И вообще, разве ты хоть раз видела, чтобы я чего-нибудь или кого-нибудь испугался?

Джесс не решался признаться, что присутствие Онести пугало его куда больше, нежели весь окружавший их лабиринт темных коридоров. Между тем ее голова покоилась на его плече, ее грудь прижималась к его руке, а запах волос все сильнее и сильнее щекотал ноздри.

Они оба вдруг почувствовали, что вся та ложь, которая разделяла их до этого мгновения, на самом деле ничего не значила. Ее надо было забыть навсегда и оставить в памяти только чудесные ночи, проведенные вместе.

Они вслушивались в доносившийся откуда-то шум падающей воды. Джесс почти физически чувствовал, как Онести старается успокоить его. И это ему нравилось больше всего. Она, как никто другой, умела угадывать его настроение, тревоги, даже мысли. Онести уже удалось убедить Джесса в том, что любой его поступок будет встречен ею с пониманием. Что ее устраивало в нем буквально все!

Вот и сейчас она молча сидела рядом, слушала далекие звуки водопада и понимала, что в этот момент ничего большего Джесс от нее не хотел...

Неожиданно Онести начала мурлыкать. Сначала так тихо, что Джесс не сразу узнал мелодию своей собственной песни «Не лги мне!», слова которой принадлежали его отцу. Но, узнав, вдруг снова почувствовал комок в горле. Эта песня перенесла его в далекое прошлое, и он не мог ее спокойно слушать.

Онести замолчала, посмотрела на Джесса и провела ладонью по его щеке.

— Спасибо за то, что помог мне в этих поисках! — прошептала она.

— Если бы ты все рассказали мне с самого начала, то это могло бы сберечь уйму времени, а также избавить от излишней нервозности, — тоже шепотом ответил Джесс.

— Знаю. И жалею о своем поведении. Правда, мне уже давно хотелось все тебе рассказать о Дьюсе. Но я боялась!

— Боялась меня?

— Нет. Того, что ты хотел сделать с моим... с Дьюсом?

— Почему ты не обратилась в полицию, когда он был убит?

— А что бы это дало? Ведь я была уверена, что его убийца мертв.

— Но полиция могла бы организовать тебе охрану, помочь вернуться в свои родные места. Да и многое другое!

— Я думала об этом. Но, видишь ли, мне скорее пристало бежать от закона, нежели искать у него защиты. Любой полицейский мог бы разорвать меня в клочья, узнав, кто я. А суд засадил бы на многие годы в тюрьму. Ведь я помогала Дьюсу обманывать людей!

Онесте прижалась щекой к щеке Джесса и обняла его за талию.

— После смерти отца только рядом с тобой я чувствовала себя в безопасности.

Джесс закрыл глаза. Ему было тепло и приятно ощущать рядом присутствие Онесте.

— Как ты стал сыщиком? — спросила Онесте.

— Рука судьбы! — вздохнул Джесс, откинувшись спиной на холодную стену пещеры. — Мой отец много занимался всякого рода делами. По мере того как я выросл, его приходы домой становились все реже и реже. Когда же мне исполнилось пятнадцать, а может быть, шестнадцать лет, он вообще перестал приходить. Исчез! Мать очень беспокоилась. Не спала ночей. Все время твердила, что отца скорее всего уже нет на этом свете. Тогда я решил заняться его поисками. Это заняло у меня больше года, но в конце концов я обнаружил родителя на плантации в штате Теннесси, где он жил... с другой женщиной.

— У него была другая жена?

— Ну, не совсем жена. Это была родная сестра моей матери. В Теннесси отец нажил себе приличное состояние. Он выращивал и продавал хлопок. Он хотел, чтобы я носил фамилию Рандолф.

— Это фамилия твоей тети?

— Да. Сестра моей матери была благородного происхождения и очень даже привлекательной внешне. Отец начал ухаживать за ней. Потом они полюбили друг друга. Так по крайней мере он говорил. Но тут возникла проблема: оказалось, что моя тетушка не могла иметь детей. Отец был в отчаянии.

— Почему он не усыновил ребенка? После войны по всей стране остались тысячи сирот.

— О, надо знать моего отца! Он всегда хочет только того, чего действительно хочет! И ничего другого! Причем его абсолютно не интересует, кто от этого может пострадать. Отец желал иметь своего собственного сына, который мог бы унаследовать его состояние. Но его надеждам не суждено было оправдаться. Тогда он женился на моей матери, рассчитывая уже на ее состояние. И настоял на том, чтобы она произвела на свет наследника. Таковым явился я.

— Но твоя матушка не знала, что раньше он жил с ее сестрой?

— Она об этом даже не догадывалась.

— И тетя ничего ей об этом не рассказала?

— Нет. Одной из причин стала Гражданская война, которая развела сестер по разным

сторонам баррикады. Тетя была убежденной сторонницей южан. Матушка же до мозга костей северянкой. Поэтому они разбежались и больше никогда не виделись. Правда, после окончания войны матушка все же узнала о проделках своего мужа.

— Представляю, в какое отчаяние ее это привело!

— Отчаяние? Это не то слово! Матушка просто сошла с ума. Она продала свой дом в Чикаго, и мы переехали на Запад. Никто из родственников по маминой линии не хотел больше иметь ничего общего с моим отцом. Матушка вернула ему все, что когда-либо от него получила: фамилию, деньги, даже ноты... Одним словом — все... Кроме меня...

— А что стало с тетей?

— Она умерла через два года.

— Ты же поступил на работу в агентство «Пинкертон». Так?

Джесс снял руку с талии Онести и провел большим пальцем по ее спине.

— Как-то раз я рассказал одному знакомому о том, как разыскивал отца. Он пересказал это другу, который работал в «Пинкертоне». Прошло немного времени, и я сам не заметил, как меня туда завербовали. В то время я был безработным, а потому не стал возражать. И с тех пор работаю.

— Просто поразительно, как ты смог простить своего отца после всего того, что он натворил!

— Все не так просто, Онести! Я не простил его. Ибо прощение означало бы заботу. Я же этого делать не захотел. Потому что он постоянно лгал, мошенничал, использовал людей в своих грязных целях. Этот человек разбил сердце моей матери и запятнал ее чистое имя. Поэтому для меня он больше не существует.

— Он должен существовать для тебя, Джесс! Иначе бы ты не потратил половину своей жизни на преследование тех мерзавцев, кто обманывает и грабит честных людей, как это делал твой отец по отношению к собственной жене и сыну.

Грудь Джесса затряслась от сдерживаемого хохота.

— Боже мой, Онести! Ну можно ли так ошибаться? Мое решение начать работать в «Пинкертоне» ни в коем случае не диктовалось благородными стремлениями бороться со злом, творимым людьми вроде моего родителя, и исправлять его. Это было просто желание до предела разозлить его! Стать таким, кого отец всегда ненавидел: диким, безрассудным варваром... Я сам долго не осознавал это. А когда понял, было уже поздно. В меня вселилась злость, которая могла убить и тебя!

— Каким образом?

— Много лет назад мне было поручено дело, связанное с разоблачением шайки преступников, захватившей руководство шахтами. Это были очень опасные люди. Они убивали, насиловали, наводили трепет на всю округу.

Занявшись порученным делом, я для начала попытался внедриться в банду. Это мне удалось. Поскольку надо было поддерживать связь со своими коллегами, я привлек к работе в качестве связной одну женщину — Миранду. Она обещала мне всячески помогать, коль скоро эти мерзавцы убили ее мужа.

Бандиты все же заподозрили, кто я на самом деле, и пригрозили убить. Но не сделали этого. Однако на протяжении многих месяцев они держали меня на дне одной из самых глубоких шахт, категорически запретив подниматься наверх. Я был лишен всякой возможности поддерживать связь со своим агентством.

Но тут в стане бандитов произошло нечто очень серьезное, о чем я пронюхал. Теперь

надо было как-то доставить эту информацию в агентство. Мне удалось подкупить охрану, и я передал Миранде донесение для старшего полицейского офицера.

Но до него оно не дошло, поскольку Миранда передала его кому-то еще. Это поставило всю операцию по разоблачению банды под угрозу срыва. Дело зашло так далеко, что Макпарланд был вынужден... расстрелять меня, дабы доказать, что сам он к операции никакого отношения не имеет. В противном случае могли пострадать сотни ни в чем не повинных людей.

— Значит, именно это ты имел в виду, когда говорил, что инсценировка расстрела спасла тебе жизнь?

Джесс утвердительно кивнул.

— Когда я поправился, то вернулся в Денвер и подал в агентство рапорт об отставке. Однако Макпарланд отставки не принял, пообещав взамен чуть ли не луну с неба. Но при условии, если я сумею распутать сложнейшее дело, тянувшееся уже более шестнадцати лет.

— То есть он предложил поймать моего отца, — грустно усмехнулась Онести. — Так... Насколько я понимаю, закончив это дело, ты вернешься в Денвер?

— Видишь ли, Онести, это зависит от тебя!

— От меня?!

— Да, от тебя, Онести!

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь обо мне то, чего не знает больше никто.

— И ты опасаясь, что я тебя выдам?

— Если речь пойдет о том, чтобы спасти собственную жизнь, я думаю, что ты пойдешь на это. Даже против собственной воли!

— Джесс, ты забыл, что я не Миранда! Конечно, я понимаю: то, что сделала она, нельзя вычеркнуть из памяти. Потом, мне известно, как чувствует себя человек, которого предали: он уже никому в этом мире не может доверять. Но если ты никому уже не веришь, то поверь по крайней мере тому, что я сейчас скажу.

— Чему именно?

— Тому, что я тебя люблю. И полюбила с того дня, когда ты сел за пианино в салоне Скарлет Роуз, заставив тот старый, разбитый инструмент божественно звучать, а меня — петь. Не знаю уж как... С каждым днем моя любовь к тебе росла. А потому я никогда тебя не предаю! И сейчас не оставлю одного в этой темноте.

Последовала долгая пауза.

— Время все покажет, не правда ли? — наконец задумчиво произнес Джесс.

В ту ночь Онести очень плохо спала. Ей не давало покоя все, что рассказал Джесс о своем отце и Миранде. Вновь и вновь она вспоминала каждое его слово. И понимала, как трудно дались Джессу эти откровения. Ведь он не отличался излишней доверчивостью! Особенно с теми, кого не очень хорошо знал. Так у него было и с Онести. А она ничего не могла поделать с этой чертой его характера. Надеялась только, что он просто ее испытывает...

Он сказал ей правду. Онести хотела ответить ему тем же.

Когда первые проблески рассвета стали проникать через щели каменного потолка, Онести положила голову на грудь Джесса. Сделала она это очень осторожно, чтобы его не разбудить.

Джесс высоко ценит смелость, думала Онести. Что ж, у нее не было в этом недостатка.

Джесс хочет правды? Он ее получит...

...Минуя коридоры, которые Джесс пометил мелом, Онести продолжала исследовать подземный лабиринт. «Плывущие камни» должны были находиться где-то очень близко. И если она найдет их, то докажет, что является тем самым ребенком, которого шестнадцать лет назад Дьюс Магуайр выкрал из семьи.

Онести уже потеряла счет времени, блуждая по тоннелям пещеры. И вдруг она остановилась, не веря своим глазам.

Мягкий желтый свет лился откуда-то сверху в просторный зал. Полноводный ручей пробивал себе дорогу сквозь скалу, которая, медленно растворяясь в нем, разбрасывала вокруг себя сотни разноцветных камней, уносимых течением.

«Вот они, «плывущие камни!»» — пронеслось в мозгу Онести.

Прошло несколько минут, прежде чем Онести, зачарованно смотревшая на эту первозданную красоту, вновь обрела способность двигаться. Она сделала неуверенный шаг вперед. Затем — второй. И ей вдруг показалось, что чья-то невидимая рука повела ее дальше, в этот хаос плывущих по ручью разноцветных камней, к дальней стене.

Руки Онести стали обшаривать стену. И очень скоро она наткнулась на небольшую коробку. Девушка осторожно нащупала ее края и без особых усилий вытащила из каменного тайника продолговатый ящичек. Сердце ее стучало, отдаваясь в груди громким эхом. Она не выдержала и опустила ящичек на каменный пол. Внутренний голос настойчиво требовал, чтобы она не открывала коробку, потому что она уже никогда не сможет остаться прежней. Но если она не откроет крышку, то никогда не узнает, имели ли под собой почву ужасные и оскорбительные обвинения Джесса.

Набравшись смелости, Онести вытерла вспотевшие от волнения ладони о юбку, положила их на крышку коробки и, сильно нажав на уголки большим и указательным пальцами, продавila ее внутрь. Раздался сухой треск. Испугавшись, она отскочила от стены почти на два шага.

— О Господи! — вырвалось у нее из груди.

Она машинально обернулась и увидела Джесса, стоявшего у входа в зал. Выражение его лица отражало состояние души самой Онести. Ее же губы двигались, но совершенно беззвучно.

Он подошел к стене и опустился на колени перед коробкой.

— Джесс, — задыхаясь от волнения, прошептала Онести, — это существует! Я не верила Роско, когда он сказал, что мой отец вроде бы где-то спрятал свои миллионы. Но бандит, видимо, и сам мало что знал об этом. А вот, оказывается, где все богатства! Посмотри, стены усыпаны драгоценными камнями. А по ручью плывут самые настоящие рубины и бриллианты!

Джесс тем временем протянул руку и вытащил из коробки увесистую пачку банкнот. Она оказалась такой тяжелой, что он не смог удержать ее одной рукой и уронил на пол.

— Здесь же тысячи долларов! — воскликнул он.

— Вот поэтому-то братья Трит так упорно охотились за моим отцом! — вздохнула Онести.

Джесс подобрал упавшие банкноты и вытащил из ящика такую же пачку. Порывшись у себя в кармане и найдя довольно длинный шнурок, он связал обе в одну. Потом еще раз заглянул в коробку и увидел лежавший на самом дне запечатанный конверт.

Повертев его в руках, он протянул конверт Онести.

— Открой его, — сказала она.

Разорвав бумагу, он вынул сложенный вдвое листок. Развернув его, Джесс вопросительно посмотрел на Онести.

— Читай! — приказала она.

Он поднес бумагу к самым глазам и начал читать:

— «Дорогая моя Онести!

Если ты сейчас читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых. Поэтому я должен признаться тебе во всех своих грехах. И может быть, настанет день, когда ты сможешь меня простить! Дорогая моя девочка! Ты должна знать, что я не твой отец...»

Голос Джесса стал глухим, едва слышным.

— Дальше! — скомандовала Онести, чувствуя, как у нее потеют ладони, а в груди начинает перехватывать дыхание.

— Боже мой! Дальше он пишет, что ты наследница миллионера Филиппа Джервиса.

— Я?!

— Да, ты, Онести! Как одна из тех маленьких девочек, которых шестнадцать лет назад похитил Магуайр.

Онести в душе поблагодарила небо за то, что в этот момент она сидела на выступе стены. Иначе бы непременно упала на каменный пол.

Она — наследница миллионера?!

— Это какая-то ошибка! — запротестовала Онести.

— Нет здесь никакой ошибки! Ведь это своего рода исповедь твоего отца. А еще в этом конверте лежит вырезка из газеты «Сан-Франциско кроникл». И вот заголовок: «Похищение двух девочек, наследниц богатого состояния. Начато расследование. Разыскивается некто Магуайр».

— Но я же никогда не была в Сан-Франциско! — возразила Онести. — Мы приехали в Галвестон прямо из Шотландии!

— Так он тебе сказал, Онести! Я теперь должен к тебе снова обращаться на вы и называть Энис?

— Энис?

— Да, именно так! Ибо твое настоящее имя Энис Джервис.

Онести произнесла про себя это имя и твердо решила, что оно ей не подходит.

— Магуайр, должно быть, спрятал здесь богатство и это письмо перед тем, как похитить тебя и твою сестру.

— Но как он мог совершить столь ужасный поступок?! И как сумел убедить меня, что он мой родной отец? При чем хранил эту тайну много лет! И наконец, зачем он это сделал?

Онести смотрела на Джесса, как будто он знал ответы на все эти вопросы.

— Из-за денег, Онести! — глухо проговорил он. — Магуайр пишет, что встретил человека, обещавшего ему сказочные богатства, если он выкрадет из дома Джервиса нечто такое, что имеет огромную ценность, и какое-то время будет хранить у себя. Эта ценность — ты, Онести, и твоя сестренка.

— Странно! Если он хотел получить деньги, то зачем спрятал их в пещере?

Джесс не ответил и снова углубился в чтение письма:

— Он пишет, что тот человек не намеревался вернуть вас в семью. Узнав об этом, Дьюс сам забрал вас вместе с деньгами и скрылся. Кроме того, Магуайр пишет, что пытался вернуть вас родителям, но испугался, что раскроется его участие в преступлении и он

проведет весь остаток жизни за решеткой.

— Это все?

— Нет. Письмо заканчивается словами: «Единственное, о чем я сожалею, что в тебе не течет моя кровь. Но ты все равно навсегда останешься моей дочерью, которую я безумно любил и старался до самого последнего вздоха охранять от всяких несчастий».

Слезы брызнули из глаз Онести.

— Он и умер, пытаясь защитить меня! — прошептала она.

Вытерев слезы, Онести посмотрела на Джесса:

— Что в газетной вырезке говорится о девочках-близнецах? Ведь одна из них — это я!

— Говорится, что у тебя действительно была сестра. Но имя не указано.

— Ее звали Фэйт. И если я смогла выжить, то ей, возможно, тоже это удалось.

— Возможно, — согласился Джесс, хотя его голос прозвучал не очень уверенно.

— Выяснить все это можно единственным способом.

— Каким?

— Джесс, ты мог бы отвезти меня домой?

— Ты имеешь в виду Сан-Франциско?

— Да, именно туда!

Стиснув зубы, Онести смотрела сквозь железную калитку на огромное здание с четырьмя белыми колоннами, возвышавшееся у самой вершины Ноб-Хилла. Они с Джессом добирались сюда почти три недели. Сначала тащились на рейсовом дилижансе, а затем ехали на поезде.

— Это и есть дом Джервиса? — спросила Онести. — Выглядит совсем как крепость! Не ведь мы туда не попадем!

— Попадем. И через парадную дверь. Только сначала придется перелезть через эту калитку.

Джесс обхватил Онести за талию и хотел помочь вскарабкаться на металлическую решетку, но она его оттолкнула:

— Я не полезу, Джесс! Не могу! Это как-то неудобно. Будто мы воры! И вообще... Давай вернемся в Колорадо.

— Онести, ты не должна этого делать! Пойми же, здесь твой родной дом.

— Я чувствую себя обманщицей и не желаю кому-то навязываться. Что, если они меня не примут?!

Она никак не могла поверить, что наследует огромное состояние, принадлежащее крупнейшему судовладельцу страны. Пусть даже и с сестрой, если та жива. Ей стало страшно.

Действительно, что Онести Магуайр, выросшая в постоянных переездах из города в город, среди баров, пабов, шахтерских пивных и сомнительных заведений, могла знать о жизни здешнего света? Единственное, что она умела делать, так это петь! Но все ее выступления ограничивались опять же третьесортными салонами и танцевальными заведениями, выполняющими порой и другое назначение...

— А если я им не понравлюсь? — спросила Онести, пытливо смотря в глаза Джесса. — И как мне себя вести?

— Надо просто быть самой собой. А если ты им не понравишься, что ж, значит, они тебя не стоят!

Ранее Джесс настоял, чтобы они зашли в один из здешних магазинов и купили приличную одежду. Сейчас на Онести было красное в белую полоску платье со свободными рукавами, перехваченное на талии широким поясом. Волосы она собрала в пучок на затылке со спадающим на спину длинным, роскошным «хвостом».

Джесс купил себе новый серый костюм, повязал яркий галстук и перевязал свои густые светлые волосы голубой лентой.

Хотя и не без труда, но они все же перебрались через железную калитку и медленно пошли к главному входу по посыпанной желтым песком дорожке.

Пока они приближались к дому, Онести думала о том, каким тихим и спокойным сделался Джесс с тех пор, как они обнаружили тайник Дьюса и прочитали его завещание. Она не могла понять причину подобной перемены. Наверное, Джесс чувствовал себя счастливым. Ведь он скоро отделается от нее! Она доставляла ему столько хлопот...

Навернувшиеся слезы защипали глаза Онести. Остановившись у нижней ступеньки парадной лестницы, она повернулась к Джессу и долго смотрела ему в лицо. И казалось, могла не сводить с него глаз всю жизнь. Ведь если будет доказано, что Онести на самом деле

Энис Джервис, то Джессу придется тут же уехать. Уехать и увезти с собой... ее разбитое сердце...

Онести приподнялась на цыпочки и нежно поцеловала его в щеку.

— За что это? — не без удивления спросил он.

— За смелость!

Джесс прокашлялся и отстранился:

— Ты готова?

Онести кивнула и подумала, что, если это семейство ее не примет, она сумеет найти другое пристанище. Так уже бывало в ее жизни, и не раз...

Джесс негромко постучал в дверь. Она тут же открылась.

— Нам необходимо видеть господина Антона Джервиса, — сказал он появившемуся на пороге дворецкому.

Тот окинул взглядом сначала его, потом Онести. Затем, отступив на шаг, пропустил обоих в дом и предложил пройти в гостиную.

Это была просторная комната, три стены которой занимали полки с книгами. Огромное окно выходило на лежавшую далеко внизу бухту. Над большим камином, выполненным в старинном английском стиле, висел портрет мужчины средних лет вместе с женщиной примерно того же возраста и двумя маленькими девочками. В отличие от большинства картин портретного жанра, при создании которых от художника традиционно требовали строгого выражения лиц изображаемых персонажей, здесь все четверо улыбались.

У мужчины были густые черные волосы, расчесанные на прямой пробор, темные густые и тщательно подстриженные брови, узкий нос и глубоко посаженные карие глаза. По вискам спускались пышные баки.

У женщины были светло-каштановые волосы и светло-голубые глаза, каких Онести еще ни разу ни у кого не видела. Брови широко раскинулись над чуть полноватым носом. Рот был большой, с полными чувственными губами.

Онести не могла бы назвать эту женщину очень красивой. Но в ней чувствовалась внутренняя грация, что не могло не привлекать внимания.

У ног родителей сидели две девчушки двух или трех лет от роду — видимо, те самые, которые и стали жертвами похищения. Волосы у обеих были гораздо светлее, чем у матери.

— Смотри, Джесс, — воскликнула Онести, указывая на ручку одной из девочек, — вон мое кольцо!

В этот момент в гостиную вошел высокий широкоплечий человек.

— Чем могу служить? — не особенно приветливо спросил он.

— Мы приехали, чтобы встретиться с господином Антоном Джервисом, — торжественно объявил Джесс.

Глаза вошедшего сразу же сделались узкими и колючими.

— Мистер Джервис сейчас отдыхает и просил его не беспокоить.

— Просим вас передать господину Джервису, что его дочь Энис приехала, чтобы увидеться с ним.

— Это невозможно! Моя кузина давно умерла.

Чуть загорелое лицо кузена посерело.

На лице же Джесса появилась язвительная усмешка.

— Готов поспорить, что вы хотели этого, не так ли? — злобно проговорил он.

— Джесс...

— Нет, Онести! Вы только посмотрите на этого человека! Ведь если бы вы не вернулись, то все богатство мистера Джервиса досталось ему!

— Как вы смеете?! — воскликнул племянник Джервиса. — Этот дом уже шестнадцать лет одет в траур. И если бы я мог вернуть Энис, то сделал бы это немедленно! Вы даже представить себе не можете, сколько раз я желал, чтобы из той проклятой бухты мертвым вытащили меня, а не несчастных девчушек! Нет, господа! Я не знаю, в какую игру вы играете, но попросил бы вас обоих немедленно уйти из этого дома!

— Мы оба останемся здесь! — твердо объявила Онести.

— Ах вот как?! — воскликнул племянник. — Тогда мне не остается ничего другого, как...

Он схватил со стола колокольчик и позвонил. В дверях тут же появился слуга.

— Вызовите полицию!

— Прекрасная идея! — подхватил Джесс. — Но одновременно пригласите и адвоката. Вам он очень понадобится!

— Кто вы такой, чтобы давать распоряжения?

— Разрешите представиться: Джесс Джонс — агент разыскного агентства «Пинкертон», нанятый для поимки Дьюса Магуайра.

— Детектив?

— Да.

— Мы действительно нанимали детектива для поимки того мерзавца. Но это было очень давно!

— Тогда кто же нанимал Джесса? — недоуменно спросила Онести.

— Это сделал я, — раздался голос откуда-то сверху.

Все подняли головы и увидели человека, спускавшегося по лестнице со второго этажа.

Это был статный мужчина, чуть старше средних лет, в коричневой шелковой мантии, в которую обычно облачаются на судебных процессах юристы, надетой поверх брюк и белой рубахи.

Племянник тут же подбежал к нему, помог спуститься с последних ступенек и усадил на старинный стул в стиле времен королевы Анны.

— Дядя, почему вы встали с постели? — спросил он учтиво.

— Алекс, я поспешил вниз, чтобы приветствовать свою родную дочь Энис, возвратившуюся в отцовский дом.

Дядя улыбался, но на ресницах его дрожали слезы.

— Дядюшка, Энис, к сожалению, здесь нет! — пробормотал Алекс.

— Кто же тогда стоит передо мной? Или ты не узнаешь золотистые кудри ее матери?

— Вы... мой отец? — срывающимся от волнения голосом спросила Онести.

— Дядюшка, перед вами всего лишь очередная авантюристка, желающая нажиться на нашей трагедии! — поспешил вмешаться Алекс.

Джесс сделал шаг вперед:

— Еще одно оскорбительное слово в ее адрес, и вас действительно будут выживать из бухты!

— Александр не хотел сказать ничего плохого, — вступился за племянника старший Джервис. — Он только хочет защитить меня. Дело в том, что сюда уже не раз вторгались некоторые личности женского пола, каждая из которых пыталась выдать себя за одну из моих дочерей. Пока все эти попытки не имели успеха. Но сейчас, мой дорогой племянник, я

вижу нечто совсем другое. Ты только внимательнее посмотри на эту девушку. И тогда, уверен, непременно узнаешь в ней нашу любимую Энис! Да что там! Просто взгляни в ее глаза, и ты сразу же скажешь, кто это!

С плохо скрываемой неохотой Алекс подошел к Онести. Потом медленно поднял голову и долго изучал висевший на стене портрет. Снова повернулся к Онести и вдруг воскликнул:

— Мой Бог! Это действительно вы!

— А я тебе что говорил? — с торжеством в голосе произнес Джервис.

— Но... Как же это?.. Я ведь был здесь за день до вашего похищения. И отлично помню, во что вы были одеты. Это было очень красивое длинное детское платьице голубого цвета, подпоясанное черным пояском, и с миниатюрным кружевным воротничком... Господи, все эти годы я нес на себе тяжелейший груз непростительной вины за то, что не уберег вас!

— Алекс! — воскликнула Онести. — Я же здесь! И все снова в порядке!

— Дорогая моя кузина! Ведь в тот страшный день именно мне было поручено вас опекать. Я отвернулся на какой-то момент. И тогда все произошло! Господи! Энис, сможете ли вы когда-нибудь меня простить?!

— Мне не за что вас прощать, Алекс!

— Деточка моя, подойди ближе! — раздался взволнованный голос из-за спины Онести. — Дай мне на тебя посмотреть!

Тут Онести поняла, что, разговаривая с кузеном, совсем забыла про своего родного отца. Она посмотрела на Джервиса и вдруг почувствовала, что перед ней стоит совершенно незнакомый, чужой человек. Такой же, каким показался ей Джесс в первые часы их знакомства.

Смущенно и неуверенно она подошла к нему.

— Ты стала очень красивой молодой женщиной, как я и предвидел! — сказал он, с гордостью глядя на дочь.

Онести посмотрела на Джесса и покраснела. Она надеялась, что отец не поймет, до какой степени его дочь стала женщиной...

— Твоя матушка уверяла меня, что настанет день, когда обе дочери вернутся в родной дом.

— А где мама? — спросила Онести. — Она здесь? Я очень хочу ее увидеть!

Джервис поник, глаза его потухли, а плечи опустились.

— Боже, это невозможно! — прошептал он. — Твоя мама умерла в тот самый день, когда бандиты выкрали тебя и сестру из дома...

За ужином все разговаривали о том, как шестнадцать лет назад была похищена Онести. Она же чувствовала себя явно не в своей тарелке. В первую очередь потому, что никогда еще в своей жизни не видела столь богато сервированного стола и такого разнообразия деликатесных блюд.

Во главе стола сидел Антон Джервис. Справа от него — Онести. Прямо напротив не оказалось Алекса. Джессу было отведено место на дальнем конце. Это расстроило Онести, которой очень хотелось, чтобы он был рядом.

Джервис рассказал о том, как от тяжелой, изнурительной болезни умерла мать Онести; Джервис получил письмо от неизвестного похитителя, который требовал залог в миллион долларов, в противном случае угрожал убить детей. Чтобы спасти девочек, семья в срочном порядке продала два парохода и собрала требуемые деньги, которые были оставлены в условленном месте недалеко от порта.

Но Джервис не получил назад своих дочерей. И лишь несколько часов назад вновь обрел одну из них.

— Мы теперь знаем, что похититель действовал не в одиночку, — заключил свой рассказ Джервис и при этом многозначительно посмотрел на Алекса.

Алекс густо покраснел и уткнулся в тарелку. Джервис же тяжело вздохнул и сказал:

— Автором идеи и плана преступления оказался мой родной брат — отец Алекса.

Джесс слушал это с бесстрастным выражением лица, скрестив на груди руки. Онести же восприняла рассказ о своем похищении так, как будто все это случилось не с ней, а с кем-то другим.

В ответ она рассказала о своей жизни и поисках, которыми занималась в последние месяцы после смерти Дьюса. При этом многие детали постаралась опустить. Ее отношения с Джессом были слишком интимной темой. Тем более что хозяин дома и его племянник казались Онести скорее чужими людьми, чем близкими родственниками.

— Дьюс был добрым человеком, — говорила она. — Я понимаю, что в это трудно поверить, но все же он был таким!

Онести показала Джервису и его племяннику письмо Магуайра.

— Поэтому я считала своим долгом свято исполнить его последнюю волю и для этого объехала чуть ли не всю страну. Вот посмотрите!

Она вытащила из сумочки пачку счетов за переезды, гостиницы, телеграммы с запросами и так далее.

— Вот чего стоили Джессу мои поиски!

У Джервиса и Алекса глаза полезли на лоб. Антон прокашлялся и обратился к Джессу:

— Мы перед вами в неоплатном долгу. Но все же, прошу вас, позвольте нам оплатить хотя бы эти счета!

Джесс посмотрел на дядюшку с племянником, потом, с шумом отодвинув стул, выбежал из гостиной...

Джесс наблюдал, как волны разбивались об острые выступы скал, которые выстроились вдоль берега под самым домом Антона Джервиса. Ему казалось, что каждая из них хотела расколоть его сердце. Джессу все представлялось совсем иначе: вот он приведет Онести в ее родной дом, поможет ей воссоединиться с семьей, а сам спокойно, не оглядываясь, удалится.

Однако оказалось, что Онести завладела им, хотя Джесс и не до конца поверил ее рассказу. Но сейчас Джервис сделал попытку откупиться от него деньгами, и Джесс подумал, что сам был готов заплатить вдвое больше, лишь бы Онести (она же — Энис) осталась с ним.

— Джесс... — услышал он знакомый голос.

Но не обернулся, хотя почувствовал, что Онести подошла к нему вплотную. Почему-то у него не хватило силы посмотреть на нее. Наверное, потому, что не хотел лишний раз переживать предстоящую разлуку, которая будет мучить его до конца жизни.

— Ты уезжаешь?

Джесс чуть заметно кивнул. Он еще не до конца поверил, что эти слова Онести произнесла, прощаясь с ним навсегда. Прощаясь перед тем, как самой стать полноправным членом семьи Джервис и наследницей огромного состояния.

— Мой отец хотел бы, чтобы ты разыскал и мою сестру, — тихо сказала Онести.

— Если ему нужен детектив, то пусть найдет кого-нибудь другого. Я не хочу к нему наниматься.

— Другими словами, ты не намерен возвращаться в Денвер и продолжать сотрудничать с «Пинкертоном»?

— Я еще не решил, чем стану заниматься, Онести. Признаюсь, что работать в агентстве мне очень нравилось, но...

Черт побери, что же теперь ему делать? Онести права: ведя прежнюю жизнь, он никогда не будет счастлив. Он хотел большого чувства. Огненной, безрассудной страсти. Хотел всего того, что принесла с собой в его жизнь Онести.

А главное — он хотел, чтобы она всегда была рядом!

Мысль о том, что теперь ему снова придется проводить ночи под открытым небом, острой болью разрывала грудь Джесса. Душу его наполняла беспредельная грусть.

— Пока я даже не могу представить, что буду лишен возможности и дальше заниматься своим делом... — с горечью произнес он.

— Почему же? Ты прекрасный, талантливый сыщик, очень нужный агентству.

— Когда-то это действительно было так! Но только до того момента, когда я потерял веру в себя.

Впервые Джесс высказал вслух то, в чем еще совсем недавно не признавался даже самому себе.

— О, Джесс...

Онести обняла его за талию. Джесс в изнеможении закрыл глаза.

— Ты не потерял веру в себя! — прошептала она ему на ухо. — Просто очень устал. Поэтому у тебя немного притупились чувства.

— Нет, Онести! Я действительно потерял веру в себя. Совсем недавно я в этом еще сомневался. Но ты внесла в мою жизнь ясность...

— Это случилось, когда ты узнал о моем родстве с Дьюсом? Прошу тебя, Джесс, хоть немного поверить мне! Ведь я не могла, живя бок о бок с крупнейшим авантюристом Дикого Запада, ничему не научиться!

Джесс понимал, что Онести пытается облегчить горечь утраты, хотя это было явно бесполезным.

— Я должен был узнать всю правду о том, кем ты была, — прошептал он.

— Как об этом мог узнать ты, когда я сама очень смутно представляла себе жизнь, которую вела? Что касается Дьюса, то он был большим мастером обмана. Но и ты очень искусно маскировался. В противном случае я бы уже давно догадалась, кто ты на самом деле!

— Возможно — да. А возможно — и нет! Но это ничего бы не изменило. Видишь ли, я очень устал. Человек непременно устает, когда ему приходится постоянно ждать предательского удара в спину!

— А если я буду оберегать тебя от предательских ударов?

Джесс не понял, обрадовало или тронуло его это неожиданное предложение. Конечно, Онести была импульсивной женщиной и потому нередко совершала ошибки.

Он посмотрел ей в глаза и не без удивления спросил:

— Извини, что ты сказала?

Она положила обе ладони ему на грудь и несколько секунд внимательно изучала жемчужную пуговицу на воротнике его сорочки. Потом подняла голову и прошептала:

— Я хотела сказать, что ты, верно, не совсем понимаешь, каково мне будет жить здесь без тебя.

Джесс нежно погладил ее по щеке.

— Онести... Кто я для тебя?

— Ты — моя сила. Моя музыка. Мое прибежище от всяких бед и несчастий. Все в этом мире становится вверх дном, когда тебя нет рядом! Ну как мы станем жить друг без друга?

Джесс прижал Онести к себе.

— Мы останемся такими же, какими были вчера, позавчера и еще раньше, — горячо заговорил он. — Наши имена и фамилии могут измениться. Но не сердца!..

— Ты действительно в это веришь, Джесс? — спросила Онести, и глаза ее вспыхнули надеждой.

— Без сомнения! Сейчас это единственное, во что я по-настоящему верю!

— Тогда почему же ты считаешь, что мои чувства отличаются от твоих?

— Если бы я думал иначе, то никогда бы не смог от тебя уехать.

— Так не уезжай! Останься со мной!

— Не могу. Ибо уже много лет, как я отказался от светской жизни.

— Тогда возьми меня с собой!

— Но здесь твой родной дом, Онести!

— Нет. Это родной дом Энис Джервис и ее отца — миллионера Антона Джервиса. А я — не его наследница! Я дочь самого большого мошенника и проходимца на Диком Западе. Представь себе, как я могу скомпрометировать крупнейшую американскую судоходную компанию и какой урон ей нанести!

Грустная улыбка тронула губы Джесса. Онести заметила ее:

— Я не осуждаю тебя за то, что ты не желаешь воспользоваться возможностью стать мужем миллионерши. Это естественно после того, как я столь бесчестно вела себя по отношению к тебе. Но, видишь ли, я потратила столько лет, скитаясь по всей стране, не для того, чтобы провести остаток жизни в стеклянной клетке. Я решила освоить профессию следователя. Естественно, под руководством своего супруга. Если, конечно, он на это согласится.

Джесс был поражен. Он с восхищением смотрел на женщину, которая была готова без сожаления отказаться от возможности начать роскошную жизнь, о которой многие другие представительницы прекрасной половины человечества могли бы только мечтать.

— Только обещай никогда не лгать мне! И — никаких секретов! Пойми, дорогая, что мне некому в этом мире доверять, кроме тебя!

— Значат ли эти слова, что ты согласен взять меня с собой?

Сердце Джесса забилося от счастья. А руки еще крепче обхватили Онести и прижали к груди.

— Кто-то должен был в конце концов направить твои несравненные таланты на пользу дела!

Онести обвила руками его шею:

— У тебя не меньше талантов!

Она посмотрела на него с улыбкой, которая стоила куда больше миллиона долларов...

Больше книг на сайте - Knigolub.net